

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2012

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Белый генерал**4

Забывтые страницы

Алексей Толстой **Простая душа**22

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Лицо с великой биографией** 32

Великий смешной94

Рассказ

Андрей Вертинский **Всегда говори...** 40

Майк Маклин **Грехи наши тяжкие** 100

Поэзия

Надежда Веселова **Стихи**62

Открытие «Смены»

Ольга Займенцева **Палитра солнечного дня**66

Шедевры

Ирина Опимах **«Свобода на баррикадах»** 74

Неизвестное об известном

Виктор Ом **Надар с бульвара Капуцинок**82

Чем живем

Татьяна Харламова **Прими мою боль**110

Рассказ без вымысла

Юрий Лопусов **«Есть прелесть тайная
в созвучьи тихих слов»**117

Детектив

Стивен Ван Дайн **Пурпурный дом**126

Кроссворд. Эрудит

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Константин Мирошник, Наталья Кургузова-Мирошник
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №1802

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.10.2012

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Татьяна Матушова

редактор районной газеты,
село Ершичи Смоленской области

Пусть будет понедельник. Все — с нуля!
Или четверг, и дождик будет кстати.
Другая жизнь, совсем другая я...
И даже вместо брюк надену платье.
Куплю блокнот, начну вести дневник.
Все разложу по полочкам и нишам.
...Но к стеклам вечер сумрачный приник,
И мой энтузиазм куда-то вышел.
Он испарился: осень на дворе.
Оставлю до весны мечты и планы.
И уж весной, и вы поверьте мне,
Я самой новой, самой лучшей стану.

Мы построили дом из любимых стихов,
Задушевных бесед и счастливых моментов.
Мы связали его из травы и цветов
И на этом закончили эксперименты.
В бурю дом устоял, но пришлось нелегко:
Протекала вода сквозь цветочную крышу.
Злые ветры трепали и били его,
Но никто его криков и стонов не слышал.
А потом все затихло, и высох паркет.
В нашем доме просторно и песням, и птицам.
И обид больше нет, и тревог вроде нет,
И по комнате бабочка снова кружится.

Светлана
Бестужева-Лада

Белый

ГЕНЕРАЛ

«Героями не рождаются, героями становятся», — гласит известная пословица. Рискну не согласиться: основные черты характера заложены в человеке еще при рождении. Если вспомнить биографии Александра Македонского, Александра Суворова, то становится очевидным, что они просто не могли не прославиться. Примерно то же самое произошло и с легендарным «белым генералом» — Михаилом Дмитриевичем Скобелевым. Он прошел через множество войн, стал кавалером немереного количества орденов и обрел всенародную славу не только в России, но и за ее пределами — в Средней Азии и в Болгарии. На венке от Академии генерального штаба, возложенном на гроб «белого генерала», серебрилась надпись:

**«Герою Михаилу Дмитриевичу СКОБЕЛЕВУ —
полководцу СУВОРОВУ равному»**

В 1912 году в Москве на Тверской площади на **народные** средства Скобелеву был поставлен памятник, но в 1918-м его снесли, согласно декрету «О снятии памятников царей и их слуг». Но память, к счастью, снести невозможно.

В сентябре 1843 года в Санкт-Петербурге у штаб-ротмистра Дмитрия Ивановича Скобелева и его жены Ольги Николаевны, урожденной Полтавцевой, родился первенец — сын Михаил. Пока мальчик рос, его отец делал блистательную военную карьеру, став к пятидесяти годам генерал-адъютантом, командиром Собственного Его Императорского Величества конвоя и обладателем золотой шпаги — за храбрость, проявленную во время Крымской войны.

Пока отец воевал, воспитанием Михаила занимался дед, Иван Никитич, который в Отечественную войну 1812 года состоял адъютантом у самого Кутузова, дослужился до чина генерала от инфантерии, был командантом Петропавловской крепости и... военным писателем и драматургом. Михаила поручили заботам гувернера-немца, он преподавал мальчику основы балетных танцев, правила поведения за столом и в обществе, то есть все то, без чего дворянину в свете нечего делать.

От слишком навязчивой опеки гувернера, считавшего, к тому же, основным средством воспитания розги, Михаил отделался... дав немцу увесистую затрещину. Мальчику было двенадцать лет, и физическим развитием Бог его не обделил. Вскоре дед, имевший на внука огромное влияние, скончался, и родители решили отправить наследника завершать образование за границей — в Париже.

Там Михаила определили в пансион к некоему Дезидери Жирардэ.

Со временем Жирардэ стал близким другом Скобелева, последовал за ним в Россию и был при нем даже во время военных действий. Выбор оказался удачным еще и потому, что после окончания пансиона Скобелев говорил на восьми европейских языках и прочел все, что стоило внимания в российской и зарубежной литературе. Кроме того, бегло играл на фортепьяно, обладал приятным баритоном. Осталось добавить, что он, подобно пушкинскому герою, «легко мазурку танцевал и кланялся непринужденно». Благосклонность петербургского высшего света ему была обеспечена, но...

Но сам Скобелев искренне считал себя недоучкой и по возвращении в Россию стал активно готовиться к поступлению в университет. Экзамены он сдал успешно. Вот только университет оказался временно закрытым из-за студенческих беспорядков. А сидеть сложа руки или кружиться в вихре светской жизни молодой человек не пожелал. Впрочем, возможно, верх взяли гены потомственного военного: Михаил подал прошение о зачислении его юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк.

22 ноября 1861 года 18-летний Скобелев принес присягу на верность государю и Отечеству и с рвением начал постигать азы военного дела. Полк, в который он поступил, считался не только самым аристократическим в армии, но и самым... скажем так, проказливым. Очень скоро про молодого юнкера стали говорить:

— Ну, просто невозможный ша-
лопай!

Хотя Скобелев был первым в гуманитарных дисциплинах, он был первым и во всякого рода «гусарствах»: мог, например, одним махом вскочить на коня и переплыть реку туда и обратно. Его соученик оставил такие воспоминания о молодом Михаиле:

«В кутежах гусарской компании М.Д. всегда был первым на разные смелые выдумки. В полковых воспоминаниях он остался истинным джентльменом и лихим кавалерийским офицером...»

И все-таки Скобелев продолжал считать себя «недоучкой». В 1866 году, блестяще сдав вступительные экзамены, он был зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба. У него были весьма посредственные успехи по военной статистике и съемке, особенно по геодезии, зато по предметам военного искусства он был вторым, а по военной истории, иностранному и русскому языку, по политической истории и по многим другим предметам — первым во всем выпуске.

Пока отец воевал, воспитанием Михаила занимался дед, Иван Никитич, который в Отечественную войну 1812 года состоял адъютантом у самого Кутузова, дослужился до чина генерала и был комендантом Петропавловской крепости

Душа жаждала романтики и подвигов, поэтому Скобелев, будучи уже корнетом, попросил о переводе в лейб-гвардейский Гродненский гусарский полк, наводивший порядок в Польше после обнародования там Манифеста об освобождении крестьян и наделении их землей. Корнет участвовал в борьбе против мятежников и за уничтожение одного из самых опасных отрядов — отряда Шемиота в Радковицком лесу — был награжден в 1864 году своим первым орденом: Святой Анны 4-й степени «за храбрость».

Немудрено, что после окончания учебы Скобелев был зачислен в штат офицеров Генерального штаба. Но очень скоро понял, что штабная служба — даже такая престижная — не для него. Пошли в ход семейные и служебные связи отца. По ходатайству командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютанта фон Кауфмана Михаил Дмитриевич был произведен в штабс-ротмистры и в ноябре 1868 года назначен в Туркестанский округ.

На место службы, в Ташкент, Скобелев прибыл в начале 1869 года, и почти сразу принял участие в экспе-

диции русских к границам Бухарского ханства. Он тщательно изучал местные способы ведения боя, разительно отличавшиеся от тех, что применялись в Польше, неоднократно ходил в разведку и проявил незаурядную личную храбрость.

Увиденное захватило молодого офицера, и с тех пор Средняя Азия магнитом тянула его к себе, хотя обстановка там была, мягко говоря, непростая. Племена, проживавшие в Ферганской долине и прилегающих горах, находились в состоянии непрерывного конфликта друг с другом из-за пригодной для обработки земли и источников воды. Кокандское и Бухарское ханства, формально объединявшие эти племена, фактической власти над вождями не имели. Туркестан можно было брать если не голыми руками, то с минимальным количеством хорошо вооруженных солдат.

Собственно, именно это и собиравалась сделать Великобритания, но... безнадежно застряла в Афганистане, который уже тогда был «крепким орешком». Не лучше обстояли дела и у русских в Туркестане: высшее командование не могло разобраться в расстановке местных сил, а офицеры и солдаты, ошалевшие от непривычной жары, фактически бездельничали. Скобелеву такое положение дел понравиться никак не могло, он по собственной инициативе предпринял несколько дерзких и удачных рекогносцировок, разогнав несколько бухарских мятежных отрядов.

Инициатива, как известно, наказуема: начальство было недовольно тем, что молодой офицер добился успеха там, где генералы терпели неудачу, офицеры завидовали своему храброму коллеге: два раза Скобелеву пришлось драться на дуэли. Закончилось все выговором от командующего и приказом — немедленно вернуться в Санкт-Петербург.

В конце 1870 года Михаил был командирован в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией, а в марте 1871-го — отправлен командиром кавалерии в Красноводский отряд. Тут он снова «отличился»: меньше чем за три недели с шестью солдатами произвел разведку путей на Хиву и представил подробное описание маршрута и имеющихся при дороге колодезь, а в «благодарность» за это был отправлен в годовой отпуск с отчислением от полка.

Любой другой менее энергичный офицер махнул бы рукой и вернулся в Главный штаб на всю оставшуюся жизнь. Любой, но не Скобелев. Хотя в апреле 1872 года он и был причислен к Главному штабу «для письменных занятий», вряд ли просидел бы за канцелярским столом дольше недели. Уже в мае Михаил лично участвовал в полевой поездке офицеров штаба и петербургского военного округа в Ковенскую и Курляндскую губернии, в июне был назначен старшим адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии в Новгороде, а в конце августа был назначен подполковником при штабе Московского военного округа.

Впрочем, и в Москве Скобелев пробыл недолго, поскольку был прикомандирован к 74-му пехотному Ставропольскому полку для командования батальоном. Там Михаил узнал о готовящейся в Туркестане опасной экспедиции. И снова в ход пошли родственные связи, которые Скобелев использовал не для получения «теплого места», а для возможности попасть в «горячую точ-

лично бросился в бой, в котором получил семь ран, но его отряд вышел из схватки победителем.

В конце мая генерал фон Кауфман подошел к Хиве с южной стороны. Однако, из-за господствовавшего в городе безвластия, северная часть города не знала о капитуляции и не открыла ворота. Михаил Скобелев с двумя ротами штурмовал северные ворота, первым пробрался в

Скобелев в 18-ти летнем возрасте принес присягу на верность государю и Отечеству и с рвением начал постигать азы военного дела. Полк, в который он поступил, считался не только самым аристократическим, но и самым проказливым. Очень скоро про молодого юнкера стали говорить: «Ну, просто невозможный шалопай!»

ку». С помощью своего близкого родственника, министра императорского двора генерал-адъютанта графа А. Адлерберга, он буквально вымолил себе назначение туда, где снаряжалась очередная (шестая по счету) экспедиция для завоевания Хивинского ханства.

Скобелев все время проводил разведки, чтобы обезопасить проход войска, и продвигался с конным отрядом впереди с целью защиты колодцев. Возле одного из них и произошло столкновение русского отряда из десяти всадников с несколькими сотнями вооруженных мятежников. Несмотря на численный перевес противника, Скобелев

крепость и хотя был атакован неприятелем, но удержал за собой ворота и вал. В это время в город с противоположной стороны вступили русские войска, не встретившие вообще никакого сопротивления.

Хива покорилась. Цель похода была достигнута. За участие в нем Михаил Дмитриевич получил свою первую георгиевскую награду — орден св. Георгия IV степени. Вручая ему орден, генерал фон Кауфман сказал:

— Вы исправили в моих глазах свои прежние ошибки, но уважения моего еще не заслужили.

Мнение генерала разделяли далеко не все. В феврале 1874 года

Михаил Дмитриевич Скобелев был отозван в Санкт-Петербург, произведен в полковники, а в апреле назначен флигель-адъютантом с зачислением в свиту Его Императорского Величества.

В том же году, по настоянию родителей, Михаил Дмитриевич женился. Под венец он повел фрейлину императрицы княжну Марию Гагарину, не блиставшую красотой, но спокойную и склонную к тихой семейной жизни. «Спокойствие есть почти целое счастье на земле», — написал молодожен отцу, и, похоже, на какое-то время действительно уgomонился. Но спустя год в Туркестане запылало Кокандское вос-

стание, и Скобелев рванулся туда, как мотылек на пламя, забыв о тихих семейных радостях.

Молодая жена его рвеня не поняла и делить не пожелала: кочевая жизнь, да еще в окружении воинственных непонятных азиатов, ее совершенно не манила. Она потребовала развода — и довольно быстро получила его. «Жить моей жизнью, сознаюсь, для женщины нелестно», — честно признался в письме к одному из друзей Скобелев и отбыл на театр военных действий.

Сначала в составе отряда фон Кауфмана, а затем во главе собственного отряда Михаил Дмитриевич одержал скорые и решительные

победы под Андижаном и Асаке, которые и решили судьбу восстания: мятежники сложили оружие. То и дело оказываясь в эпицентре самых жарких боев, Скобелев, одетый в белый мундир и на белом коне, не получил ни единой царапины. Вот тогда-то и сложилась легенда о том, что «белый генерал» (Ак-Паша) загорен от пуля.

К нему пришла первая слава: упоминание об «Ак-Паше» приводило в трепет азиатских неприятелей, а позднее — турецких янычар. Простые российские солдаты относились к нему с уважением и пиететом.

Но офицеры-штабисты по-прежнему терпеть не могли Скобелева, завидуя его успехам. Вслух произносить не решались — память о недавних дуэлях была еще свежа, но за спиной шипели и шептались, что он просто позер, который нарочито щеголяет своей отвагой, презрением к опасности и к смерти.

Отлично знавший генерала Василий Иванович Немирович-Данченко, брат основателя Художественного театра, отмечал, однако, что «...презрение к смерти — лучший жест из всех жестов, когда-либо придуманных людьми. Он знал, что ведет на смерть, и без колебаний не посылал, а вел за собой. Первая пуля — ему, первая встреча с неприятелем была его. Дело требует жертв, и, раз решив необходимость этого дела, он не отступил бы ни от каких жертв».

В феврале 1876 года Кокандское ханство было полностью завоевано, на его месте была образована

Ферганская область, мятежники, не желавшие признавать власть русского императора, бежали в Афганистан. Скобелев за боевые отличия был произведен в генерал-майоры, а в марте назначен военным губернатором этой области и командующим войсками.

Кроме того, 32-летний генерал-майор Скобелев за этот поход был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами и орденом Святого Георгия 3-й степени, а также золотой шпагой с бриллиантами с надписью «За храбрость». Его отец мог гордиться: сын не только сравнялся с ним наградами, но и превзошел в карьерном росте.

Став военным губернатором Ферганской области, Скобелев тут же с головой окунулся в текущие дела и практически ежедневно принимал просителей, карал подстрекателей вооруженных мятежей, следил за тем, чтобы местных крестьян — дехкан — не обременяли чрезмерными налогами, помогал прокладывать новые арыки, словом, быстро вписался в «тонкий восточный мир».

Большинство покоренных племен вполне лояльно отнеслись к приходу русских и даже вздохнули с облегчением: многовековая грызня ханов между собой и набеги их воинов на мирные поселения всем уже осточертели. Скобелев же обращался с ними «твердо, но с сердцем», так что даже самые воинственные из племен — киргизы, в конце концов, сложили оружие и прислали

к военному губернатору старейшин с изъявлением покорности.

Михаил Дмитриевич легко впился в экзотику восточной жизни, полюбил сидеть на ковре, скрестив ноги, вкушать приготовленный по всем правилам плов и запивать его зеленым чаем, держа пиалу на вытянутых пальцах. Этим, собственно, его «роскошества» и ограничивались, но поскольку Скобелев яростно боролся против казнокрадства,

которым грешили многие присланные чиновники, в столицу посыпались доносы о почти царской губернаторской жизни. Пришлось, в конце концов, даже самому съездить в Санкт-Петербург и с документами в руках доказывать свою невиновность. Скобелеву поверили, но... доносы продолжались. Тогда «белый генерал» в сердцах плюнул, на все имевшиеся у него сбережения купил землю в Туркестане и постро-

Скобелев в бою под Шейновом. Лубок. 19 век

ил «нормальные» дома для дехкан. А сам подал в отставку с поста военного губернатора.

Его не удерживали. Российское общество тогда относилось недоверчиво и даже недружелюбно к тем, кто выдвинулся в боях и походах против «халатников». Считалось, что никакой особенной войны там и не было, что «дикие туземцы» просто разбежались при виде русских солдат, а в таких условиях любой может стать героем. Правда, очень немногие рвались в Туркестан за чинами и наградами, предпочитая спокойную службу в Санкт-Петербурге или в Москве.

Дальнейшие события показали, что успехи Скобелева в Азии были отнюдь не случайным везением.

В апреле 1877 года началась русско-турецкая война, в которой Россия пришла на помощь братским славянским народам, и Михаил Дмитриевич отправился в действующую армию.

Первый штурм города-крепости Плевны, как известно, был проигран. Разрозненные атаки колонн генералов Вельяминова и князя Шаховского окончились отступлением. Скобелев со своей колонной охранял левый фланг русских войск, показал, на что способна кавалерия при умелом командовании, и держался против превосходящих сил противника столько, сколько это было нужно для прикрытия отступления основных войск.

Второй штурм также закончился неудачей. Перед третьим штурмом

Плевны Скобелеву были поручены в командование части 2-й пехотной дивизии и 3-й стрелковой бригады. Проявив огромную энергию и поставив всех на ноги, он и его начальник штаба А. Куропаткин привели свои войска в максимальную боеготовность. В день штурма Скобелев, как всегда на белом коне и в белой одежде, возглавил действия своего отряда на левом фланге наступавших войск. Его отряд шел в бой с музыкой и барабанным боем. После жестоких схваток с противником он овладел двумя турецкими редутами и прорвался к Плевне. Но в центре и на правом фланге неприятеля сло-

бесстрашный генерал воздействовал на них, как никто другой.

После плевненских неудач в августе 1877 года была одержана блестящая победа при взятии Ловичи. Скобелев опять показал свои таланты в командовании доверенных ему сил, за что был произведен в генерал-лейтенанты. Он был против осады Плевны, особенно после третьей неудачной попытки взять крепость штурмом, но, тем не менее, внес огромный вклад в ее падение.

В октябре 1877 года Михаил Дмитриевич принял под Плевной в командование 16-ю пехотную дивизию. Три полка этой дивизии уже находи-

Начальство было недовольно тем, что молодой офицер добился успеха там, где генералы терпели неудачу, офицеры завидовали храброму коллеге, и Скобелеву пришлось даже два раза драться с ними на дуэли

мить не удалось, и русские войска получили команду отступить.

Этот бой под Плевной принес Скобелеву больше славы и сделал его имя более известным всей России, чем все предыдущие его успехи. Вообще, рост популярности Скобелева во многом объяснялся неординарностью его личности и умением завоевать сердца солдат. Своим святым долгом он считал заботу о подчиненных. Искренними и эмоциональными патриотическими лозунгами и живым обращением к войскам

лись под его началом: Казанский, Владимирский и Суздальский. В период полного окружения и блокады города он привел в порядок свою дивизию, расстроенную большими потерями в предыдущих боях.

После капитуляции Плевны, не выдержавшей блокады, Скобелев принял участие в зимнем переходе русских войск через Балканы. В его приказе перед выступлением в горы говорилось:

«Нам предстоит трудный подвиг, достойный испытанной славы рус-

Отец Михаила Дмитриевича — Дмитрий Иванович Скобелев

ских знамен: сегодня мы начинаем переходить через Балканы с артиллерией, без дорог, пробивая себе путь, в виду неприятеля, через глубокие снеговые сугробы. Не забывайте, братцы, что нам вверена честь Отечества. Дело наше святое!»

Скобелев со своей дивизией и присоединенными к ней силами преодолел Иметлийский перевал, и утром 28 декабря пришел на помощь колонне Н. Святополка-Мирского, обошедшей Шипку слева и вступившей в сражение с турками у Шейново.

Атака колонны Скобелева, произведенная почти с ходу, без подготовки, но по всем правилам военного искусства, закончилась окру-

жением турецкого корпуса Вессельпаши. Турецкий военачальник сдал русскому генералу свою саблю.

Обходя позиции турок, Скобелев бросил:

— Мерзавцы! Разве можно было сдать такую позицию?

— Да и защищать нельзя, обошли кругом.

— Защищать нельзя, драться можно, умереть должно...

При этом генерал, на редкость беспощадный в бою, признававший в решающих случаях только штыковую, без единого выстрела атаку, чтоб видеть врага лицом к лицу, учил своих солдат в победные дни:

«Бей врага без милости, пока он оружие в руках держит. Но как

только сдался он, амину запросил, пленным стал — друг он и брат тебе. Сам не доешь, ему дай. Ему нужно. Он такой же солдат, как ты, только в несчастье».

За эту победу Скобелев был награжден третьей золотой шпагой с надписью: «За храбрость», хотя, по мнению многих, заслуживал большего.

В начале 1878 года Михаил Дмитриевич во главе авангардного корпуса выступил на Стамбул и первым ворвался в Чорлу, что в 80 километрах от турецкой столицы. Обессиленная Турция запросила мира, а на географической карте Европы появилось новое государство — Болгария.

Скобелев после войны был пожалован золотой шпагой с бриллиантами и надписью «За переход через Балканы», но отношение к нему начальства оставалось неоднозначным. В письме одному влиятельному родственнику он писал:

«Чем более проходит времени, тем более растет во мне сознание моей невиновности перед Государем, а потому чувство глубокой скорби не может меня покинуть ... только обязанности верноподданного и солдата могли заставить меня временно примириться с невыносимой тяжестью моего положения с марта 1877 года. Я имел несчастье потерять доверие, мне это было высказано и это отнимает у меня всякую силу с пользой для дела продолжать службу. Не откажи поэтому... своим советом и содей-

ствием для отчисления меня от должности, с зачислением... по запасным войскам».

Но к «белому генералу» благоволил лично император Александр II, который сделал народного героя своим генерал-адъютантом. Естественно, любви к Скобелеву со стороны других генералов это назначение не добавило. Да еще Михаил Дмитриевич имел неосторожность открыто выразить недовольство пересмотренным в Берлине мирным договором с Турцией. После чего недоброжелатели появились и в европейских странах.

К концу 70-х годов вновь обострилась борьба России и Англии за влияние в Средней Азии, и в 1880 году император поручил Скобелеву возглавить экспедицию русских войск в ахалтекинский оазис Туркменистана. Главной целью похода стало овладение крепостью Геок-Тепе (в 45 километрах северо-западнее Ашхабада) — основной опорной базой текинцев.

После пятимесячной борьбы с песками и мужественными текинцами 13-тысячный отряд Скобелева подошел к Геок-Тепе. Генерал сам сделал вылазку, прошел весь путь, проверил все колодцы, дороги и после этого вернулся назад к своим войскам. Начался штурм, и 12 января крепость пала. Русские потери за всю осаду со штурмом составили 1104 человека.

Затем был занят Ашхабад, к России присоединились и другие районы Туркмении. В итоге, в 1885 году

в состав Российской империи добровольно вошли Мервский и Пендинский оазисы Туркмении с городом Мервом и крепостью Кушка.

По случаю успешного завершения экспедиции Александр II произвел Скобелева в генералы от инфантерии и наградил орденом Святого Георгия 2-й степени. Но радость от этого была непродолжительной: трагически погибла его мать, которую застрелили в собственном доме, а почти сразу после этого в результате террористического акта погиб император. Отец Михаила Дмитриевича скоропостижно скончался от сердечного приступа за два года до этого, не дожив и до шестидесяти лет. Здо-

подъема национального самосознания, он неоднократно и публично заявлял об опасности, грозящей России с запада, чем вызвал переполох в Европе.

Уже в конце войны на Балканах он говорил:

— Мой символ краток: любовь к Отечеству; наука и славянство. На этих китах мы построим такую политическую силу, что нам не будут страшны ни враги, ни друзья! И нечего думать о брюхе, ради этих великих целей принесем все жертвы.

Скобелеву не суждено было погибнуть на поле брани. Получив месячный отпуск в июне 1882 года, он поехал в Москву. Его сопровожда-

Трагическая смерть 38-летнего генерала, которому и друзья, и враги предсказывали блестящее будущее, была такой внезапной и ошеломительной, что в последующие годы, особенно в периоды неудач, преследовавших порой нашу армию и флот, многие восклицали: «Ах, если бы сегодня был жив Скобелев!»

ровье Скобелева, до того богатырское, резко пошатнулось.

Вступивший в марте 1881 года на престол Александр III настороженно отнесся к громкой славе «белого генерала». В свою очередь, Скобелев, отнюдь не будучи царедворцем, позволял себе говорить все, что думал. Увлеченный идеями славянизма, православия и

ли несколько штабных офицеров. По обыкновению, Михаил Дмитриевич остановился в гостинице «Дюссо». Сразу по приезде генерал встретился с князем Оболенским, по словам которого, Скобелев «...был не в духе, не отвечал на вопросы, а если и отвечал, то как-то отрывисто. По всему видно, что он чем-то встревожен».

Чудесный обед генерала Скобелева под неприятельским огнем

24 июня Скобелев пришел к Аксакову, принес связку каких-то документов и попросил сохранить их, сказав:

— Боюсь, что у меня украдут. С некоторых пор я стал подозрительным.

А после этого началась вереница странных и загадочных событий. На следующий день после парадного обеда у полкового товарища генерал отправился в гостиницу «Англия», где у него не было никого из знакомых, зато обитали дамы полусвета. Одна из них занимала лучший номер в бельэтаже, прекрасно говорила по-немецки и была известна в Москве под именем Шарлотты.

Она-то и прибежала поздно ночью к портье с воплем, что у нее в номере скоропостижно умер офицер. Прибывшая полиция немедленно опознала в покойном Скобелева и... перевезла его тело в гостиницу «Дюссо», не произведя даже беглого осмотра апартаментов Шарлотты.

Официально было объявлено о «смерти от паралича сердца». Но по Москве ходили слухи: одни предполагали, что его отравили агенты Бисмарка, другие считали это политическим убийством, третьи видели за этим любовную интригу. Вокруг трагедии в московской гостинице, как снежный ком, нарастал клубок легенд и слухов. Выска-

зывались самые различные, даже взаимоисключающие предположения, но все были едины в одном: смерть Скобелева связана с таинственными обстоятельствами.

Многие склонны были верить в то, что «белый генерал» пал жертвой германской ненависти. Присутствие при его смерти «немки» придавало этим слухам еще большую достоверность. «Замечательно, —

отмечал современник, — что и в интеллигентных кругах держалось такое же мнение. Здесь оно выражалось даже более определенно: назывались лица, которые могли участвовать в этом преступлении, направленном будто бы Бисмарком... Этим же сообщением Бисмарку приписывалась пропаша плана войны с немцами, разработанного Скобелевым и выкраденного тотчас после смерти М.Д. Скобелева».

И до сих пор тайна его смерти остается неразгаданной...

...Похороны Скобелева вылились в грандиозную народную демонстрацию. От церкви Трех Святителей до вокзала гроб несли на руках. Вдоль всего движения траурного поезда, до самой родины Скобелева — села Спасского, к железной дороге выходили крестьяне со священниками — выходили целыми деревнями, городками с хоругвями и знаменами. Крестьяне 20 верст на руках несли гроб Михаила Дмитриевича до Спасского, родового имени Скобелевых. Там он и был похоронен в церкви рядом с отцом и матерью.

— Это у нас было бы невозможно, — сказал тогда потрясенный корреспондент лондонской «Таймс».

— И у нас было бы невозможно, — ответил ему кто-то из русских коллег, — никак невозможно, когда б не Скобелев.

Трагическая смерть 38-летнего генерала Скобелева, которому и друзья, и противники предсказывали блестящее будущее, была такой внезапной и ошеломительной, что в последующие годы, особенно в период неудач, преследовавших нашу армию и флот в ходе Русско-японской войны, многие восклицали:

— Ах, если был бы сегодня жив Скобелев!

Действительно, Михаил Дмитриевич мог бы кардинально изменить ход всей российской истории. Если бы он стал главнокомандующим во время дальневосточной кампании 1904–1905 годов, то, конечно, не допустил бы поражения России. А тогда... вполне возможно, не было бы в

ее истории событий ни 1905-го, ни 1917 годов.

Увы, история не имеет сослагательного наклонения. И если нельзя до конца стереть народную память, то можно уничтожить памятники народным героям. До революции на территории Российской империи было установлено не менее шести памятников генералу М.Д. Скобелеву, но все они были уничтожены, включая самый известный — на Тверской площади, восемь лет носившей имя прославленного генерала.

И только болгары сохранили благодарную память о «белом генерале». В болгарском городе Плевен есть парк-музей имени генерала Скобелева, на территории которого располагается здание с панорамой «Плевенская эпопея». Там же стоит и памятник-бюст Скобелеву — рядом с домом-музеем... Царя-освободителя Александра II. Именем Скобелева назван один из центральных бульваров в болгарской столице, а на стене одного из домов установлена мемориальная доска с именем и образом генерала. Имя русского генерала носят пять болгарских сел...

В России же... В Санкт-Петербурге возле железнодорожной станции Удельная пролегает Скобелевский проспект, названный так в 1886 году и почему-то избежавший переименования — единственный в этом районе. И лишь совсем недавно в Москве появилась Скобелевская улица — в Южном Бутово...

Воистину, нет пророка в своем отечестве! □

Простая душа

1

Катю, портниху, не знали? Очень хорошая была портниха и брала недорого. А уж наговорит, бывало, во время примерки, пока с булавками ползает по полу. — Прикладывает, одергивает, — узнаете все, что случилось захватывающего на Малой Молчановке. А если начнете бранить, — отчего обещала и не принесла платье, — заморгает глазами:

— Верю, верю, мадам, вы совершенно вправе сердиться.

Вывески у Кати не было, жила на Малой Молчановке, в низку, на углу, против Николы на Курьих Ножках, когда войдете в ворота, — направо ее дверь.

Катя весь день сидела у окошка, откусывала нитки, встряхивала кудрями, — кудри свои, не подвитые. Помощница, веснушчатая девочка, наметывала платье на манекене. В комнате две клетки с птицами, картонки, свертки повсюду, перед зеркальцем бумажные розы и карточки на стене.

Госпожа Бондарева, докторша, всегда — пойдет гулять — остановится у окошка, разговаривает:

— Катя, опять вы меня обманули, не принесли платья. Вы, Катя, бесовестная.

— Извиняюсь, мадам, здравствуйте. Я вас вполне понимаю, что вы окончательно вправе сердиться.

Катя небольшого роста, в шелковых чулках, в башмачках с большими бантами, в синей юбке, до того короткой и легкой, что — бежит по улице с картонками, все на нее косятся: премиленькая фигурка. И всегда, выходя со двора, накидывала синюю же душегрейку с мехом, — будь хоть июль месяца, пекло: мех Кате к глазам.

А глаза очень были недурны: ясные, иногда чуть-чуть припухшие, не то от слез, не то от бессонной ночи.

Но судить ее никто не смел. Катя была девушка холостая, одинокая, сама на себя работала, а если и влюблена была постоянно, в особенности по осени, то, может быть, и сама не рада была своему характеру и делала это совсем не для того, чтобы досаждать заказчицам.

2

Давно это было — летом. Работала Катя домашней портнихой у докторши Бондаревой в Серебряном Бору, на даче «Ландыш».

С утра вертит машинку, улыбается полотняным строчкам, пожимает плечиками, потом облокотится и глядит в окно. Ах! Воспоминания!

За окном жара, стонут куры, скрипит гамак, маяются между сосен барышни, сестры Бондаревы. За кустами, за забором — дзень-дзень — прошел кавалерист. Труба заиграла в Фанагорийском полку. Ах! Воспоминания!

Быстро, быстро крутит Катя машинку. Зовут обедать. Она садится к столу аккуратно, — руки сложила, губы поджала, — все, как полагается девушке с самолюбием. Бондарев пьет водку, отдуваясь, глядит в суп. Барышни томятся, не хотят кушать, мальчишки Бондаревы, недоступные никакому воспитанию, крошат хлеб, щиплются под столом, от докторши пахнет валерьянкой, одна Катя сидит в мечте. На вопрос: «Еще, Катя, супу?» — вздрагивает:

— Мерси. Аппетиту нет.

Какая там еда! В шесть часов Катя складывает шитье, отряхивает юбку от ниток и бежит на террасу, зовет Капитолину, горничную, — она в полном подчинении у Кати и тоже в мечте.

— Капитолина, идите брать урок танцев.

Капитолина появляется из-за погребницы, на ходу вытирает руки, бросает фартук в акацию. Катя говорит:

— Станьте в позицию. Па-де-катр. Слушайте музыку: «Мамаша, купите мне пушку, я буду стрелять» (так подпевали юнкера на балах). Легче, легче, Капитолина. Воздушной. Не так, не так. Боже мой!

Отстраняет Капитолину и, подобрав юбку, летает по балкону:

— И-ах! И-ах! И-ах!

А вечером, не загаснет еще заря, не высыпают еще звезды над высокими соснами, над Ходынским полем, — уже несутся издалека звуки вальса. Ту... ту... ту... — трубят фанаторийцы в медные трубы на берегу Москва-реки, на кругу, за лесом.

Катя в газовом шарфе, а с ней Капитолина бегут на круг, — по дороге появляется из темноты высокий юнкер, расставляет ноги, подхватывает под руку бегущую девушку.

— Прошу на вальс.

Ну, как не закружиться голове! И возвращаются Катя с Капитолиной на рассвете, когда догорели в листьях фонарики, затихли шаги, упала роса на траву, на листья.

Перелезут через плетень. Ложатся в постель. Катя закинет руки, глядит в бревенчатый потолок.

— Капитолина, Капитолина, никто не может понять моих чувств.

В то лето фанаторийцы ушли на войну. Утром рано заиграли трубы в лагерях, и барышни, швейки, горничные, кто в туфлях на босу ногу, кто в накинутой на рубашку шали, простоволосые, иные заплаканные, и все — печальные, собрались на поле.

Медленно, длинной пылящей колонной уходили фанаторийцы. На спинах до самого затылка навьючен скарб, штыки торчат щетиной, топают тяжелые сапоги, лица строгие, разве что крикнет с края кто помоложе: «Эй, вы, голубки, прощайте!»

Верхом на смирной кобыле — командир, усатый с подусниками, сидит бодро, глаз не видно из-под бровей. У стремяни его шагает командирша, загорелая женщина с мальчиком на руках.

Вдруг высокий голос запел: «Взвейтесь, соколы, орлами», — и густая тысячеголосая грудь подхватила песню. Заплакали женщины, побежали вслед дети. И колонна потонула вдали, в пыли.

Ушли — и назад не вернулся ни один.

Катя стояла у дороги, и слезы текли у нее из глаз.

— Капа, Капа, жить не охота, — повторяла Катя и медленно вместе с женщинами и детьми вернулась в опустевший Серебряный Бор.

Заколачивали дачи. Поутру солнце всходило бледное, осеннее. И птицы пели по-иному. Катя купила географическую карту и воткнула булавку в то место, где проливает кровь знакомый юнкер.

А потом булавочка затерялась, карту засидели мухи. Чуть-чуть не полюбила с горя близорукого какого-то студента, но сама его бросила. Хотела пойти в милосердные сестры и раздумала — побоялась своего характера.

В домах, где прежде шила, везде горе. Какое уж шитье! Тогда-то Катя и переехала на Малую Молчановку, взяла в ученицы веснушчатую девочку Саньку и в комнате над окном повесила двух птиц — снегиря и перепела: один пел поутру хорошо, другой к вечеру — скуку разведали.

Грустное житье. Улицы пустые. На женщинах траур. Галантерейные приказчики стали злые, как собаки. Дороговизна. Проходит зима и лето. Годы проходят. И все еще воют, поделить чего-то не могут. А народу, народу бьют!

Троих Катя проводила на вокзал за это время. Невеселая любовь была ни с одним, больше от жалости бегала видаться, а ночью не спала, вздыхала, бранила Саньку, чтобы не сопела, не будила птиц.

Проводит, поскучает, потом прочтет в газетах: убит на поле славы.

Шьет у окна Катя, мелькает иголкой и думает: *«Где это поле славы, где столько народу побито? Посидела бы у этого поля, поплакала».*

3

Однажды Катя пришла великим постом к докторше Бондаревой и только набрала в рот булавок, приготовилась разговаривать, — в прихожей зазвонил телефон, и сам Бондарев визгливым голосом спрашивает, чуть не лает в трубку:

— Что? Быть этого не может! Невероятно! Батенька мой, поздравляю!

Вбежал в комнату, красный, бороду захватил и в рот сует.

— Ну, Катя, — говорит, — поздравляю, Катерина Николаевна. Теперь вы свободная гражданка, позвольте пожать руку.

Потом кинулся к себе в кабинет, двери настезь, и видно — на электрическом кресле сидит пациент, и Бондарев водит по нему железными щетками, не столько водит, сколько в лицо сует, — пускает искры, кричит:

— Дожили, батенька мой, до красного денечка!

На другой день побежала Катя на Красную площадь глядеть, как пушки возят, как сдаются в Кремле запасные солдаты, как по Никольской ведут приставов без шапок, с порванными погонами, как вешают красный флаг на Минина, как на кучу талого снега влезла барышня в сбитой шляпке и с саблей и все повторяет тонким голосом: «Товарищи, товарищи...» А что «товарищи», за шумом не было слышно.

Забилось у Кати сердце от всего этого, точно лед растаял. И влюбилась она в университете на митинге в студента. Он стоял у колонны, глядел исподлобья, личико бледное, суровое, а глаза — как у женщины, палец за-

ложил за мундир, причесан на пробор, чистенький весь и на Катю решительно не обращает никакого внимания.

Катя на другой день опять в университет побежала, — его нет. Обегала за две недели все митинги. Досада ее брала — самолюбие, а едва заметит студенческую фуражку, — сердце в колени валится. Заказчицам на все упреки отвечала: «Вы совершенно в праве, мадам, сердиться».

Наконец на Тверском бульваре, видит, сидит он. Газету от себя отстранил, думает. Катя села на ту же скамью и дух едва переводит...

— Извините, — говорит, — что я к вам обращаюсь, я ваше лицо на митинге видела, давно хотела спросить...

Покраснела: что хотела спросить — сама не знает, как дура...

— Так уж я и подумала, — встречу, спрошу, какие мне книжки почитать. Говорят, теперь всем приказано книжки читать, а какие — не сказывают. Так я к вам, извините...

Он спросил, кто она, как зовут, спрятал газету в карман.

— Приходите ко мне на Бронную. — Простился вежливо и пошел.

Жил он в комнате одиноко. У стола на полочке — книги, за ширмой — чистая кровать, на рукомыльнике — душистое мыло. Светло, опрятно. Звали его Сергеем Сергеевичем.

Катя в первый же день рассказала ему свою жизнь, плакала. Сергей Сергеевич предложил читать вслух историю французской революции. Бывало, сядет в кресло, наденет очки, перевернет страницу и посмотрит строго. Катя сидит напротив. Так бы и умерла около него. За чтением разговаривали:

— Катя, вам нравится Марат?

— Что вы, такой кровожадный...

— А что вы думаете, Катя, о современных событиях?

— Так что же, Сергей Сергеевич, думать-то, — свободу дали. Теперь все стали сознательные. Я вот давно вас спросить собираюсь — за какой список подавать? Намедни ко мне в мастерскую заходил один, все повторял: «Гражданка, мы в ваших руках...» — за него, что ли? Ах, теперь только и жить...

— Нет, Катя, из нас мало кто останется в живых...

— Ох!

— У меня, Катя, предчувствия очень тяжелые...

— О-ох!

В то время над Москвой стояла ясная луна. В ее свете по сырым бульварам бродили парами солдаты с дамами, грызли подсолнухи, целовались. Из темных подвалов выходили швейцары томиться на свет. Подвальные жители высовывались в окошки над тротуарами, глядели вверх неподвижно. По всему городу цвели липы.

Сергей Сергеевич сидел на окошке. Он был в кителе и качал ногой, затем поднял и опустил плечи.

— Какая глупая ночь, Катюша, — сказал он. — Оказывается, и во время революции светит луна, пахнут липы.

Катя стояла близко от него и подумала: «Неужели начинается чудный роман?»

И прошептала:

— Прекрасный запах.

Тогда Сергей Сергеевич опустил руку, и Катя заметила, что рука его ползет и вдруг коснулась ее локтя. Катя негромко вздохнула, а он, усмехаясь, спросил:

— Вы на луну смотрите?

— Не знаю.

— Вы сегодня странная. (Она смолчала, сердце начало колотиться.) Вы любите музыку?

Действительно, внизу играли на рояле, — томилась от луны и революции еще чья-то душа.

Катя не ответила. Он спрыгнул с окна и стал рядом, так же, как и она, облокотился. Внизу лежали, поблескивающие с одной стороны от лунного света и темные с другой, крыши — множество крыш.

Сергей Сергеевич осторожно повернулся к Кате. И она повернулась, взглянула в глаза без улыбки, раскрыла губы.

Тогда между их лицами зазвенел комар, появился золотой точкой. Сергей Сергеевич усмехнулся и поцеловал Катю в губы. Она, не отрываясь, подняла руки, обхватила ими его за шею и закрыла глаза.

После этой ночи Сергей Сергеевич перестал читать историю французской революции. Его пальцы теперь были в чернилах. Однажды он, покраснев до пота на лбу, прочел ей стихотворение:

И вот любовь рукою смуглой

Опять стучится в дверь мою.

.....

Но все это неожиданно кончилось, оборвалось. Из Рязани пришла телеграмма. Сергей Сергеевич уехал, не успел даже проститься, оставил только записочку: «Случилось страшное несчастье. Прощай. Нежно целую тебя, Катя. Спасибо, милая, за дружбу. Наш дом и все, все сожжено. Что с мамой и сестрами — не знаю».

У Кати остались только листочки со стихами, она носила их под рубашкой. Мурлыкала целый день, сидя за работой, «Пускай могила меня накажет» — и вела себя очень строго... Это была любовь как в книжке, и если

бы не дороги материи, сшила бы себе траур, — так было грустно ей на душе и сладко.

4

А жить становилось все страшней. Начались безобразия по ночам. Ограбили мадам Кошке на Малой Молчановке, — забрались десять человек в масках, самого Кошке связали, избили, мадам от страха впала в столбняк, ее раздели дочиста. Потом ночью у подъезда ограбили председателя домового комитета, проломил голову. Что ни ночь, то на Малой Молчановке — шалости и грабежи.

Катя догадывалась, чьих рук это дело, но пока молчала. К ней повадился шляться под окошко Петька (отец его держал обойную мастерскую), хватался, показывал золотые часы. Приходил в сумерки с гармоникой, садился на подоконник, играл «двусцеп», — никак нельзя было отвязаться.

Потом стал предлагать подарки. Хвалился засыпать деньгами. Катя отказывалась, гнала его с окошка.

В осеннюю ветреную ночь Катя увидела сон, будто входит к ней Сергей Сергеевич, держится рукой за лоб. Сел на стул, наклонился, белый как полотно, и кровь у него сочится между пальцами.

Катя закричала, перепугала Саньку и так начала плакать, будто душа в слезах уходила.

— Саня, Санечка, тоска смертная. Жить плохо. Поди, дай мне водицы. Никого на свете нет у меня, Санька, — и стучала о стакан зубами, — закопают меня на кладбище, один ветер меня пожалеет.

На другой день чуть свет проснулась она от частой далекой стрельбы. Санька бегала за угол, вернулась такая, что все веснушки проступили.

— На Воздвиженке всех режут, — и полезла головой под подушку.

Катя пошла на Арбат. Там стоял народ кучками на углах, слушали, посмеивались, никто ничего не знал.

Стреляли пушки. Тукали часто, гулко пулеметы. Пролетали пульки с пением. Прогремел грузовик, полный солдат и ружей, за ним побежал студент и влез. Ждали каких-то казаков.

Худая старуха, вздохнув, сказала Кате:

— Большаки под колокольню подкоп ведут. Тысячи народу перебили.

К вечеру появились патрули и разогнали праздный народ по домам.

Катя не зажигала огня, сидела впотьмах и слушала. Прошли медленно двое за окном, один проговорил: «Застали на чердаке и прикололи, а ин-

теллигентный был человек». Мелькнула искорка, и неподалеку хлестнуло, как кнутом. Вдруг зачавкало железом, проезжал извозчик. Грубый голос крикнул: «Кто едет?» Стук подков сразу замолк. Катя ждала — убьют или нет. Но подковы опять зазвякали. Катя сидела, покачиваясь, и задремала понемногу.

Легкий стук в окно разбудил ее.

Санька зашептала:

— Лезут к нам, боюсь.

Катя соскочила с постели, подбежала к окну. За ним стоял смутной тенью человек, солдат, с ружьем, один. Он опять постучал осторожно. Катя раскрыла форточку:

— Что вам нужно? Спать не даете. Уходите от окна...

— Катя, — сказал солдат насмешливо и повторил ласковее: — Катюша.

Катя до того испугалась этого голоса, так начали трястись коленки — вцепилась в занавеску.

— Сергей Сергеевич, миленький, вы ли?

Он проговорил все так же тихо:

— Нет ли чаю горячего? Мы очень прозябли. Здравствуй, Катюша.

От стены отделились еще двое. Стали рядом, оперлись на ружья.

— Вот бы чайку теперья. Спасибо сказали бы.

Катя в кухне собрала чай. Осторожно, скрипнув калиткой, прошли все трое, в серых шинелях, в тяжелых грязных сапогах, сели к столу, ружья поставили между колен, повесили картузы на штыки, стали дуть в блюдечки, побрякивать. У всех троих повыше локтя черная нашивка — углом.

Сергея Сергеевича узнать было нельзя — раздался в плечах, обветрился, оброс кустиками, только лоб остался прежний, белый, чистый. Катя даже сесть около него не смела, — только взглядывала украдкой.

И не успела налить по второму стакану. — послышался с улицы свист. Они вскочили, поправили пояса, сумки и вышли.

В сенях Сергей Сергеевич обернулся, взял Катю за плечи, взглянул в лицо строго и, не целуя, прижал к себе. Никогда Катя не могла забыть запаха его солдатской шинели, ремней, табаку. Не сдержалась, заплакала. Он сказал: «Ну, ну, перестань», поправил картуз, перекинул винтовку и вышел.

Катя прождала весь следующий день. К вечеру пришел юнкер с запиской от Сергея Сергеевича, попросил кипятку, хлеба и папирос, и, сколько ни отговаривал Катю, она собрала все, что было съестного, и побежала к Никитским воротам.

Далеко вокруг, озаряя кривые переулки, пылал огромный гагаринский дом. Грохотали залпы. Со всех чердаков, из окон, из-за деревьев выска-

кивали длинные огненные иглы выстрелов. Иногда темная фигура перебежала от дерева к дереву. На песке бульвара, красном от зарева, поблескивающим корками льда, валялись, как мешки с поклажей, пять-шесть убитых. Катю не хотели пускать, она отвечала:

— Найду и найду его, хоть убивайте меня. Приказал чаю принести, и принесу. Пустите.

Спотыкаясь, скользя по ледяному бульвару, Катя добралась до канавы, вырытой поперек проезда. В ней лежали люди в шинелях. Стреляли из канавы, и с Никитской, и с переулка — отовсюду.

Катя стояла за деревом, глядела на страшный дом. Там в окнах закручивалось пламя, и появлялись какие-то люди, точно хотели броситься вниз. Одна фигура застряла в окне, растопырив руки.

Катя охнула, закричала:

— Сергей Сергеевич, где вы?

Ее не захотели слушать, прогнали, и вдогонку хриплый голос из канавы крикнул:

— Не туда идешь, дура, он — около Чичкина лежит.

Сергей Сергеевич лежал около лавки Чичкина, у самой стены. Шинель на нем коробилась, как неживая, пыльная. Голова закинута навзничь, рот приоткрыт, из темени по асфальту растекалась темная лужа.

Катя присела около него и долго, долго глядела в лицо. Оно было не то — любимое, — не его лицо. Прах оскаленный. Потом она взяла чайник и пошла обратно. Сняла с плеч, накинула на голову платок, опустила его на глаза.

Вечером на седьмые сутки Москва погрузилась в желтоватый туман. Затихли выстрелы. Провыл последний снаряд из тумана. И кончилось сражение.

Утром Катя вышла купить молока. На перекрестке стоял бородатый решительный мужчина в шляпе, рослый, с черными от пороха руками, — выдавал пропуска. Госпожа Бондарева, — за эту неделю сморщилась, как гриб, — подошла к Кате, шепнула:

— Смотрите, милая моя, какой стоит с бородищей, — как же нам жить-то теперь?.. □

1919—1921.

Евгения
Гордиенко

Ресторан Дома литераторов. За столом сидит немолодой и, как видно, давно и много пьющий человек. К нему часто подходят, здороваются, угощают. Все знают, что он — талант. Но знают также и то, что реализовать этот талант в советском государстве в нынешнее время нет никакой возможности. И потому он пьет.

Однажды он узнал, что существует несколько категорий похорон советских писателей, и спросил, по какой похоронят его. Его хоронили бы по самой дорогой категории. Тогда писа-

Лицо

тель поинтересовался, нельзя ли похоронить его по самой дешевой категории, а разницу отдать деньгами прямо сейчас. Это был знаменитый Юрий Олеша

«Все в жизни относительно в ломбард», — эта фраза тоже принадлежит Юрию Карловичу. Теперь о нем говорят как о завзятом шутнике и острослове, вместе с Ильфом, Петровым и Катаевым, работавшим в «Гудке». Однако Олеша шутил, скорее, чтобы скрыть собственные печальные глаза, чтобы спрятаться за шутками от собственной, «относительной в ломбард», жизни.

Он с самого детства привык смотреть на все с иронией. Его отец, обедневший польский дворянин, работал акцизным чиновником. Благодаря матери в семье царил дух католицизма. Олеша позже часто говорил, что в детстве жил «будто в Европе». Он чувствовал себя близким к Западу, хотя жила семья Карла Олеша в Одессе.

Друзья называли Юрия Олешу «королем гномов» — писатель был невысок ростом, а голова слишком

Правда, и это убедительно доказала сама жизнь, одних только синих глаз иногда бывает недостаточно.

Как известно, Суок из «Трех толстяков» — это не только гимнастка и кукла наследника Тутти, но и фамилия трех сестер — Лидии, Ольги и Серафимы. Старшая, Лидия, была замужем за Багрицким, в младшую, Серафиму, совсем юным без памяти влюбился Олеша. Как вспоминал потом друг Юрия Карловича Валентин Катаев: *«Не связанные друг с другом никакими обязательствами, нищие, молодые, нередко голодные, веселые, нежные, они способны были вдруг поцеловаться среди бела дня прямо на улице, среди революционных плакатов и списков расстрелянных»*. Но Сима была дитя своего времени. Не чувствуя за собой никаких обязательств перед Олешей, она легко оставила его, уйдя к богачу по прозвищу «Мак» только

с великой биографией

велика. Но это не значило ничего, когда он с легкостью пронзал женские сердца взглядом ярко-синих глаз. Да и какого же цвета им еще быть, если бабушку Олеша звали Мальвиной?..

лишь потому, что мечтала жить в роскоши. Юрий Карлович, в душе гордый шляхтич, даже не знал, что сказать. Он просто запил, не считая для себя возможным бороться с богатством Мака.

В таком — сильно запившем — состоянии его и нашел Валентин Катаев. Он понял, что Олешу нужно спасти, и отправился напрямик к Серафиме, сказав ей, что она должна немедленно возвращаться к Ключику (так она называла Олешу, он же звал ее Дружочек). Мак пытался протестовать, но Катаев был непреклонен. Сима сказала, что должна сходить за вещами. Катаев удивился: «Ты ушла от Ключика в одном платье», на что она простодушно ответила: «А теперь у меня есть вещи. И продукты».

Оставив Мака в полнейшем недоумении, Сима вернулась к Олеше. Эта история долго служила друзьям поводом для шуток.

Однако в 1921 году Сима вновь ушла от Олеси — уже к Владимиру

Нарбуту, бывшему дворянину, впоследствии анархисту-эсеру, хрому поэту, да и вообще, фигуре демонической. Юрий Карлович пробовал вернуть ее вновь, и один раз даже получилось. Но явился Нарбут, пригрозил, что немедля застрелится, если Сима не вернется к нему, и Суок покинула Олешу навсегда.

Он потерял то, ради чего жил. Жизнь можно было сносить в ломбард, не рассчитывая получить особенно много.

Однако уже через год он женился на средней из сестер Суок — Ольге. И, как говорил он сам, именно ей была посвящена сказка «Три толстяка». Однако для всех, знавших Симу, было очевидно, что циркачка и кукла — это все она.

Сестры Суок: Лидия, Серафима, Ольга

Нарбута посадили в 1936 году. Защищавшую его старшую сестру Симу Лидию — тоже. Серафима же была замужем еще дважды. И все эти годы старалась помогать часто бедствовавшему Олеше — то деньгами, то связями. Юрий Карлович же считал, что Сима была самым лучшим, что случилось с ним в жизни.

Писатель под запретом

В начале двадцатых годов Олеша больше всего был известен как «Зубило». Это был его псевдоним в

«Гудке». Он много ездил по стране, выступал среди рабочих, в железнодорожных депо, в паровозных цехах. Лев Славин, основоположник советского детектива, позже писал: «Ничего не может быть более волнующего, чем эти длинные гулкие пролеты, заполненные рабочими, которые взбирались на станки, на вагонетки, на подъемные краны. Какой театральный зал может сравниться с такой аудиторией!» И верно: Олеша в этих стенах преображался, становился настоящим актером, обладающим врожденным умением владеть вниманием публики. Знаменитый Борис

*Юрий
и Серафима Суок
на похоронах
В. Маяковского*

Щукин как-то заметил: «Если бы вы, Юрий Карлович, не были чудесным писателем, из вас вышел бы отличный актер...»

Олеша хотел писать правду, только правду и ничего, кроме правды. Но правда, как известно, редко кому по-настоящему нужна.

К началу тридцатых Олеша был уже очень популярен. Уже вышли сказка «Три толстяка» и роман «Зависть». Однако, несмотря на свой успех у публики, произведения не сделали Олешу любимцем властей. О его сказке, в частности, официальная критика говорила: «*Призыва к борьбе, труду, героического примера дети Страны Со-*

ветов здесь не найдут». Метафоричность Олеша была слишком сложна для того, чтобы его признали «на официальном уровне».

Роман «Зависть», который по просьбе Мейерхольда Олеша переделал в пьесу, был запрещен к постановке, ведь Олеша не мог не выразить свое отношение к действительности — к разрушенному, по сути, обществу, к начинавшимся арестам и расстрелам. В письме к жене Ольге Юрий Карлович писал: «Просто та эстетика, которая является существом моего искусства, сейчас не нужна, даже враждебна — не против страны, а против банды установивших дру-

гую, подлую, антихудожественную эстетику».

Он больше не писал значительных произведений, зато вел дневники, которые были опубликованы только после его смерти под коробившим друзей названием «Ни дня без строчки». Издавать практически запрещенного Олешу под этим титулом было, с их точки зрения, лицемерно и цинично.

Храня дневники дома, Олеша уже безмерно рисковал. Обнаружь и прочти их служащие госбезопасности, автор подобных записок мог рассчитывать не только на тюрьму, но и на расстрел. Спасало Олешу только то, что государство уже давно не считало его врагом. Да и беспробудное пьянство не давало окру-

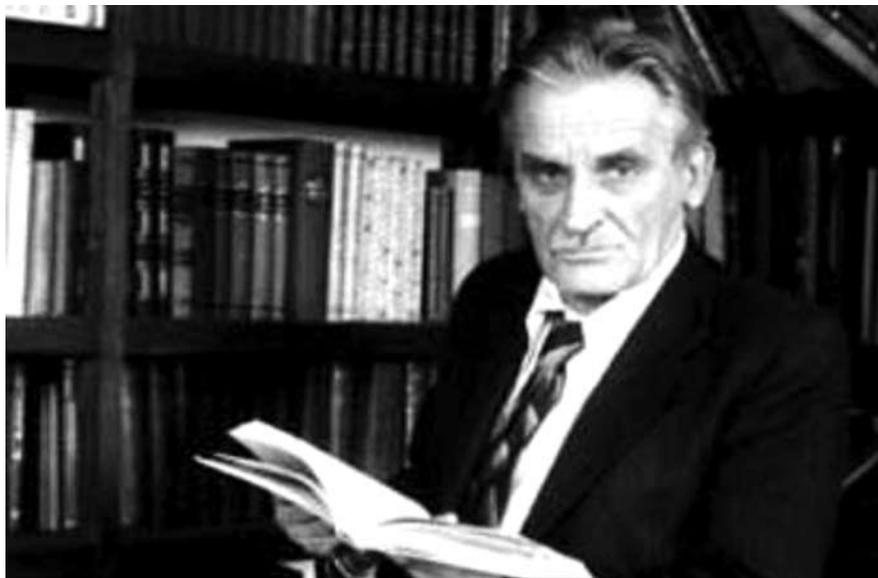
жающим повода думать, что Олеша еще хоть что-то пишет.

Грустный герой веселых баек

Олешу по праву называли родоначальником жанра записных книжек. Он записывал и свои мысли, и истории, случившиеся с друзьями и знакомыми, и наброски будущих, так никогда и не написанных произведений.

В этих записных книжках он часто обращался к теме нищего, почитая таковым самого себя на пиру советских писателей, существовавших при государственной «кормушке».

Олеша тяготился не только внутренними, но и внешними проявле-

Юрий и его жена Ольга Суок-Олеша

ниями своего «нищенства»: «Я неопрятен. Одежда моя быстро разрушается». После смерти матери Маяковского, с которым Юрий Карлович очень дружил, он отказался пойти на панихиду по ней, стесняясь своей неопрятной, оборванной одежды.

В те годы (конец пятидесятих) в Москве появились модные чешские пиджаки «под твид». Олеша мечтал о таком, прикидывал, какой бы он выбрал, будь у него деньги. Незадолго до смерти деньги неожиданно появились, и Юрий Карлович смог приобрести вожденный пиджак. В нем Олешу и положили в гроб — другой приличной одежды у писателя не было...

В своих дневниках Олеша оставил немало рассказов о друзьях и

знакомых. Однако и о нем самом ходило немало легенд и баек. Достаточно вспомнить некоторые из них, чтобы понять, что за человек был Юрий Карлович Олеша.

Будучи в Ленинграде, Олеша подписал договор с местным отделением Детиздата. Он получил аванс и покинул издательство в 12 часов дня. А уже в 3 часа Юрий Карлович позвонил в издательство и потребовал к телефону директора.

Тот взял трубку:

— Я вас слушаю.

— Я подписал с вами договор. Требую внести в него поправки!

— Какие поправки? — встревожился директор.

— Читаю по прежнему тексту: «Детиздат в лице директора — с одной стороны... и Юрий Карлович

Олеша, в дальнейшем именуемый «автор...» Вот это надо изменить!

— Как изменить? Зачем?..

— А вот так: «в дальнейшем именуемый Юра...», «Юра обязан...», «Издательство выплачивает Юре...», «Юра не в праве...»

Когда Олешу долго не издавали, он говорил: *«В последнее время обр-азовались «ножницы», некое несоответствие между сроком прохождения рукописи в издательстве и сроком человеческой жизни...»*

Издательства были самой популярной темой баек об Олеше. Может, потому что ему, писателю, было по-настоящему трудно вписаться в бюрократический мир директоров и секретарей?

Однажды Олеша пришел в одно издательство получить довольно крупный гонорар. Паспорт он забыл дома и стал уговаривать кассиршу выдать ему гонорар без паспорта. Кассирша отказалась: *«Я вам сегодня выдам деньги, а завтра придет другой Олеша и снова потребует гонорар»*. Олеша выпрямился во весь свой небольшой рост и с величественным спокойствием произнес:

«Напрасно, девушка, волнуетесь! Другой Олеша придет не раньше, чем через четыреста лет...»

Другой Олеша, как известно, пока не пришел. И вряд ли появится в ближайшее время. Нам же остается читать единственного на сегодняшний день Олешу — Юрия Карловича.

Он очень четко умел описывать людей. И себя описал так, что и сегодня будто смотришь на его портрет: *«У меня мясистый, сравнительно приличной формы нос, узкие губы, выдающийся подбородок, глаза сидят глубоко, очень глубоко, как-то смертно. Лицо мое рассчитано на великую биографию»*.

Великая биография получилась. Хотя Олеша, вероятно, надеялся, что она будет иной. □

В

сегдa

Андрей Вертихин

ГОВОРИ...

Осень подарила хлопоты, которые уже стали казаться пустыми. Я просыпалась в одиннадцатом часу и, подолгу валяясь в постели, размышляла о потерянном времени. Надо выходить из «концессии», думала я, пресловутая «хваткость» Ивана, представлявшаяся теперь обычной жадностью, меня стала уже раздражать. Да, именно так — с ударением на втором слоге, называл себя мой компаньон и наставник в скромном художественном бизнесе. Вот, зачем было брать задаток, не имея ни единого твердого шанса на успех? Да еще у человека, которого я, например, считала не совсем адекватным...

Но каждый раз душевные муки завершались тем, что я решала дать нашему проекту еще один шанс. Последнему совместному проекту, говорила себе. Равное соотношение прибыльных сделок и неудавшихся авантюры меня больше не устраивало.

Вечерами, перед тем как лечь, я раздергивала тяжелые бабушкины шторы, чтобы, проснувшись, не

ощущать себя замурованной в склепе. За оконными стеклами раскачивались черные ветки ясеня. Каждое утро на них становилось все меньше и меньше острых желтых листьев. Особенно, если ночью ветер приносил с собой дождь.

Ранние ноябрьские дни ничем не отличались от поздних октябрьских — было все так же мутно и ветрено. Один из таких дней принес фантастическую удачу — случайно забравшись на какой-то испанский ресурс частных объявлений, переходя по ссылкам и разглядывая картинки с разным ретро-мусором, я увидела ЕГО. Я так и не смогла запомнить имя этого божка южноамериканских индейцев мочико — то ли, вакачупако, то ли вачакопаку, — но перепутать было невозможно. В отличие от других идолов, состоящих из одних зверских рож, этот имел непропорционально огромное пузо на цыплячьих ножках и маленькую шишку вместо головы. Заказчик, которого Иван за глаза именовал Большим Змеем, называл его Богом Упавшей Звезды и был помешан на якобы магических свойствах глиняной фигурки — идол выполнял просьбы, если правильным образом потереть ему брюшко. Откуда заказчик этого нахватался, для нас было тайной, но на встрече в «Турандот» он принес копию иллюстрации из древнего испанского манускрипта. Мы тогда отмечали взаимовыгодную сделку — нам с Иваном удалось найти для него гуако — керамический сосуд инков. В новый проект Иван вцепился сразу и тут же, за чаем, выторговал предоплату в четыре тысячи евро. Сумма сделки предполагалась в районе двадцати, но он рассчитывал поднять ее вдвое. Благодарный заказчик заплатил за ужин.

Когда мы вышли из ресторана и сели в машину, Иван достал выданную нам копию, взгляделся в нее и погладил нарисованного идола по брюшку.

— Господин, который всегда говорит «да», — сказал он и подмигнул мне. — Учись.

«Всегда говори «да» — это была любимая присказка моего наставника, в которой, по его мнению, заключался основной принцип нашего тонкого дела.

— Ну, если бы кто-нибудь гладил меня по животу... — начала я.

— О-о-о, развратница, молчи! — шуточно нахмурился Иван и, уже серьезно, добавил: — По домам. Тебе на метро будет быстрее.

Два месяца прошли в тщетных поисках замечательного божка. Иван обзванивал знакомых искусствоведов, которых у него по миру было множество, а я переворачивала тонны научной литературы в Ленинке и прочесывала Сеть. Никаких следов. Я уже подумывала, не выдумка ли это Большого Змея? Тот на самом деле казался мне странным. Очень высокий, но узкий в кости, с широким выдающимся подбородком, маленькими, глубоко посаженными зелеными глазками, высоким лбом и гладко выбритым красивым черепом. Оба раза, что я его видела, он приходил в широкополой рыжей шляпе и пестром пиджаке, надетом на льняную рубаху без ворота. Говорил многословно, но как будто сам с собой, в разговоре смотрел поверх нас, и, даже если улыбался, глазки оставались неподвижными и холодными, как льдинки.

Иван ничего не хотел слушать. Представить, что он мог вернуть попавшие в его руки деньги, было невозможно. Поиски зашли в тупик.

И вдруг такая удача!

На плохонькой фотографии рядом с фигуркой лежал мобильный телефон — вместо масштабной линейки, — они с идолом были примерно одного размера. Я выругала себя за незнание языка и собралась отправить ссылку компаньону — испанский тот знал в совершенстве, но тут же передумала. Лучше преподнести ему находку не в виде полуфабриката, а как готовое решение — при разделе прибыли мой учитель умел очень мотивированно объяснить, кому какой процент полагается.

Пришлось скопировать текст в электронный переводчик. Перевод, конечно, получился кривым, но суть понять можно — некто распродал коллекцию древностей давно умершего родственника. Собрание было бессистемным и бестолковым, неудивительно, что Бог Упавшей Звезды прозябал в забвении среди ядер испанских галеонов, древних мельничных жерновов, кувшинов для масла и пишущей машинки «Dactyle» 1898 года. За идола хотели девятьсот евро.

Я собралась духом и, уповая на свой английский, набрала номер. Человек на том конце провода знал английский еще хуже, чем я. Он несколько раз переспрашивал. Потом переспрашивала я. Да, статуэтку еще никто не ку-

пил. Сеньорита может забрать ее. Где? В Барселоне. Нет, почтой отправить невозможно. Нет, никаких документов, подтверждающих происхождение, нет, но он знает, что фигурка очень древняя, и она из Южной Америки. Хорошо, он готов подождать несколько дней. Я обещала связаться с ним не позже, чем завтра, возможно, кто-то перезвонит от моего имени, меня зовут Мария. «Бьен, Мария, — устало произнес он на прощание, — адьос».

По дороге на встречу с компаньоном в душе пели виолончели и фаготы. Иван ждал в «Пражечке» — в пивных ресторанах, говорил он, шумно ровно настолько, чтобы можно было спокойно поговорить, но при этом тебя не слышали за соседними столами. Пока я открывала объявление, он, развалившись на диване, разглядывал потемневшие артефакты на полочках под потолком. Потом долго изучал фотографию барселонского идола и, наконец, сказал:

— Да, я знал, что нам повезет. У тебя «шенген» живой?

Я удивилась — Иван хорошо знал испанский и в отличие от меня, не раз бывал в Барселоне.

— Пока да, — ответила я и осторожно предложила: — Может, лучше ты полетишь?

— Нет, — ответил он твердо. — Я не могу... Не могу сейчас уехать. Ничего сложного там нет, главное — оценить подлинность, с этим ты справишься. Я буду на связи. Заодно город посмотришь. Ты же там не была? Представляешь, Барсе-ло-на, солнце, море...

— А как я его вывезу? — Мне было не до солнечных восторгов.

— Просто. Положишь в сумку и привезешь. Этого господина, — кивнул Иван на экран ноутбука, — нет ни в одном каталоге. Подделка, подарок... купила в сувенирной лавке. Не переживай.

Подошла официантка, завернутая в длинный бордовый фартук, открыла перед нами меню.

— Возьми утку, — посоветовал Иван. — В черносливе, пальчики оближешь.

Подождав, пока я сделаю заказ, он пододвинул мне нетбук:

— Лучше поторопиться. Готова? Бронируй билеты, одним днем туда и обратно. — И, взяв телефон, быстро набрал номер испанского продавца.

Аэрофлотовский лайнер заходил на посадку над пронзительно бирюзовым морем. Справа, на фоне растворяющихся в голубой дымке холмов, лежали терракотовые квадратики кварталов Барселоны. Когда колеса затряслись по асфальту полосы, пассажиры лениво и нестройно захлопали. За иллюминатором потянулись разноцветные хвосты «Боингов» и «Эрбасов».

Без четверти час я вышла на залитую теплым солнцем площадь перед аэропортом. В небе висели легкие перистые облачка. Погода стояла летняя по-нашему — шестнадцать градусов.

Как условились, я отправила SMS-ку Ивану, и минут через десять он позвонил:

— Привет! Как Барселона?

— С воздуха хороша, — ответила я.

— Ну, думаю, вблизи она тебя тоже не разочарует, — весело проговорил он и, перейдя на серьезный тон, рассказал, что с продавцом связался, тот будет ждать в три часа в парке Цитадели у монумента Всемирной выставки. Описал приметы продавца, объяснил, как добраться, и напоследок добавил: — Ни о чем говорить не надо. Посмотришь игрушку, если понравится, отдашь деньги. И сразу набери меня. Хорошо? Удачи!

В парк я приехала за час до назначенного времени и, первым делом, нашла место встречи. Монумент, как и говорил Иван, оказался огромными ржавыми шестеренками, поставленными на постамент посреди прямоугольного бассейна. Все лавочки рядом с ним были пусты, и я отправилась гулять по аллеям. На траве и дорожках валялись бурые листья платанов и черные скрюченные стручки акаций. Над верхушками кипарисов торчали зубчатые башенки модернистского замка. Фонтаны каскада не работали, и в зеркальной глади воды застыли отражения беломраморных драконов. По аллеям лениво катались пустые велорикши с ярко раскрашенными кабинками. Посреди озера плавала единственная лодка, на корме, откинувшись, сидела девушка, ее длинные темные волосы едва не касались воды. Парень, отпустив весла, разглядывал свою спутницу.

Я побродила по берегу и вернулась к монументу. Прогулка меня успокоила.

Продавец уже ждал на лавочке. Я узнала его издали по описанию одежды, все, как и рассказывал Иван, — коричневая куртка, светлые брюки и желтые ботинки. Хорхе оказался рябым, большеглазым и с блестящей лысиной. Увидев меня, он, не вставая, помахал рукой. Интересно, подумала я, что про меня наговорил Иван?

— Ола, — улыбнулся хозяин статуэтки. — Мария?

— Си, — улыбнулась я в ответ.

Этим мой испанский лексикон заканчивался.

Хорхе, больше не говоря ни слова, достал из сумки бумажный сверток и передал мне. Я развернула его и увидела фигурку божка. Она была покрыта рельефными узорами, на которых кое-где остались потемневшие краски — синяя, зеленая и оранжевая. Я рассмотрела их, осторожно потерла пальцами бока статуэтки, попробовала ногтем. На «новодел» вроде непохоже. Пожалуй, подделку уровня девятисот евро я бы разглядела. Впрочем, зачем этому Хорхе нас обманывать?

— О кей! — Я достала карту Барселоны с вложенными в нее деньгами и передала продавцу.

Тот вернул схему пустой, и глиняный идол перекочевал в мою сумку.

— Грасияс, Мария! Адьос! — счастливо улыбнувшись, поднялся Хорхе.

Я молча кивнула.

Когда он ушел, первым желанием было бежать из парка подальше. Чтобы успокоиться, я сделала несколько дыхательных движений и потерла запястья. Потом набрала номер Ивана.

— Молодец, — похвалил компаньон. — Не опоздай на самолет. Лучше погуляй по центру, сходи на площадь Каталонии, а оттуда — по Рамбле к порту. Там вечером замечательно, художники, му-

зыканы, как ты любишь. Потом возьмешь такси и за десять минут доедешь до аэропорта. Только не загуливайся. Я тебя встречу в Шереметьево. Да, мудрый совет, никогда не ешь в ресторанах на Рамбле — дорого и несъедобно...

Самолет улетал в одиннадцать, в аэропорт надо в девять, значит, есть еще целых пять часов. Я развернула карту города, нашла Рамблу, площадь Каталонии, Готический квартал. Выбрала улицу, которая вела от парка прямо в центр. На угловой табличке значилось: «Carrer de la Princesa». Название еще больше подняло мне настроение. Я шла по улице и улыбалась прохожим, которые отвечали мне тем же. Потом увидела указатель: «Museu Picasso». Ну, что ж, сегодняшний день на самом деле складывается замечательно, если уж случилось увидеть в Барселоне что-то, то храм гениального мастера — это, пожалуй, лучшее.

Сумку пришлось сдать в камеру хранения. Я залезла рукой в сверток, нащупала глиняного божка и, чтобы он не сердился на меня, погладила его по животику.

В половине восьмого служители в залах начали напоминать о том, что музей скоро закрывается. На улице уже стемнело, и стало свежо. В программе оставался прощальный променад по Рамбле. Ужином можно было пожертвовать.

Знаменитый бульвар тек полноводной рекой, словно с наступлением темноты вобрал в себя движение всего города. Встречные потоки просачивались сквозь друг друга и закручивались водоворотами. Над ними в свете фонарей горели золотом кроны платанов. Опавшие листья шуршали под ногами. За большими окнами кафе и ресторанов носились раскрасневшиеся официанты с полными подносами. У театра с развевающимся над входом полосатым каталонским флагом стояли мужчины в строгих костюмах и женщины в блестящих вечерних платьях. Благоухали пестрые ряды цветочных палаток. Рядом с круглыми желтыми почтовыми тумбами прямо на плитах мостовой расположились молодые люди в респираторах. С помощью тарелок и каких-то обломков они рисовали краской из баллончиков марсианские картины. Рядом продавались часы, сделанные из раскрашенных виниловых пластинок с портретами Че Гевары и Боба Марли. И, конечно, сидели художники с приколотыми к мольбертам листами ватмана. Все, как на подбор, были молодыми. Наверное, целый курс академии художеств проводил практику на Рамбле. Я шла мимо них, как на параде. Художники вставали, заглядывались и скромно улыбались, только некоторые делали приглашающий жест рукой и застенчиво бормотали: «Пор фавор, сеньора». Я улыбалась в ответ и качала головой. Вдруг один из них шагнул навстречу, упал на одно колено и с умоляющим взглядом приложил руку к

своей груди. Вокруг стали собираться улыбающиеся люди, парень залился румянцем и молчал, а друзья подбадривали его и делали мне умоляющие знаки. Я посмотрела на часы.

— Дьес минутос, сеньора, — воскликнул художник и показал обе растопыренные пятерни.

В этих «дьес минутос» было столько отчаяния, что я вздохнула и присела на раскладной табурет. Вокруг одобрительно зашумели. Парень взял карандаш и показал точку, на которую надо смотреть. Потом попросил еще немного повернуть голову, удовлетворенно кивнул и взялся за работу.

Портрет получился замечательный. Пока художник откреплял его, я полезла за деньгами. В этот момент зазвонил телефон, вместо кошелька я достала трубку, и... тут же чья-то рука над моим плечом, вцепившись в сумку, дернула ее назад. От неожиданности я даже не успела сжать пальцы. Люди вокруг загалдели, я обернулась — человек в светлосерой куртке и с натянутым капюшоном перебежал через проезжую часть и скрылся в темной боковой улочке. Никто и не думал его догонять, все вокруг оживленно обсуждали происшествие, размахивали руками и объясняли что-то вновь подошедшим зевакам. «Почему же за ним никто не бежит?» — с детской наивностью думала я, глядя на черное ущелье улицы, в котором скрылся грабитель. Весь сегодняшний ослепительно-удачливый день в одно мгновенье засосало в эту пропасть. Мир вокруг потерял цвет, звуки стали глухими и далекими, как будто я вдруг оказалась в огромной стеклянной банке, стоявшей посреди заполненного счастливыми людьми бульвара.

Только через минуту я осознала, что телефон в руке продолжает выписывать трели, замолкает на секунду и принимается снова. На дисплее светилось «Иван». Господи, что я ему сейчас скажу? Что глупо прощелкала бесприигрышное дело?.. Дура! Беспечная дура!...

Телефон не унимался. Я нажала кнопку.

— Ты куда провалилась? — спросил Иван. В голосе чувствовалось раздражение. — Почему трубку не берешь? Загуляла?

— Иван... — тихо сказала я. — У меня украли сумку.

— Где?! — рявкнул прямо мне в ухо телефон.

— На Рамбле, — ответила я еще тише.

Иван молчал. Долго. И вдруг меня охватил страх, что сейчас он отключится и больше не возьмет трубку, разорвет призрачную спасительную ниточку, и я останусь одна, в чужом городе, даже — мире, наедине с мытарствами, которые я пока смутно представляла, но понимала, что они будут безумными...

— Иван! Прости меня, пожалуйста! — торопливо заговорила я. — Прости, слышишь! Я верну предоплату... Что мне делать? В полицию, да?

Компаньон продолжал молчать.

Я была в полушаге от истерики.

— Как я отсюда выберусь? Там паспорт, билет... Что мне делать? Ну, не молчи же...

Иван дал мне насладиться нарастающим отчаянием и вдруг спокойно произнес:

— Ладно. Подожди в полицию, толку никакого. И, черт с ним, с идиолом. — Он снова сделал паузу и продолжил: — Делаем так... Я прилечу завтра, первым рейсом, и все решу... У тебя остались какие-нибудь деньги?

В джинсах нашлись две десятки и почти четыре евро мелочью.

— Двадцать четыре евро, — сказала я.

— Достаточно. В общем, так... Если идти по Рамбле со стороны порта, первая улица направо. Не помню названия... Ну, не важно. На ней много дешевых... как бы сказать... пансионов. Вполне можно переночевать. Заплатишь пятнадцать-двадцать евро и нормально выспишься, а утром я уже буду. Поняла?

— Да.

— И успокойся.

— Я постараюсь.

— С тебя предоплата Змея и мои командировочные, — на прощанье бросил Иван и отключился.

— Спасибо, — прошептала я в глухую трубку.

Люди вокруг смотрели на меня с интересом и сочувствием.

Юноша-художник, виновато улыбаясь, протянул портрет:

— Toma señora. No, no necesito dinero. Lo siento mucho, señora... (Возьмите, сеньора. Нет, денег не надо. Мне очень жаль, сеньора... — исп.)

Улица оказалась из тех, на которых поздно вечером чувство безмятежной безопасности покидает сразу же, как только сворачиваешь с

оживленного проспекта. Между пятнами от редких фонарей густилась темнота. В ней белели футболки молодых людей, кучками стоящих на тротуаре и ведущих оживленные беседы. Когда я проходила мимо, они замолкали. Кроме них и меня, на улице никого не было. Я шла, натываясь на мусорные контейнеры, и прижимала к груди дорогой портрет. Заведения с наглухо закрытыми дверями и вывесками «Hostal» действительно тянулись один за другим. Я выбрала дверь попроще и нажала кнопку звонка.

Человек за стойкой вызвал ассоциации с телохранителями колумбийских наркобаронов. Не высокий, плотный, со скуластым, бронзового цвета, лицом и черными, как смоль, коротко стриженными волосами. Ни слова, ни улыбки, стоял и смотрел как будто сквозь меня.

— Комнату до утра, пожалуйста, — сказала я, коверкая английскую грамматику.

Он на секунду задумался, оглядел меня и сказал:

— Treinta y cinco euros. (Тридцать пять евро. — исп.)

— Не понимаю, — покачала я головой.

— Тридцать пять, — повторил он по-английски.

— Двадцать, — насколько можно тверже сказала я. — Только до утра.

Портье сделал каменное лицо и показал глазами на входную дверь.

В соседнем пансионе история повторилась, только «колумбиец» оказался постарше на вид и уже в плечах. Видимо, я была не похожа на девушку, у которой нет тридцати пяти евро на ночлег.

Скромную табличку третьего я еле разглядела. В ответ на звонок щелкнул замок двери. За ней пустой коридор упирался в крутую лестницу вверх. Следующая дверь обнаружилась только на третьем этаже — застекленная, с громоздкой латунной ручкой, за ней был холл, с вытертыми старомодными креслами и перегоро-

женный стойкой-барьером из орехового дерева. В углу на большом старом телевизоре с выпуклым экраном красовались бронзовые каминные часы. Пахло пылью и кофе. За стойкой стоял худой старик в мешковатом коричневом свитере. Он был похож на Дон Кихота, каким его изображали на иллюстрациях в классических изданиях, только по-крестьянски высушенный солнцем и совершенно седой.

У него за спиной, на белой стене, висели пожелтевшие рисунки акварелью и углем, вырезки из спортивных журналов и старые афишки, на которых огненно-красные платья гибких женщин застыли в невообразимых вихрях.

В отличие от портье предыдущих пансионатов, «Дон Кихот» выражал доброжелательность.

— Ола! — сказал он, блестя глазами из-под пепельных бровей.

— No me equivocaré diciendo que es Usted la señora más bella de las que entraron por este umbral desde aquel día cuando Eva Flores se hospedó aquí. (Не ошибусь, если скажу, что сеньора — самая прекрасная из женщин, переступавших порог этого дома, с тех пор, как здесь останавливалась Эва Флорес. — исп.)

Не поняв ни слова, я на всякий случай улыбнулась.

Старик повернулся и показал на одну из афишек:

— Era en mil novecientos setenta y uno, mi hermano mayor Enrique se volvió loco por ella... (Это было в семьдесят первом, мой старший брат Энрике сходил по ней с ума. — исп.)

Я опять улыбнулась, подозревая, что «Дон Кихот» говорит комплименты.

— Mercedes Ruiz se parece mucho a ella. Ha asistido Usted sus conciertos? (Мерседес Руис на нее очень похожа. Вы были на ее концертах? — исп.)

Я продолжала глупо улыбаться.

Старик, видимо, озадаченный моей неразговорчивостью, задумался, потом сказал:

— Vale... Necesita Usted una habitacion? (Хорошо. Сеньоре нужны апартаменты? — исп.)

— Комнату до утра, пожалуйста, — проговорила я заученную английскую фразу.

«Дон Кихот» закивал, взял со стойки блокнот и нарисовал на чистом листе цифру «30». Я взяла у него ручку и ниже написала: «20».

Старик опять задумался. Он выглядел слегка разочарованным. Вдруг его взгляд скользнул по портрету, который я теперь держала в одной руке, и он заметно оживился:

— Me permite Usted? (Разрешите взглянуть, сеньора? — исп.)

Догадавшись, что ему надо, и помедлив пару секунд, я протянула рисунок.

— Vaya! Qué retrato más bello, señora! Magniëco! (О-о! Прекрасный портрет, señora! Прекрасный! — исп.) — восторженно произнес «Дон Кихот».

Держа рисунок на вытянутых руках, он смотрел на него горящими глазами, не отрываясь и покачивая головой. Потом повернулся ко мне, заговорил сначала по-испански, но, спохватившись, перешел на английский, хотя выражался на нем достаточно коряво.

Он был бы счастлив, если señora согласиться обменять портрет. Señora может выбрать любой из рисунков, что висят на стене. Это красивые картинки, они были здесь всегда, сколько он себя помнит. И тогда он, конечно, сможет найти для señora комнату за двадцать евро...

«Ну, что за город... — подумала я. — Одни грабят, другие... Даже этот благообразный старик бессовестно пытается выжать последнее. И что теперь делать? Ехать в аэропорт ночевать на лавочке в обнимку с собственным портретом?»

Бродить дальше в поисках ночлега с двадцаткой в кармане у меня уже не было сил.

— Хорошо, — вздохнула я. — Да... Си, си.

Старик просиял и впустил меня за стойку. Я принялась рассматривать рисунки. Ничего особенного — наброски морских пейзажей, парусники, крепость с зубчатыми башнями... Только одна акварель привлекла внимание — на узком листе плотной желтоватой бумаги был изображен закутанный в плащ молодой мужчина. В каждом штрихе его сурового лица чувствовалась рука гениального мастера... Я смотрела и не верила своим глазам, потому что, не далее, как четыре часа назад наслаждалась шедеврами, написанными той же рукой. В этом у меня не было никаких сомнений. На обороте значился только год: «1898» — наискось, размашистыми цифрами, подчеркнутыми косой чертой...

Комната, в которую меня лично проводил «Дон Кихот», оказалась не больше двух метров в ширину, метра четыре в длину, и из-за высоченного потолка выглядела горной расщелиной. Шкаф с перекошенными дверцами располагался слева от входа, дальше — узкая кровать и умывальник с эмалированной раковиной напротив. Противоположная от двери стена, с небольшим окном на высоте моего роста, шла наискось. За распахнутыми створками рам висела плотная темнота. Под окном стоял «школьный» стул с железными ножками и фанерным сиденьем, выкрашенный белой краской. Если бы стены не были светлыми, мне, пожалуй, хватило пары часов, чтобы сойти здесь с ума.

Я заперла за стариком дверь, не раздеваясь, легла на кровать и принялась разглядывать акварель. Нет, никаких сомнений, это ЕГО рука. И цифры на обороте... Я прекрасно помню его автографы на рисунках из музея.

Ну, что ж, достойная награда за все страдания сегодняшнего дня. Если это действительно рисунок Пикассо, сколько он может стоить? Двести тысяч? Триста? Полмиллиона? Вполне.

Захотелось прямо сейчас позвонить Ивану, но, вспомнив, что в Москве уже второй час ночи, и компаньон, скорее всего, отсыпается, перед тем как лететь меня спасать, я передумала. Пусть будет для него приятным сюрпризом... И тоже наградой. А вообще, надо на свежую голову решить, что ему сказать, и как вести переговоры, чтобы опять не остаться с носом — своего наставника я знала хорошо.

После бурных событий прошедшего дня долго не удавалось заснуть. Кроме того, последний раз я ела еще в самолете, и теперь сосущая пустота жалобно ныла в желудке. Но когда усталость, наконец, победила чувство голода, неожиданно ему на помощь явился чудовищный храп за окном. Оказалось, что оно выходит во двор, даже не во двор, а в узкий колодец внутри дома, и звукам из распахнутых окон было некуда деваться, кроме как в открытые же окна других комнат. Такое впечатление, будто храпящий человек спит на соседней кровати. Я встала, забралась на стул и захлопнула рамы. Потом вернулась в постель и сразу уснула. Но через полчаса очнулась в жарком поту — в комнате нечем было дышать. Пришлось снова подниматься и влезать на стул. Храп к этому времени немного поутих. Я оставила окно приоткрытым и вдруг услышала русскую речь. В Москве, где-нибудь в толчее метро или в разноголосице вокзалов, смысл разговоров вокруг пролетает мимо, но здесь, в чужой стране, слух цеплялся за каждое знакомое слово.

Голос был мужским, выговор — чистым, и, судя по всему, невидимый соотечественник говорил по телефону.

Я улыбнулась ей, положила ключ на стойку и, аккуратно прикрыв за собой тяжелую дверь, сбежала по ступенькам. Солнце наискось светило в ущелье улицы, оставляя на противоположной стороне узкую голубую тень под стенами домов. Пронзительно пахло морем. Я дошла до Рамблы и свернула в сторону порта, туда, где к бледно-голубому небу высоким столбом был пригвожден бронзовый Колумб.

Иван позвонил часа через полтора. Выпитая на оставшуюся мелочь чашка кофе с крохотной булочкой только раззадорили чувство голода, и я уже не могла думать ни о чем, кроме утиной грудки в карамельном соусе.

Компаньон объяснил, как найти кафе, в котором будет ждать. Оно оказалось в десяти минутах ходьбы от пансиона со стариком «Дон Кихотом», среди улиц-ущелей с нависающими над головой узкими балконами и скутерами у дверей. Отыскивая нужную, я фантазировала себе меню и представляла круглые глаза официанта... Потом, уговорив желудок немного потерпеть, стала сочинять сценарий презентации моему спасителю рисунка великого мастера. В том, что великодушие и самоотверженность Ивана должны быть вознаграждены, я ни секунды не сомневалась, а убытки от провала операции с идолом будут компенсированы с лихвой. Конечно, если рисунок окажется подлинным. Но в этом я была почему-то уверена.

Замечтавшись, я едва не проскочила кафе. Все его украшение состояло в надписи «Rosa», обрамленном по кругу стилизованными изображениями бутонов на витринном стекле. Простенькая дверь вела в маленькое узкое помещение со стойкой у входа и тремя столиками справа у стены. Стены скромно блестели голубой кафельной плиткой, в воздухе слоился аромат свежей выпечки. Такое аккуратное кафе «у дома», куда забегают по утрам выпить кофе с булочкой и посмотреть новости. Только мне-то были нужны декорации для триумфа, желательного с шампанским и бараньей ногой на вертеле...

Иван сидел за дальним столиком лицом к входу. На стуле стоял его пижонистый саквояж.

Несмотря на разочарованность местом встречи, я готова была броситься компаньону на шею, но у него был такой холодно-надменный вид, что осмелилась только чмокнуть в щеку. Он поморщился и как-то совсем театрально вытер щеку салфеткой. Потом открыл саквояж, достал мою украденную сумку и небрежно бросил ее на стол:

— Проверь.

Все, кроме статуэтки и денег, оказалось на месте. Правда, из кошелька пропали даже мелочь и российские рубли, но, главное, уцелел паспорт.

— Откуда она у тебя? — изумленно посмотрела я на Ивана.

— Из полиции, — холодно ответил он. — Утром мусорщик нашел ее в контейнере на Авино. Решил, что она слишком хороша для свалки, и взял себе. А когда увидел иностранный паспорт, передал его полицейским. Они здесь все тащат в полицию.

— И тебе ее вернули? — опять удивилась я. — Без меня?

— Вернули и вернули... — недовольно поморщился компаньон. — Какая тебе разница? — Но, видно, заметив промелькнувшую на моем лице обиду, добавил чуть мягче: — Зачем им лишняя головная боль с иностранцами? Тем более, с русскими... Я им сказал, что ты моя гражданская жена.

— Спасибо тебе, дорогой, — кротко проговорила я.

— На здоровье, — в голосе Ивана снова зазвучала твердость. — С тебя предоплата Змею, билеты и мои командировочные, как договаривались.

Разыгрывать из себя строгого учителя перед нерадивой ученицей у него получалось великолепно. Я все никак не могла выбрать момент, чтобы выложить из кармана плаща свидетельство о возмещении убытков и морального вреда.

— Вообще, надо было бы, — продолжал компаньон тем же тоном, — высчитать с тебя и упущенную выгоду... — Он сделал трагическую паузу и с великодушным вздохом закончил: — Но я тебя прощаю.

Мне вдруг стало весело. Может, и пусть продолжает разыгрывать из себя безупречного гуру арткоммерции? Этакого бескомпромиссного сэнсэя? А драгоценный сверток пока полежит в кармане? Пока...

— Иван, я есть хочу, — простонала я. Получилось даже более жалобно, чем замышлялось. — Со вче-

рашнего утра ни маковой росинки... Накорми меня, пожалуйста, в хорошем ресторане... А потом включишь в тот же счет...

— Потерпишь, — вдруг жестко оборвал он. — Поешь в самолете. Вылет в полшестого. В четыре надо быть в аэропорту.

Мне показалось, что он уже переигрывает. Или, наоборот, наконец-то, снял все маски?

— Возьму тебе кофе, — поднялся Иван. — Эспрессо?

— Спасибо, — кивнула я. — Двойной. Спроси, может, к двойному предлагается бесплатная слойка...

Иван изобразил недовольную мину, но промолчал.

Пока он ждал у стойки и разглядывал крутой стан молодой неулыбчивой продавщицы, я думала: «Да, пожалуй, моя награда пока полежит в кармане... Конечно, я виновата, но это не значит, что можно цыкать мне, как проштрафившейся прислуге. Помучайся, дорогой, пусть тебя еще немного погложет потеря грошовой прибыли от перепродажи куска глины...»

Рейс был с пересадкой в Берлине. В тесном терминале Тегеля очереди на пограничный контроль сплетались кольцами как змеиный клубок.

Иван делал страдальческое лицо, смотрел в сторону, а когда до стойки оставалось три человека, сказал:

— Я тебя догоню. Живот чего-то скрутило... Проклятый кофе... — И, придерживая портфель, исчез в толпе.

Я вздохнула с облегчением — если на контроле придется разворачивать драгоценный сверток, тайна открылась бы компаньону раньше времени и в не слишком торжественной обстановке.

Немец-пограничник задал несколько вопросов, я в ответ покивала головой. Он внимательно посмотрел мне в лицо, с лихим стуком поставил штамп в паспорте и профессионально улыбнулся. Газетный сверток никого не заинтересовал.

Иван догнал меня в накопителе. У входа в самолет встречали стюардессы в ярко-красных шапочках-беретах, такого же сумасшедшего цвета лайковых перчатках и такой же губной помаде. На стекле иллюминатора серебрились тонкие струйки дождевой воды.

Лайнер мягко откатился от телетрапа и стал поворачиваться хвостом к футуристической диспетчерской башне. Потом мимо пронеслись аэродромные фонари.

Когда яркие огни Берлина под крылом потускнели и спрятались за клочкастыми облаками, я закрыла глаза. Вряд ли это был сон — я слышала, как мягко шумит самолетная вентиляция, как Иван о чем-то говорит со стюардессой по-немецки, как он шелестит страницами журнала и время

от времени тихо барабанит пальцами по подлокотнику. Но надо мной было ярко-голубое небо Барселоны, расчерченное черными ветвями платанов и заляпанное желтыми кляксами листьев. Наверное, я плыла в лодке, потому что скамейка подо мной покачивалась и иногда вздрагивала от легкой волны. Вода не отличалась цветом от неба и в ней тоже плавали охряные листья. Вдруг я услышала сзади голоса — мужской и женский, и удивилась — речь была русской. Мне казалось, что, если я обернусь, лодка обязательно покачнется и может перевернуться. Несмотря на солнечный день, от голубой воды веяло ледяным холодом.

Те, сзади, спорили, вернее, вяло переругивались.

— Ты же знаешь, — с укором говорила женщина, — Испания — ее любовь... мечта... не знаю, утешение... даже надежда... Надо было ей что-то купить, с тебя не убыло бы...

— Хы, — хмыкал мужчина. — Подари ей свою шубу.

— Дурак ты, Валек, — вздохнула она и после паузы продолжила: — Тебе не понять, как это, когда не можешь сам дойти даже до туалета...

— Ладно, — ответил мужчина. — Будем «тусить» в Москве полдня, купишь ей какую-нибудь дребедень, скажем, что оттуда.

— Не поверит, — усмехнулась женщина. — Почувствует... Она — это не твои дружки с тремя коридорами...

— В Москве черта можно купить, — не соглашался мужчина. — Найдем чего-нибудь.

— Черта не надо, — опять вздохнула женщина...

Холод добрался, кажется, до самых костей, и я очнулась. Двое с заднего ряда продолжали искать способ успокоить свою совесть. Иван сидел рядом, посмотрев на мои трясущиеся плечи, он молча укрыл меня своей курткой и я благодарно

прильнула к его плечу. Потом погасли табло «Пристегните ремни», Иван аккуратно отстранил мою голову, встал и торопливо ушел по проходу в конец салона.

«Бедолага», — подумала я и уютнее закуталась в куртку.

Что-то с тихим шорохом скользнуло на пол. Я наклонилась и увидела сложенный узкой полосой стандартный листок бумаги. Не знаю, почему, но мне показалось, что он имеет отношение к моим злоключениям — какая-нибудь полицейская справка о выдаче найденной сумки. Но это оказалась распечатка электронного билета моего компаньона. Первое, за что зацепился глаз, была дата бронирования — 6 ноября. Тот самый день, когда мы встречались в «Пражечке»...

У меня было ощущение, что я вывалилась из самолета сквозь внезапно открывшийся в полу люк. Еще и еще мысленно возвращалась я в тот вечер, перебирала предыдущие, вспоминала дни недели — нет, никакой ошибки, сегодня девятое, это было три дня назад, я тогда забронировала себе место на восьмое, получается, он сразу же заказал на следующий день, рейс туда и обратно, значит... В голове всплыл ночной разговор, случайно подслушанный в пансионе: «В самолете выпейся...»

Я болталась на ниточке над бездонной пропастью вероломства, но вместо того, чтобы спасти себя, пыталась уберечь своего наставника и компаньона от тяжеловесных фактов, неумолимо собиравшихся в лавину. «Нет же! — мысленно кричала себе. — Он просто хотел подстраховаться и забронировал билет на всякий случай... Он всегда все предусматривает... ведь, наверное, необязательно выкупать... И этот парень в пансионе не имеет к нему никакого отношения, у Ивана не может быть ТАКИХ друзей...» Но лавина все набухала и была готова вот-вот сорваться...

«Осталось только одно, — подумала я. — И только во спасение...»

В конце салона у занятой кабины ждала женщина. Извинившись перед дремавшим в кресле «С» пожилым господином, я выбралась в проход и открыла багажную полку. Портфель компаньона лежал с краю. Лезть в него было мерзко.

«Только во спасение», — повторила я про себя, открыла застежку, осторожно засунула руку внутрь и сразу же нацупала бумажный сверток... Бог Упавшей Звезды лежал у меня на ладони. Лавина обрушилась и смела остатки моих наивных надежд на самое дно пропасти. В освободившейся от них голове мысли обрели стальную точность. При мне ни в самолете, ни в аэропорту Иван проверять портфель не станет. Идею забрать идола себе я сразу погнала прочь — не столько из-за явного ри-

ска попасться, сколько по «идейным» соображениям — несмотря на подлость компаньона, уподобляться ему считала невозможным. Прятать статуэтку под кресло бесполезно — по прилету ее найдет служба безопасности, а обнаруживший пропажу компаньон, в первую очередь, побежит туда...

Я посмотрела на соседей сзади — молодая женщина с мальчишечьей стрижкой и здоровый краснолицый парень с носом и челюстью боксера. Она, отвернувшись к проходу, продолжала укорять его в бессердечии, а он, пожимая плечами и держа в одной руке полупустую фляжку виски вместе с пластиковым стаканчиком, другой протягивал ей нераспечатанную миниатюрную бутылочку «Мартини».

— Глотни-ка, лучше. Зря я, что ли, фрейлейн убалтывал... Да, найдем чего-нибудь в столице...

— Увидишь ты ее, столицу, — отвечала она. — Два аэропорта, и пробки между ними...

— Послушайте, — решила я и показала женщине идола. — Мне подарили друзья, неудобно было отказать... Теперь не знаю, что с ним делать... Вам, кажется, нужен сувенир. Знаете, это хорошая вещь, настоящая. Берите.

Женщина удивленно посмотрела сначала на статуэтку, потом на меня и замерла в нерешительности.

— Берите, берите, — продолжала я, — он еще и выполняет мечты... Надо только погладить его по пузу...

Мужчина протянул руку, забрал идола, вытащил из-под кресла сумку и, почти не разглядывая, сунул туда подарок.

— Будет твоей тетушке, чем заняться, — сказал он спутнице и полез в карман. — Хы... Целый день сидеть и наглаживать... Сколько?

— Денег не надо, что вы...

Теперь удивился он. Подумал и выдал мне бутылочку «Мартини»:

— От нашего стола...

Получился идеальный обмен. Я взвесила ее на руке, завернула в ту же бумагу и засунула сверток в портфель.

— Спасибо вам, — сказала женщина.

— На здоровье тетушки, — улыбнулась я.

В Домодедово я не отходила от Ивана ни на шаг, несмотря на его не очень ловкие попытки увильнуть в сторону. Прятаться от меня в туалете он, наверное, уже не решался. Пару раз я демонстративно перед его носом открывала сумку и начинала искать помаду или салфетки.

Как только мы вышли на улицу, я мгновенно продрогла — за два дня успела отвыкнуть от поздней московской осени. Холодная луна неясно светила сквозь зарево прожекторов. Стылый воздух спрессовывал гул самолетов.

Иван взял такси, и, пока мы выбирались из толчеи аэропортовской парковки, я спросила:

— Покажешь мне билеты? Хочу посчитать, сколько тебе должна.

— Хм, — хмыкнул компаньон. — Ты перестала мне верить?

В ответ я только пожала плечами.

Всю остальную дорогу мы промолчали.

Когда я выходила у дома, он кивнул на газетный сверток:

— Все хотел спросить, что там у тебя?

— Так... — сказала я, — картинка на память.

Дома первым делом я раздернула тяжелые бабушкины шторы, чтобы, проснувшись, увидеть, как утро нового дня наполняется солнечным светом. □

Надежда Веселова

ОСЕННЕЕ

Цветы поторопились отцвести —
Такое нынче лето, что поделать!
И в каждом чашелистнике —
«Прости!
Цветение прошло, настала
зрелость».

Качается пожухлый талисман
Того, что нашей юностью зовется.
Ах, время, время — ветреный обман,
Водича из бездонного колодца.

Оно течет, не ведая преград,
Ничуть не мысля, что такое
жалость.

И с каждым лепестком роняет сад
Свою невосполнимую усталость.

И я чуть не кричу: «Остановись,
Осеннее мгновенье! Ты прекрасно!»
Лишь листья робко шепчут:

«Эта жизнь
Ни времени, ни смерти
не подвластна...»

До сотворения мира... Кого же винить
В этом нелепом, несказанном, истинном слове –
Сонном... зачатом в правдивых уставших устах?
Мир сотворенный... не общий... так мним и условен.
Мученик он. И мучитель... на разных крестах...
Что же ты хочешь? Не слишком ли, Ангел? Свободы?!
Ты же приставлен заплечно спасать и хранить.
Что ж так не вечны твои неземные восходы
В нашей вселенной без всяких времен и границ?..
Что ж так не скоро приходишь, когда умираю?
Что ж не спасаешь от злых одиноких ночей?
Видишь, в кровати местечко... нагретое... с краю...
Ты понимаешь — ты мой...
А умру, ты — ничей...

СНЕЖНОЕ

Прозрачное пророчество зимы.
Обилие непрошенного снега...
Когда, мой ангел, ты нисходишь с неба,
Я здесь, внизу, играю в слово «мы».
Я смело примеряю снегопад
Фатою белоснежно-кружевною,
И в локоны — свежайшей сединою...
Смотри — весенний яблоневый сад...
Я вижу эти чистые снега
Листами дневниковых откровений,
Где каждый птичий крестик ставит гений
След в след танцовщиц мастера Дега...
И мы — след в след — по музыке стихов...
Снежинок бег... всегда по вертикали,
Мой ангел, мы себя в себе искали...
И в этой чистоте своих штрихов
Смотрели, как пустеют облака,
Тончают и скудеют — боль и холод...
Снежок... как непростительно ты молод...
И как непостоянен... на века... □

Ольга Займенцева

ПАЛИТРА

СОЛНЕЧНОГО

*Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.*

Афанасий Фет

Кажется, что вот встанешь перед картиной Ярослава Зяблова с изображением зимнего пейзажа, выдохнешь воздух, и изо рта пар пойдет, а под ногами снег захрустит. Постоишь так, слушаешь тишину... и чувствуешь, что ее можно даже потрогать. И все это не из-за так называемой фотографической точности, а благодаря мастерству, помноженному на искреннюю любовь к природе. Каждое движение кисти говорит об этом, и художник честен и искренен со своим зрителем

Ярослав Зяблов родился в 1977 году в Москве, в семье художников. Его родители, Игорь и Наталья, были в то время студентами и учились в МХПИ имени Строганова, так что нетрудно предположить, что мир прекрасного, в котором пребывал мальчик, не мог не стать для него родным. Затем семья переехала из столицы на родину в Одессу. В 1991 году Ярослав поступил в Одесское государственное художественное училище им. Грекова. Окончив его, он решил продолжить образование и отправился в Москву, где стал студентом Российской академии ваияния и зодчества. А потом приступил к преподавательской деятельности, вчерашний студент стал учителем, и его ученики были не намного младше своего преподавателя. Но при этом его неодолимо влек-

ДНЯ

Слева: «*Овражек*»

Вверху: «*Прогулка*»

ло из теплой аудитории к реке, в лес на пленэр. Так на картинах Ярослава стали появляться русские пейзажи. Человек в его работах отсутствует, но он незримо существует «за кадром», наслаждаясь красотой природы, но, не вторгаясь и не нарушая ее. Об этом иногда напоминает лишь лодка у берега, качели на ветке столетнего дуба или купола храма вдалеке.

Мои пейзажи самостоятельны, — говорит Зяблов, — это не «задники» для жанровых сцен. Природу не нужно «украшать» людьми. Когда прогуливаешься по лесу или парку, и вдали раздаются голоса и видны силуэты людей, хочется выбрать стороннюю тропинку. Уединение способствует медитации (размышлению).

Центральный герой картин Ярослава — это среднерусская возвышенность, она заставляет нас не забывать о том, что за многоэтажными постройками спальных и промышленных районов города есть чистая, еще не тронутая природа.

Вообще работа над пейзажем — это долгий и сложный процесс, которому предшествует серьезная подготовка, он предполагает многократное посещение выбранного места и огромное количество сеансов на пленэре, при нужном состоянии света и цвета. Потом картина долгое время «зреет» в мастерской, что-то в ней художник изменяет, добавляет, обобщает. Иногда работа даже над маленьким полотном затягивается на недели и месяцы.

«Воскресенье»

Слева:
«Красные
скалы»

«Течет
река»

«Радуга»

Ярослав находится в постоянном поиске, всегда в движении. География его полотен весьма широка. Места, запечатленные художником, радуют своей сдержанной красотой, своими не кричащими, спокойными тонами: Крым, Карелия, Соловки, Кольский полуостров, Суздаль, Одесса... Он много путешествует и по миру, но никогда не пишет картины в экзотических странах, пальмы его не вдохновляют, разве что изредка пишет этюды, но почти никогда большие картины, оставаясь верным русской природе.

С самого начала своего творческого пути Зяблов выбрал жанр пейзажа, хотя еще Филипп Малявин убеждал художника и реставратора, основателя научно-реставрационного центра, Игоря Грабаря в том, что после Левитана бесполезно писать пейзажи.

«Как же ты не понимаешь, что после Левитана нельзя уже писать пейзажи! Левитан все переписал, и так написал, как ни тебе, ни другому ни за что не написать. Пейзажу, батенька, крышка». И если бы Грабарь послушал Малявина, то не написал бы

Слева:
«Февраль»

«Вечерет»

лучшие свои работы «Февральская лазурь» и «Мартовский снег»!

Но не всегда только природа вдохновляет Ярослава. Иногда это может быть строчка из стихотворения, услышанная песня или полотно великих предшественников: Коровина, Левитана, Жуковского, Поленова, Левченко, Колесникова, Похитонова, Грицая, Стожарова, он может любоваться ими часами! А бывая в европейских музеях, подолгу всматривается в шедевры Рембрандта, Вермеера, Ла Тура, Рубенса, Терборха, Веласкеса, Моне, Коро.

Величайшая коллекция шедевров, оставленная нам великими мастерами, которых можно назвать первопроходцами, исследователями, помогает современным художникам учиться на их примере, но, вместе с тем, они тоже первопроходцы, потому что каждый, опираясь на опыт предшественников, вершит свою историю, создает свой новый мир. Хотя... в мире мало что изменилось, все так же бурлят стремительные горные реки, и все так же шумит ветер в ветвях высоких деревьев... □

Таких картин в истории искусства мало. Эжену Делакруа удалось выразить дух своего народа, создать творение, ставшее не только символом Франции и французской революции, но и Революции вообще, картину, не потерявшую своей актуальности и философского значения до сих пор. Недаром ее образы можно увидеть на маршах, флагах, плакатах, в самых разных коллажах. Она продолжает свое блистательное существование — в искусстве, в творчестве современных художников, и в политической, общественной жизни мира

С

ВОБОДА

Ирина Опимах

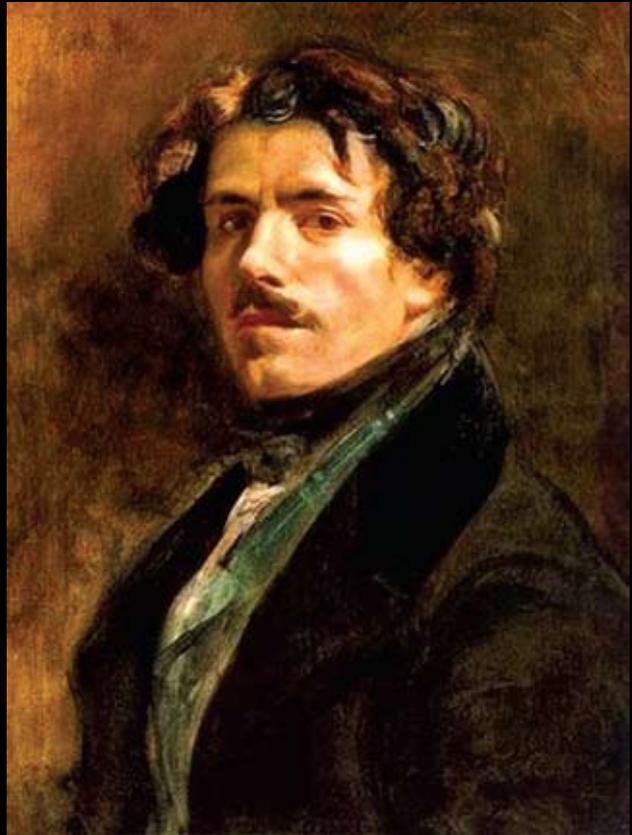
на баррикадах

После краха Наполеона на французском престоле снова оказались ненавистные народу Бурбоны. Но повернуть ход истории им было уже не под силу: решения Венского конгресса обязывали короля Людовика XVIII сохранять появившиеся при Наполеоне буржуазные нововведения. Однако в стране было множество людей, страстно тоскующих по прежним порядкам, и во главе этой группы стоял брат короля граф д'Артуа. В 1824 году, когда Людовик умер, он с радостью занял его трон. Теперь графа называли король Карл X. Понятное дело, он не мог вернуть аристократии конфискованные земли, которые ей так хотелось заполучить вновь, но, в качестве возмещения, задумал выплачивать своим друзьям огромные деньги. Конечно же, народ этого не понял и не принял. Победив на выборах в палату депутатов, оппозиция посчитала, что уж теперь она сможет повлиять на то, что происходит в стране. Но в марте 1830 года король решил распустить палату депутатов! После новых выборов оппозиция получила еще больше голосов в Законодательном корпусе. Разозлившийся король снова распустил палату, вдобавок отменил свободу печати и заявил, что теперь право голоса будут иметь только крупные землевладельцы. По сути, это настоящий государственный переворот — все достижения французской демократии были сведены на «нет»! И тогда парижане, защи-

щая свои права, вышли на улицы. Сначала это были мирные демонстрации, но вскоре они переросли в настоящие бои. Баррикады, ружейные залпы, яростные крики сражавшихся, стоны раненых... И вот, в руках повстанцев уже городская ратуша, а потом и королевский дворец Тюильри. Карл X бежал! — ликовал весь город. Мы победили!

Дни 27–29 июля 1830 года навсегда остались в истории Франции. Пушкин назвал июль 1830 года «самым интересным временем нашего века». События, захлестнувшие столицу Франции, отозвались во всем мире. «Священные дни парижского Июля! — писал Генрих Гейне. — Вы всегда будете свидетельствовать о врожденном благородстве человека, которое вовеки не удастся искоренить. Тот, кто пережил вас, не рыдает больше над старыми могилами, но полон радостной веры в воскресение народов. Священные дни Июля! Как прекрасно было солнце, как велик был народ парижский!»

Тридцатидвухлетний Эжен Делакруа, сын бывшего члена Конвента Шарля Делакруа (а по слухам, самого Талейрана), боялся народных бунтов и уличных беспорядков. И его можно было понять — чего уж тут хорошего, когда на улицах стреляют, и так легко попасть под шальную пулю. Все эти дни он не покидал своего дома на набережной Вольтер. Дюма писал, что Делакруа выглядел очень растерянным. Но вот все закончилось, и, увидев трико-

*Эжен
Делакруа.
Автопортрет*

лор, развевающийся над Нотр-Дам, Эжен возликовал. Все-таки его отец голосовал за казнь короля, и аристократическому семейству Делакруа революционные настроения были совсем не чужды. Более того, он решил написать картину и посвятить ее парижским повстанцам. Раньше Делакруа выбирал свои сюжеты в книгах — он находил героев на страницах романов В. Скотта и Сервантеса, в поэмах Байрона и

Данте, в пьесах Шекспира и Гете. Теперь же он писал брату: «Я приступил к картине на современный сюжет. Если я не сражался за свободу отечества, то, по крайней мере, буду делать живопись в его честь».

Он решил — события на его картине, как и главные события 27–29 июля, будут происходить в самом центре Парижа, на Новом мосту. А главным героем станет д'Арколь,

«Ладья Данте»

один из героев июльской революции. Когда королевские солдаты обстреливали Гревский мост, не подпуская повстанцев к ратуше, вдруг некий молодой человек, воскликнув, «Если я погибну, запомните, — меня зовут д'Арколь!», бросился вперед, увлекая за собой народ на ее штурм. Юный герой погиб, но ратуша была взята!

Но потом замысел художника изменился — в центре картины будет сама Свобода! Так его полотно стало не просто репортажем или рассказом о том, что пережил его город, но обобщением Революции.

Облака дыма. Звук картечи. Рокот пушек. И ветер развеивает трехцветное знамя, знамя республикан-

цев, рожденное Великой французской революцией и исчезнувшее с приходом Бурбонов. Знамя это высоко подняла прекрасная женщина во фригийском колпаке. Она ничего не боится, ведь она — богиня Свободы. Сама богиня Свободы ведет парижан в атаку! Такой богини нет в мировой мифологии. У древних греков были богини войны, мудрости, красоты. Художник же создал свою, и это — богиня Свободы. Рядом с ней — герои тех славных дней. Мальчишка, парижский гамен, в обеих его руках пистолеты, и он что-то возбужденно кричит в лицо врагу. (Пройдет тридцать лет, и он появится на страницах романа Гюго

«Отверженные» под именем Гавроша). Рабочий в грязной блузе, молодой человек в цилиндре — из благородных, наверное, студент. Делакруа показывает, что именно простой народ делает революцию. Он — двигатель истории. Они все — сам порыв, движение, движение со Свободой и к свободе. А под их ногами — раненые, трупы. Революция — вещь жестокая, тут не только геройство, но и смерть, и мародерство. Делакруа удалось создать настоящий шедевр, соединив точный рассказ о событии и возвышенную аллегорию, «великую симфонию Революции» (И. Долгополов).

Художник работал быстро, вдохновенно, вспоминая уроки своего самого любимого учителя — Теодора Жерико. Грандиозное полотно Жерико — «Плот "Медузы"» — всегда был перед его глазами. Отчаяние и надежда. Жизнь и смерть. Все — рядом. Этот гибнущий плот среди ревущего океана — словно сама Франция, гибнущая в океане лжи и ханжества. Рассказ о трагедии, реальном событии, ставший символом истории. Когда-то Жерико, увидев картину Делакруа «Ладья Данте», сказал, что охотно поставил бы под ней свое имя. Жерико умер в 1824 году. После его смерти именно Делакруа стал лидером новой живописи — романтизма. (Это слово впервые появилось в некрологе, написанном на смерть Теодора Жерико.) Невероятно талантливый, страстный и честный, Жерико прожил всего 32 года, но сумел создать полотно, ставшее настоящим манифе-

«Греция на руинах Миссолунги»

стом, свежим, новым словом в мировом искусстве. И теперь память о любимом учителе, о том, как он позировал для «Плота...», о его уроках и его гениальных творениях помогла Делакруа создать свой шедевр.

Через три месяца картина была готова, и Эжен выставил ее на Салоне 1830 года. К этому времени ненавистные Бурбоны уже потеряли все, что имели, затихли уличные бои, и никто больше не пел Марсельезу. Временное правительство, собранное палатой депутатов, увенчало короной герцога Луи-Филиппа, богатого землевладельца и крупного финансиста. Он, этот новый король Франции, был весьма продвинутым

*«Плот "Медузы"» —
полотно работы
учителя Эжена
Делакруа —
Теодора Жерико*

популистом: любил в простом платье прогуляться по Парижу и побеседовать со всеми, узнававшими его. «Народный король» — так его стали называть. А еще он в августе внес демократические поправки в Конституцию, отменил цензуру и дал послабления в закон о свободе собраний, обществ и союзов. Луи-Филиппу очень не хотелось, чтобы его подданные помнили о том, как он пришел к власти. Ведь с этим народом так трудно! А вдруг захочется снова поменять власть?

В такой атмосфере картина Делакруа успеха иметь не могла. Критикам не нравилось все — и сама Свобода, и окружающие ее повстанцы. О богине Революции писали: «Это девка, мерзавка, сбежавшая из тюрьмы Сен-Лазар. Ах, если Свобода такова, если это девка с босыми ногами и голой грудью, которая бежит, крича и размахивая ружьем, она нам не нужна, нам нечего делать с этой

паршивой мегерой!» «Неужели в эти славные дни на улицах была одна чернь?» — возмущались критики.

Поначалу правительство купило картину, заплатив художнику 3 тысячи франков, но потом одумалось и вернуло полотно Делакруа. Долгие годы оно хранилось в доме его тетки.

А в 1848 году Францию вновь потрясли революционные волнения. И снова на улицах Парижа выросли баррикады, и снова зазвучала Марсельеза. Король, как и его предшественник, бежал в Англию, а Франция стала президентской республикой. Президентом был избран принц Луи Бонапарт, племянник Наполеона. Народ Франции надеялся, что он, как когда-то его дядя, сделает Францию великой.

Делакруа эту революцию не принял. Но его популярность росла, он уже считался почти классиком. В 1855 году в Париже проходила Всемирная выставка. Во Дворце из-

ящих искусств были показаны лучшие картины Делакруа — 35 полотен. Однако и тогда его «Свободу» не выпустили из застенков. Она снова воспринималась властями как весьма бунтарская и неприемлемая для публичного показа картина. Министр культуры в правительстве Луи Бонапарта посчитал, что эта Свобода в красном колпаке, которая топчет королевских солдат, весьма опасный образ. Кто знает, какие идеи она может породить в неустойчивом сознании парижских буржуа... Лучше, пожалуй, не рисковать.

Эжен Делакруа умер 13 августа 1863 года. Умер, дождавшись признания, славы, осыпанный милостями и наградами двора. Его любили все — и художники, признававшие мощь его романтической кисти, и поэты, и писатели, и музыканты. Среди его друзей были Мериме и Стендаль, Жорж Санд, Шопен и Бодлер, написавший настоящий гимн его жизни и его искусству — он так и назывался: «Творчество и жизнь Делакруа».

Но должно было пройти еще 11 лет, прежде чем одна из его лучших картин попала в государственный музей. В 1874 году «Свобода на баррикадах» была, наконец, выставлена в Лувре.

С годами «Свободу» Делакруа стали воспринимать как символ Франции. Образ, рожденный гениальной кистью художника, оставался с французским народом всегда. В 1944 году в Париже вновь возникли баррикады, и из столицы

Франции были изгнаны немецкие войска. Де Голль объявил референдум о создании правительства освобожденной Франции, и на плакатах о референдуме появилась она, «Свобода». Ее образ используют и на денежных купюрах, и на марках — она путешествует по миру как посланница Франции.

В мае 1968 года молодые парижане вновь вышли на улицы своего города. Новое поколение протестовало против буржуазных ценностей, против ортодоксальности и меркантильности своих родителей. Рождалась новая революция. И однажды один фотограф сфотографировал милую девушку — она, подняв руку и что-то возбужденно крича, сидела на могучих плечах своего парня, идущего в рядах демонстрантов. Эта фотография рядом со «Свободой» Делакруа появилась в коллаже на обложках многих журналов, а девушка (потом выяснилось, что ее звали Кэролайн, и она даже не была француженкой!) стала образом Свободы XX века. Увидев внучку на обложке журнала «Тайм», ее дед-консерватор был так возмущен, что даже оставил Кэролайн без наследства.

Каждый год в Париже празднуется взятие Бастилии, и тогда на улицах города обязательно оживают все персонажи картины Делакруа — самодеятельные актеры с огромным удовольствием перевоплощаются в рабочего, в студента, в гамена и в величественную богиню Свободы, которая всегда живет в душе французского народа... □

НАДАР

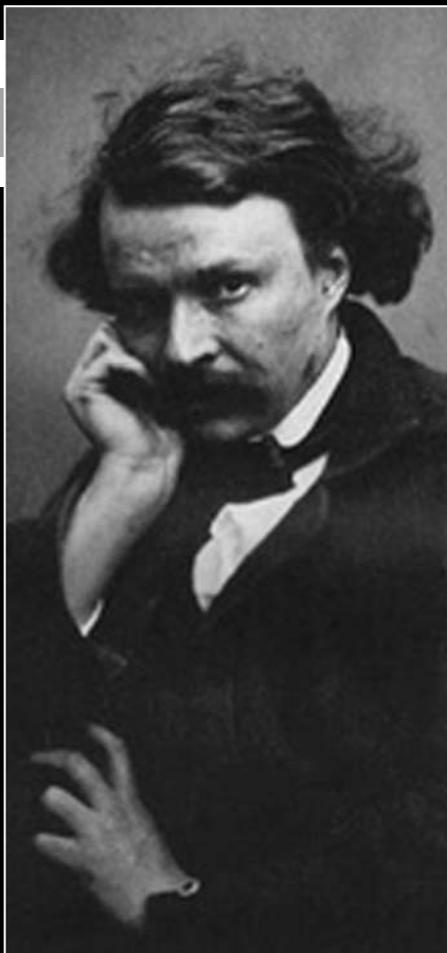
с бульвара Капуцинок

Виктор Ом

«Надар» — это творческий псевдоним великого французского фоторафа.

Вот история его появления... Один из друзей, наблюдая за ним, вдруг сказал: «Тебя нужно звать не Турнашон, а Турнадар, что означает — юла! Ты «нажимаешь на ручку и прокручиваешь ее!» Турнашону неожиданно это понравилось, он и взял последнюю часть слова в качестве псевдонима.

Произошло все это намного раньше открытия Турнашом своего первого фотоателье...

Вообще-то, он, Гаспар Феликс Турнашон, действительно с самой ранней юности был неутомимым молодым человеком и перепробовал много всего. Журналист, карикатурист, даже ... автор двух романов и драматург, так как писал и для театра, кроме того, страстный путешественник, буквально «болевший дорогой»...

Но была у него еще одна страсть, вровень с проявившимся увлечением к фотографии — он обожал летать на воздушном шаре...

Добропорядочные родители, конечно, и вообразить не могли, что их сын Гаспар, родившийся в 1820 году в Париже, станет выдающимся фотографом, известным всему миру. Отец его владел небольшим книжным издательством, и, стало быть, книга очень рано вошла в жизнь мальчика. Мать вспоминала, что книги он полюбил из-за помещенных в них рисунков. Но представить своего сына фотографом родители никак не могли, потому что только через девятнадцать лет после его рождения физик Доминик Франсуа Араго выступит в Парижской академии наук с докладом об изобретении Дагера и Ньепса.

И что же? Какое отношение имели друг к другу эти два фактора — изобретение светописы (то есть — фотографии), и жизнь молодого озорного юноши Гаспара Феликса? Они ведь существовали сами по себе, живя, развиваясь, ничего не зная друг о друге и не пересекаясь.

Но... изобретение века — а именно, изобретение фотографии, не мог

ло пройти мимо Гаспара в силу его очень любопытной натуры, а закончилось это тем, что он стал профессиональным фотографом. Позднее Надар писал: «Фотография, замечательное открытие... Теория может быть изучена за час, основы техники за день... Но чему нельзя научить — это чувству света. То, как падает на лицо, вы должны уловить сами. Чтобы получить сходство, а не банальный портрет, вы должны вступить в союз с позирующим, почувствовать его мысли и сам характер».

Толчком на пути к фотографии стало страстное увлечение театром. Очень хотелось зафиксировать какую-то понравившуюся мизансцену или любимого актера. Надар поначалу и не предполагал, что фотография может стать главным

делом его жизни. Но все произошло именно так...

В 1853 году, вместе со своим братом Адрианом, он открыл собственное фотоателье. Но закончилось это их совместное начинание судебным процессом — братья крепко не поладили и вскоре разошлись. По решению суда Адриан оставался в старом ателье, а Гаспар открыл новое на бульваре Капуцинок, 35.

Выкрасил здание в красный цвет, а весь фронтон венчала громадная надпись — «Надар»...

Уже в то время среди профессиональных фотографов-портретистов

выстроилось четкое деление, проще говоря, некая иерархия, как и добавляет настоящему рынку услуг. В провинциальных городах работали владельцы небольших ателье. Они обслуживали местную клиентуру и считались, соответственно, фотографами провинциального уровня. Нужно сказать, что открывались подобные заведения подобно морскому шквалу, «росли как грибы после дождя»!

Художник Гоген в одном письме из Бретани тоже это отметил. Он высказался в своей ироничной форме, что фотоателье теперь открыва-

Дюма-старший

Гюстав Курбе

ют даже в селениях, где всего-то имеются десять дворов. И это действительно так — всеядность распространения фотографии отмечали многие.

В больших городах этот новый вид (пока только бизнеса, искусством еще никто фотографию не осмеливался называть) выглядел намного солиднее. Владельцы крупных салонов считались профессионалами высокого класса. Они посылали свои работы на всевозможные выставки и нередко получали награды и почетные знаки, которые потом в обязательном

порядке помещались на паспарту снимков.

И, конечно, выше всех в этой спонтанно образовавшейся иерархии стояли владельцы парижских ателье и салонов, оспаривавшие внимание европейских великокняжеских, королевских и императорских фамилий... Все они яростно боролись между собой за почетное звание «Поставщик двора». Такое вот абсолютно купеческое определение применялось в этом, казалось бы, далеком от торговли виде деятельности.

Только время — странная эманация...

Джузеппе Верди

Сара Бернар

Имена далеко не всех знаменитых некогда «поставщиков» вошли в историю художественной фотографии. Даже наоборот, — все чаще открываются новые и новые имена провинциальных фотографов, чьи работы покоряют современного зрителя не только особым очарованием и теплотой провинциального быта и очень домашней достоверностью, но и высоким уровнем именно художественного дарования!

Портретная студийная фотография середины 19-го века в большинстве случаев относится к большому искусству как бы «по касательной». Ведь для создания удовлетворитель-

ного, в свете тогдашних требований, портретного фотоизображения достаточно было оперировать набором проверенных и хорошо отработанных приемов. Но деятельная натура Гаспара Турнасона просто не могла довольствоваться избитыми штампами.

Вообще о фотографии нужно сказать следующее: еще с первых шагов ее стремительного развития вспыхнули яростные споры о принадлежности этого нового вида (тогда в большей степени технического) воспроизведения действительности к «высокому» искусству. Но, несмотря на критические статьи, которых писалось в то время неимоверное ко-

Жорж Санд

Эдуард Мане

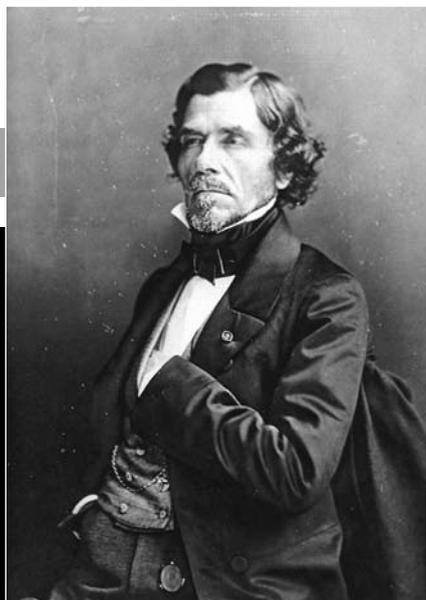
личество, несмотря на яростные диспуты художников, искусствоведов и прочих теоретиков и практиков искусства, фотография, словно одержимая, не обращала на это ровно никакого внимания — она просто завоевывала города и страны. Заглядывая вперед, скажем, что уже к концу 19-го века практически на всех континентах и во всех странах существовали фотографы, а значит, и фотографические ателье.

И спрос на художественную фотографию стремительно рос...

Не обошло это новомодное явление и Россию. К началу XX века фотография и здесь завоевала прочные

позиции — появились престижные общества профессионалов, стали издаваться специальные журналы и литература, а наши мастера получили известность за рубежом. Фотовыставки в то время переживали самый настоящий бум. Но, тем не менее, о «светописи» продолжали спорить, порой совершенно непримиримо, и по-прежнему оспаривалось право фотографии на художественность...

«И нашего молодого искусства на первых порах его светлой весны коснулись те уродливые течения, которые широкой волной ворвались во все без исключения отрасли современного творчества», — сожалел и

Эжен Делакруа

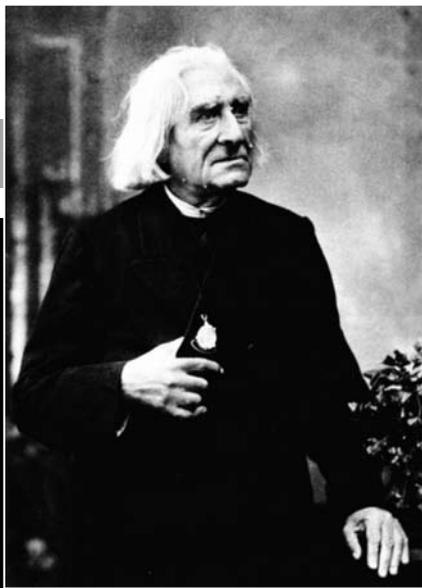
Виктор Гюго

сетовал в 1914 году московский журнал «Вестник фотографии». Это был орган самого крупного и влиятельного в стране Русского фотографического общества. Именно на его страницах и разгорались самые страстные баталии. Но они, конечно, стали возможными только на принципиально новом, ином, чем в 19-м веке, уровне отечественной фототехники, уже усовершенствованной химиками и оптиками. Намного улучшилось качество воспроизведения: появились анастигматы, фотометры, точно определяющие время экспозиции, ортохроматические пластинки, безошибочно «берущие» цветовые соотношения, разнообразные

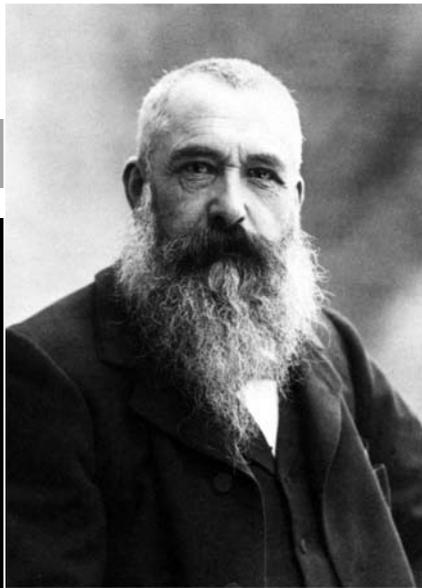
позитивные бумаги с блестящей поверхностью, позволяющие передать необычайное богатство деталей.

Это разнообразие приемов можно было увидеть не только в России. Но если они в Европе уживались, то у нас между приверженцами «механической», «регистрирующей» фотографии и поклонниками «художественной светописи» разразилась самая настоящая теоретическая война.

Надар преуспел и прославился прежде всего как фотомастер-портретист, хотя в истории фотоискусства за ним числятся и иные заслуги. Будучи увлеченным воздухоплавателем, он, конечно, взял

Ференц Лист

Клод Моне

с собой в гондолу аэростата и фотокамеру.

И именно он в 1856 году первым запечатлел столицу Франции с высоты птичьего полета — такой, какой ее никогда не смогла бы изобразить рука самого талантливого художника.

А спустя много лет, во времена франко-прусской войны, Надару представилась возможность показать и доказать важность воздушной фотосъемки. Во время осады Парижа, осенью 1870 года, город оказался отрезанным от остального мира. По предложению Надара менее чем за неделю был подготовлен и запущен в небо воздушный шар «Нептун». К великой радости французов

прусские ружья не смогли достать до той высоты, на которой летал воздушный шар. Таким образом, за время 131-дневной осады 55 шаров вывозили из Парижа пассажиров, почту и почтовых голубей. Эти птицы возвращались с донесениями, сфотографированными на тонкой коллоидной пленке, которую сворачивали в миниатюрные трубочки и укрепляли на хвостах птиц. И эта почтовая служба действовала в течение всей осады города.

Надар был первым не только в «небесах»: в 1860-х годах он впервые сфотографировал знаменитые парижские катакомбы, освещая их электричеством, полученным от

Камиль Коро

Жюль Верн

гальванических батарей. Сохранилась карикатура художника Оноре Домье: Надар в гондоле над Парижем... Ветер сорвал с него шляпу, но фанатично увлеченный фотограф не в силах оторваться от фотокамеры. Похоже, этот рисунок в свое время вызывал добродушную улыбку современников. Нужно вспомнить и отметить (тем более, что многие работы сохранились и по сей день), что во времена Надара в жанре карикатуры возникло целое направление, критиковавшее, иронизирующее над фотографами, в конце концов, над самой фотографией, как новоявленной представительнице искусства, которой отказывали в «месте под солнцем».

И среди этих борцов-энтузиастов особенно яростным был известный художник Оноре Домье. Парадокс в том, что противник фотографии Домье был одним из самых близких друзей Надара, и эта близость к среде художников, со многими из которых Надар дружил, благотворно сказывалась на его творческих исканиях. Он и здесь был оригинален и неповторим и прилагал огромные усилия, чтобы развеять ироническое недоверие к фотографии и все же ввести ее, наконец, в пантеон больших искусств.

В своих воспоминаниях Надар рассказывает, как долго и настойчиво он убеждал Оноре Домье о праве этому виду искусства на существование. Домье, яростно противясь этому, конечно, не мог и предположить, что фотография отблагодарит его за уступчивость, ко-

торую он в конце концов проявил: ведь самым лучшим его портретным изображением до сих пор признается именно фотопортрет, выполненный Надаром.

Портреты мастера Надара отличаются необычайным лаконизмом. Как правило, фон фотограф всегда выбирал нейтральный: ничто не должно было отвлекать внимание зрителя от самого портретируемого.

В арсенале декоративных и иных вспомогательных средств имелся специальный *studio cloak* — плащ, драпируемый на плечах модели. В этом плане очень показателен портрет совсем молоденькой еще Сары Бернар. На ее оголенные плечи наброшен студийный плащ, и ничто не отвлекает взгляда от прекрасного юного лица актрисы... Надо сказать, что и в дальнейшем, став уже великой актрисой, Сара Бернар не изменила своей привязанности к фотомастеру Надару. Она продолжала сниматься у него, а позже — у его сына Поля...

Фотохудожник (думаю, к Надару это определение подходит точнее, чем к кому-либо) находил новые, смелые положения фигурам людей, подмечал характерные жесты — руки в его портретах всегда живут и всегда как-то по-особенному выразительны. Яркий пример — Гюстав Доре. Небрежно завязанный шарф выдает порывистость природы художника, его независимость... А в рисунке рук чувствуется нервное движение.

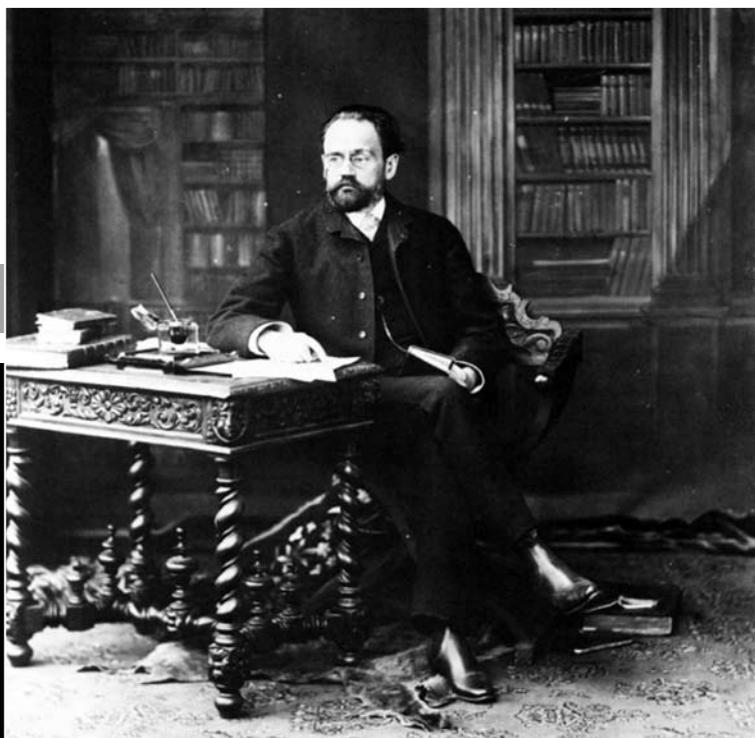
И совсем по-иному, в свободной, непринужденной позе, запечатлен Теофиль Готье. Да-да, это он, автор, написавший знаменитое «Путешествие в Россию»!

А как царственно величава Жорж Санд!..

Очень необычен портрет композитора Шарля Гуно. Точнее, его можно было бы назвать «Глаза композитора Гуно». Снимок этот вызвал изумление современников не только изображением, собственно, глаз

музыканта, данных крупным планом, но и тем, что в их зрачках отразился сам фотограф со своим треножником.

Почти все известные профессионалы-фотографы, понимавшие под художественностью фотоснимка изящество светотени и изысканность отделки позитива, нелестно отзывались о портретах коллеги Надара. Его упрекали за «слабость технической стороны», признавая, между тем, его «умелое освещение»

Эмиль Золя

и «художественность придания поз фотографируемым».

Однако, что бы там ни говорилось, по общей оценке и современников, и потомков, именно творчество Надара явилось первым, по-настоящему признанным вступлением фотографии в «святая святых» — в область изобразительного искусства.

Самая плодотворная пора Надара-портретиста пришлась на 50–70-е годы 19-го века. Не утратил он своего творческого интереса к этому жанру и позднее, но в ателье, с 1886 года, его сменил сын Поль.

К тому времени ателье выглядело весьма и весьма внушительно. Все больше и больше людей стремилось запечатлеть себя у Надара, так что оно, если так можно выразиться, при-

обрело статус процветающего коммерческого предприятия. И вполне могло показаться, что художественный поиск уже не интересовал этих весьма состоятельных буржуа, отца и сына. Но это было далеко не так. Они оба с неослабевающим интересом продолжали следить за достижениями в области фотографии и все еще оставались «на гребне волны».

И главное, они не только наблюдали за процессом развития фотоискусства — они еще и сами изобретали новые виды съемок.

Сохранилась поразительная серия так называемых «моментальных снимков». Например, Поль Надар в 1891 году сфотографировал отца, ведущего философскую беседу со столетним химиком и оптиком Шев-

«Террор»

Парижские катакомбы

релем, современником Ньепса, Дагера и Тальбота.

Именно из ателье Надара вышли и первые, как тогда говорили, «стенографические фотографии». Они были напечатаны в журнале «Ле журнал иллиустре». Эта серия снимков стала родоначальницей будущей репортажной портретно-жанровой фотографии. Эта серия, теперь уже сына Надара — Поля, вновь дала повод для жарких споров о том, способна ли портретная фотография передать внутренний мир человека, позирующего перед камерой.

Современные искусствоведы высоко отзываются о портретном наследии Надара, даже при общей сдержанности их отношения к фотографии как искусству. Авторитетнейший ученый, автор «Всеобщей истории искусств» Михаил Алпатов отнес галерею Надара к «едва ли не лучшему из того, что было создано в области портрета во второй половине девятнадцатого столетия».

Сохранилось одно из писем великого писателя Франции и мировой литературы Виктора Гюго. Но не само письмо важно, интересным оказалось другое...

12 декабря 1871 года Виктор Гюго написал своему другу в Париж. Вложив письмо в конверт, он наклеил марку, в углу вывел свои инициалы, а сверху написал: «Париж, Надару», — и все! Этого, оказывается, было вполне достаточно, потому что любой парижский почтальон того времени прекрасно знал экзотический псев-

доним знаменитого фотографа Гаспара Феликса Турнашона и адрес его салона — бульвар Капуцинок!

Здесь фотографировались, оставив потомкам свои изображения, художники Оноре Домье, Эжен Делакруа, Эдуар Мане, Камиль Коро, Гюстав Курбе, писатели братья Гонкуры, Жюль Верн, Виктор Гюго, отец и сын Дюма, Теофиль Готье, Шарль Бодлер, Жорж Санд, Альфонс Доде, композиторы Джоаккино Россини и Джузеппе Верди, Шарль Гуно и Гектор Берлиоз, князь Голицын, Михаил Бакунин, Сара Бернар, Альфред де Виньи, Жерар де Нерваль, Эрнест Шеклтон и многие другие современники великого фотографа. То есть, весь интеллектуальный, артистический и художественный цвет Франции девятнадцатого века.

Интересны автопортреты и самого Надара. И их много...

Очень характерен снимок молодого еще Надара в экспрессивном полуповороте, со скрещенными на груди руками... Взгляд устремлен куда-то вдаль... в загадочную, манящую его бурлящий дух даль...

Увековечил он себя и в своеобразном «круговом» автопортрете. Фотография получилась как бы объемной — мастер поместил все снятые позы на одном листе.

Одним словом, оставил свой документальный облик для истории...

И очень правильно сделал!

Скончался великий фотомастер 21 марта 1910 года и похоронен на знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез... □

«В самом ли деле я робок?
Мне не хватает смелости ответить на этот вопрос».

Бенни Хилл

Великий С мешной

Евгения Гордиенко

ОПАСНЫЙ РЕБЕНОК

«Всегда быть в маске — судьба моя!» — эти слова как будто написаны специально для Бенни Хилла — известнейшего английского комика, на протяжении 30 лет смешившего Британию и затем безжалостно преданного анафеме в угоду пуританским взглядам общества...

...Он сидел в своей маленькой квартирке перед включенным телевизором, в окружении грязной посуды. Даже дома у него не было, несмотря на десять миллионов фунтов стерлингов, лежащих в банке. Почему? А кто его знает! Да и какое это теперь имеет значение? Ему нет никакого дела до этих денег, впрочем, как и до всего остального с тех самых пор, как «железная леди» Маргарет Тэтчер ввела цензуру на его «Шоу Бенни Хилла», а потом программу и вовсе закрыли. Разве мог он, шестнадцатилетний мальчик, приехавший в Лондон покорять театральные подмостки, знать, что все закончится именно так? А ведь начиналось все вполне радужно...

...Его родиной был Саутгемптон, большой портовый город, где семья Хиллов не выделялась ничем, кроме несносного мальчишки Альфреда. Тогда он еще был Альфредом Хоторном Хиллом — псевдоним «Бенни» он возьмет позже — в честь любимого американского комика Джека Бенни. А пока он всего лишь Альфред — «глупое имя, и какое-то королевское», говорил сам Хилл. Ничего королевского в рыжем и веснушчатом сорванце не было и в помине. Он кривлялся, изображая друзей родителей, выбалтывал рассказанные подружками матери секреты, отчего к Хиллам перестали захаживать гости, устраивал розыгрыши, которые нравились лишь деду, бывшему конферансье. Впрочем, старик и сам не отставал от внука — как-то они с Альфредом подмешали в начинку для рождественской индейки целую

пачку красного перца — шутка, в общем-то, безобидная, но она переполнила чашу терпения отца, и он велел Альфреду убираться. Дед, чувствуя себя виноватым, представил внука знакомым артистам, и те приняли мальчишку в труппу. Что могло быть лучше для него, с детства мечтавшего о сцене? И неважно, что пока он лишь «на разогреве» перед знаменитыми артистами, ему всего 16 — мир открыт и полон чудес. Тогда он еще так думал...

РЯДОВОЙ ХИЛЛ!

Вскоре выступления пришлось прервать — от службы в армии Альфреда Хилла никто не освобождал. Но и там он продолжал черпать идеи для выступлений — позже в «Шоу Бенни Хилла» будет немало «военных» скетчей. Среди них и забавный эпизод армейских времен: Бенни любил поесть, поэтому был довольно упитан. Однажды у него обнаружили не положенный по уставу шоколад, и он, стоя навтыжку перед офицером, отвечал на его вопросы:

— Рядовой Хилл, это ваш шоколад?

— Никак нет!

— А чей?

— Не могу знать.

— Тогда я его заберу?

— Никак нет.

— Почему?

— Я останусь голодным.

— Так это ваш шоколад?

— Никак нет.

Поняв, что в таком духе разговор может продолжаться бесконечно, офицер оставил Хилла в покое.

После армии Бенни вернулся в артистическую среду и вскоре получил роль в кино. Он играл частного детектива — роль была маленькая, слабая, но Бенни и не думал сразу угодить в Голливуд. Он снялся еще в паре картин, которые тоже особого успеха не снискали, да и в театре юного актера ждало разочарование — его ужимки казались режиссерам слишком «жирными», а голос вообще не годился для декламации со сцены. «Конфетанс — не больше!» — таков был диагноз для актера Хилла...

Но Бенни никак не мог смириться — как же, ведь он такой талантливый, такой целеустремленный! Не для того он покинул дом в 16 лет, чтобы быть молочником (а в тяжелые времена приходилось зарабатывать и этим)! В 1949-м удача, наконец, соизволила заметить толстого паренюка — благодаря другу, Реджу Уорни, он устроился на радио, а затем перебрался на телевидение. И, наконец...

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

...Наконец вышло первое «Шоу Бенни Хилла», покоровшее всю страну. Программа имела феноменальный успех хотя бы потому, что это был совершенно новый жанр. Хилл вовремя понял, что из незамысловатых анекдотов и скетчей можно делать занятные сюжеты. Но было еще одно обстоятельство, отнюдь его не украшавшее. Дело в том, что сам он не писал сюжетов, а попросту их «заимствовал». Путешествуя по Европе, смотрел выступления французских комиков и запоминал их номера, чтобы после использовать в своей про-

грамме. Ходил на старые американские комедии и на салфетках из кафетерия записывал сюжеты. Огромное количество сценариев он купил у своего приятеля — юмориста Дейва Фримена — всего за тысячу долларов, а затем, включив в «Шоу», заработал на них миллионы. Правда, «забыл» упомянуть в титрах автора и расплатиться с ним... Хотя надо отметить, что без Бенни, без его незаурядного таланта эти истории вряд ли кому-нибудь пришлось бы по душе. Телевидение — это зрелище, а уж зрелища Хилл умел создавать! Но не все так просто. Те, кто хотел, видели только сомнительные, с точки зрения морали, поступки Хилла и считали его сущим монстром.

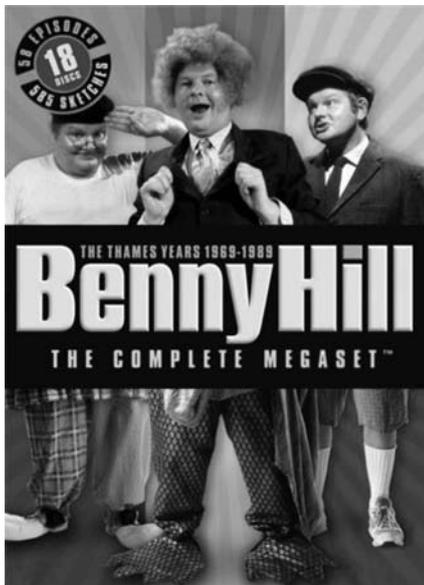
Но было и другое. На протяжении многих лет вместе с Хиллом в «Шоу» работали менее известные актеры, снимавшиеся в небольших ролях. Среди них — некто Джеки Райт, лысый старичок, вечно попадавший в какие-нибудь переделки. Но когда Джеки серьезно заболел и не мог больше сниматься, Бенни вставлял в новые фильмы эпизоды из старых, чтобы пожилому актеру продолжали платить...

БЕННИ И АНГЕЛОЧКИ

...А чего стоят знаменитые «Ангелочки Хилла» — группа очаровательных полуодетых девушек, за которых мужская половина зрителей готова была простить Хиллу все! Они были уверены в том, что со всеми «ангелочками» Хилл поддерживает неформальные отношения, да он и не собирался опровергать эти слухи.

Напротив, всячески поддерживал их, создавая себе образ этакого мацо. Он приглашал девушек из кордебалета домой и подолгу держал их на пороге, чтобы все соседи могли разглядеть его гостей. На вопросы, почему он не женат, Бенни цинично отвечал: «Зачем покупать одну книгу, если можно пользоваться целой библиотекой?» Но, на самом деле, он был очень закомплексован и совсем не умел общаться с женщинами. Дважды Бенни делал предложения любимым девушкам и оба раза получил отказ. Действительно, зачем покупать книгу?..

Все заменила работа. В восьмидесятых страну охватила настоящая «беннимания» — его речь, его

походку, его ужимки копировали все. Хилла обожали, но вскоре обожание сменилось откровенными насмешками — он жаловался, что не может спокойно ходить по улицам, потому что на него показывают пальцем, видя в нем только героя скетчей — глуповатого, вечно озабоченного недотепу с нелепой ухмылкой на удивленном лице. В нем не видели артиста, а что может быть страшнее для таланта? Бенни начал пить. Но спокойнее на душе не становилось. И тогда он решил отомстить. В ход пошло все — злые и обидные шутки, политические пародии, никогда раньше не присутствовавшие в «Шоу», обнаженные девушки на грани фола. И тем самым он подписал своему творчеству приговор:

«железная леди» Маргарет Тэтчер «завернула гайки», приказав под-вергать все его программы цензуре. В результате, было вырезано более 150 часов экранного времени...

А Бенни продолжал пить. Он, как и прежде, ходил в дешевые забега-ловки, одевался на распродажах и дарил девушкам, которых водил до-мой, огромные флаконы отврати-тельных духов, купленных на складе со скидкой. Какое ему дело до того, что на счету у него больше десяти миллионов? Зачем они ему, если пу-ританская английская публика от-вернулась от него, если он больше не нужен тем, кого веселил на про-тяжении 20 лет? Не успокаивало да-же признание великого Чарли Ча-плина — в последние годы жизни он всегда держал при себе кассеты с программами Хилла...

КОНЕЦ ИГРЫ

...Вскоре и компания «Thames Television» объявила Бенни, что боль-ше в его услугах не нуждается, про-

должая, тем не менее, зарабатывать приличные деньги от продаж его про-грамм в Америку и другие страны. В отличие от пуританской Великобри-тании, либеральный Новый Свет не переставал восхищаться Хиллом. А самому комику, лишенному своего детища, оставалось только пожать плечами и отправиться доживать свою жизнь без «Шоу Бенни Хилла».

Он даже не стал составлять за-вещания. Пусть стервятники дерут-ся за деньги сами, без его участия. Проводя все дни перед телевизо-ром, Хилл развлекал себя неумеренной едой и выпивкой. Не замед-лили появиться и проблемы с серд-цем. Когда болезнь стала прогрес-сировать, врачи предложили Бенни сделать коронарное шунтирование, но он отказался и тем самым под-писал себе смертный приговор...

За два месяца до смерти его на-вестил в больнице Майкл Джексон. Как уверял сам певец, он приехал только для того, чтобы сказать Хил-лу о том, что считает его комиком

№1 во всем мире. Комика не стало в 1992 году...

...Через несколько лет после смерти Хилла в Британии были продемонстрированы те самые материалы, которые вымарала цензура из программы в середине восьмидесятых годов. Англичане не стали придерживаться правила «о мертвых или хорошо, или ничего», и на Хилла вновь вылился ушат грязи. «Бенни-мания» была забыта — появилась

девушек, затем к ним присоединяются полицейский, монашка, пожарный, булочник, а потом уже за ним бежит весь город. Толпа проридается через кусты, перепрыгивает лужи, но «преследуемому» это не приносит никакого вреда, в то время как все «догоняющие» оставляют на кустах одежду, теряют в воде обувь... В конце персонаж Хилла оборачивается и, глядя на своих преследователей, улыбается груст-

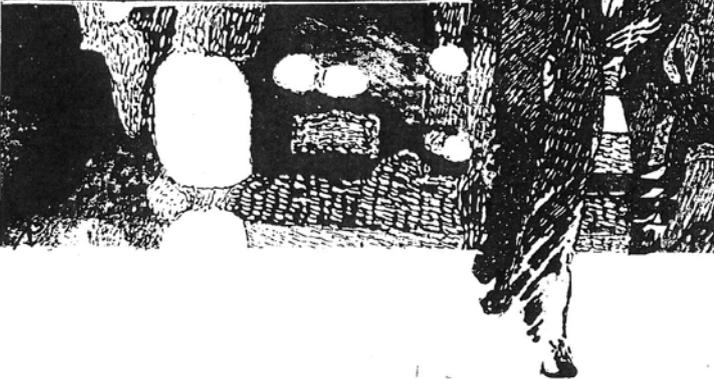
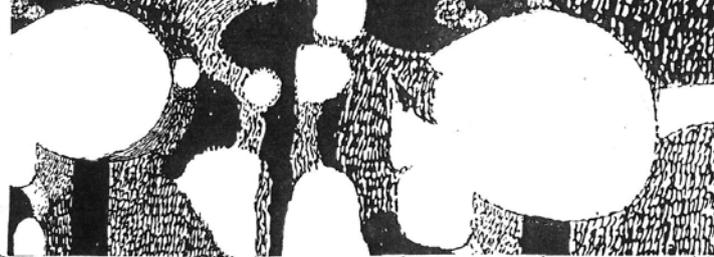

«беннифобия». Так яростно во всех смертных грехах в интеллигентной и чопорной Англии не обвиняли никого. Даже премьер-министр Великобритании Тони Блэр назвал комика «уродливым явлением» и выразил надежду, что «творчество Бенни Хилла — человека, оскорбившего свою нацию, будет предано забвению»...

...В одной из программ Бенни есть такой эпизод: за главным героем начинается погоня. Вначале его преследуют только несколько

ной и чуть удивленной улыбкой... За чем же все они его преследовали?..

Остается добавить, что, несмотря на столь ярое неприятие со стороны официальных властей, у Бенни Хилла по всему миру остались миллионы поклонников, для которых его творчество было и остается просто улыбкой — человеческой и незлой, веселой и настоящей, такой же настоящей, каким был сам Бенни Хилл... □

От осознания того, что совершить этот гадкий поступок все равно придется, на душе скребут кошки, но дело — есть дело. Прямо передо мной красуется «порше» модели «бокстер» — мечта любого коллекционера. Несмотря на то, что машине уже лет сорок, она в таком великолепном состоянии, будто только вчера сошла с конвейера. Я понимаю, что у меня никогда не будет такой шикарной тачки, и все же, кромсая ее заднюю фару пешней для колки льда, чувствую себя вандалом, оскверняющим «Мону Лизу». Оглядевшись по сторонам, я ныряю в салон своей проржавевшей «новы», припаркованной в дальнем конце стоянки, и замираю в ожидании

ГРЕХИ НАШИ

Пару раз «порше» едва не отрывается от меня на скоростной автостраде, но не тут-то было — изуродованная фара, испещренная сеточкой трещин, служит мне прекрасным ориентиром. Так сказать, «путеводной звездой» во мраке.

Едва маленькая машинка плавно уходит вправо, я нагоняю ее, и вскоре мы оказываемся в одном из жилых пригородов Сент-Джозефа. Когда-то здесь обитали ничем не примечательные представители так называемого «среднего класса», однако ныне все изменилось. Двухэтажные коттеджи типовой застройки по обе стороны улицы благодаря стараниям модных дизайнеров приобрели «неповторимую индивидуальность», старая кирпичная кладка сверкает свежей краской, а заросшие сорняками лужайки уступили место аккуратно подстриженным зеленым газонам.

Наконец «порше» сворачивает на подъездную дорожку к роскошному бунгалу, а я, убедившись, что за рулем именно мой «объект» по имени Джейсон Пауэлл, спокойно проезжаю мимо.

У ворот гаража Джейсона радостно встречает «близкий друг» Роланд, похожий на него, как две капли воды — загорелый мускулистый блондин с короткой стрижкой, одним словом, викинг. Правда, подобные парни имеют обыкновение баловаться вещами, за которые в прежние времена здорово схлопотали бы, — жаркие объятия и смачные поцелуи взапас...

Увы, прежде чем я успеваю вскинуть фотоаппарат, парочка исчезает в доме. Матерясь, на чем свет стоит, и, проклиная себя за нерасторопность, я глушу мотор «новы» и выскакиваю из машины. Пришла пора познакомиться с «викингами» поближе.

Крадучись на цыпочках вдоль стены бунгало, я не испытываю ни малейшего смущения, будто всю жизнь только тем и занимался, что копался в чужом «грязном белье». Что поделаешь — издержки профессии. Приближаясь к окну кухни, предусмотрительно держу фотоаппарат наготове. И сквозь стекло вижу Джейсона, достающего из холодильника бутылку пива. Но где же Роланд?

— Ты что здесь забыл? — внезапно раздается у меня за спиной вкрадчивый баритон.

Стараясь не делать резких движений, оборачиваюсь. Вот он, герой-любовник, маячит прямо передо мной, картинно поигрывая бицепсами. Стало быть, ребята не такие простаки, как казалось с виду.

Я пожимаю плечами и медленно поднимаю руки — дескать, сдаюсь.

— Привет!

— Я спросил, какого черта ты тут ошиваешься?

Его физиономия расплывается в хищной улыбке, больше похожей на оскал питбуля и не предвещающей ничего хорошего.

— Расслабься, — улыбаюсь я в ответ. — Ты застукал меня на месте, твоя взяла. Так что, мальчики, оставляю вас в покое. До следующего раза.

Я пытаюсь раствориться в ночи, однако он успевает ухватить меня за рукав куртки и с издевкой заявляет:

— Придется задержаться. Пока не выложишь все начистоту.

— Прости, что ты сказал? В каком смысле — «начистоту»?

Вообще-то, это — старая как мир уловка: ошарашить противника каким-нибудь глупым вопросом, а пока он не опомнился, врезать ему по полной программе. Пора!

Крутнувшись, я, первым делом, освобождаюсь от захвата, а затем угощаю Роланда мощным хуком в челюсть, после чего добавляю ногой чуть пониже «молнии» джинсов.

Его глаза вылезают из орбит и стекленеют, а сам он — складывается пополам. Идеальный момент, чтобы ахнуть пятерней по белообрисому затылку, одновременно подставив колено под лицо. Раздается негромкий сухой хруст — «арийские» носы ничуть не прочнее обыкновенных, — и он с размаху шлепается на «пятую точку», но, тем не менее, тяжело дыша, силится подняться.

— Не глупи! — предупреждаю я. — Только хуже будет.

Роланд застывает на месте, держась за разбитый нос и сверля меня полным ненависти взглядом.

— Ничего личного! — бормочу я ему на прощанье и трусцой припускаю к «новее», от всей души надеясь, что соседи не додумались вызвать полицию. Уже садясь за руль, слышу возглас: «Постой!» и, оглянувшись, вижу Джейсона Пауэлла. Я захлопываю дверцу, но он впивается в рукоятку, как рыба-прилипала.

— Погоди, нам надо поговорить! — выпаливает он, и в его голосе проскальзывают просительные нотки.

— У меня нет времени на пустую болтовню! — Я поворачиваю ключ в замке зажигания, и мотор с утробным урчанием пробуждается к жизни. Если Джейсон сию же минуту не отвалит, то, стоит мне слегка газануть, он тут же проедется физиономией по шершавому асфальту.

— Ты работаешь на моего брата? Ведь это он нанял тебя шпионить за нами, верно?

Я демонстративно прибавляю оборотов, но парень не сдается.

— Сколько бы он тебе не посулил, у меня хватит денег перебить его цену! — в отчаянии скулит он. — Я готов удвоить твой гонорар!

Сняв ногу с педали акселератора, я пристально смотрю ему прямо в глаза.

— Удвоить, говоришь? Что ж, это и впрямь тема для разговора...

Джейсон вздыхает с таким облегчением, что мне его даже немного жаль.

Вспоминаю встречу, состоявшуюся пару дней назад.

Старик Пауэлл лежит на больничной койке — весь в трубках и проводах, словно на него вывалили кастрюлю спагетти. Глаза плотно закрыты, зато рот — нараспашку, того и гляди, ворона влетит. Дряблая морщинистая кожа напоминает мокрую пергаментную бумагу. В палате омерзительно воняет нашатырем и мочой, а комариный писк аппаратуры действует мне на нервы.

Когда-то он был одним из богатейших и влиятельных людей во всем штате — эксклюзивным представителем компании «Крайслер» в наших краях, владельцем обширной сети автосалонов и отелей, а также известнейшим коллекционером породистых скакунов и гоночных яхт, который запросто обедал с сенаторами. Теперь же бедняга совершенно беспомощен.

— Мы можем говорить при нем? — вполголоса спрашиваю я.

— Сейчас он в отключке, — успокаивает меня Патрик — сын магната и старший брат Джейсона. Это типичный бизнесмен «новой формации», предпочитающий традиционным деловым костюмам джинсовые жилетки, рубашки-поло и мешковатые брюки цвета хаки. Довольно симпатичный, если вам по душе так называемый «мальчишеский шарм», хотя, на мой взгляд, слишком мягкотелый.

— Но он вменяем? — уточняю я. — По крайней мере, когда приходит в сознание?

Патрик небрежно машет рукой, словно отгоняя настырную муху:

— Более-менее. К тому же, я договорился с врачом. Если понадобится, он подтвердит что угодно. Но времени осталось совсем мало. Максимум — месяц-полтора. Так что эти снимки мне нужны позарез.

— У меня есть несколько, где они прогуливаются, пьют кофе... —жимаю я плечами.

— Это все не то! — решительно мотает головой Патрик. — Желательно, чтобы они целовались, или хотя бы держались за руки. Понимаешь, мой папаша — «старой закваски», ярый ревнитель христианских моральных устоев. Настоящий кремьень, другого такого еще поискать! Одного снимка хватит с лихвой, чтобы он раз и навсегда вычеркнул Джейсона из завещания.

— Задумал оттяпать себе самый большой кусок пирога?

— Почему бы и нет? — ухмыляется Патрик. — Мой милый братец путается с мужиками лет с шестнадцати, и все это время успешно пудрит папаше мозги. Так заслуживаю я большего куска или нет?

— Полностью согласен с тобой.

Патрик расцветает в ослепительной улыбке, словно красавец с плаката, рекламирующего зубную пасту.

— Вот и славно! И не забывай про надбавку за срочность. Пять штук сверх твоего обычного гонорара. Но мне требуется именно компромат, и как можно скорее.

— Ты его получишь. Поверь, я слов на ветер не бросаю.

Он еще не представляет, с кем связался!

По пути к лифтам пересекаю приемную для посетителей — просторный зал с мягкими стульями и пухлыми стопками старых журналов. Несмотря

на развешанные по стенам веселенькие пейзажи, здесь незримо витает дух уныния и безысходности.

Со своими миллионами старик Пауэлл давным-давно мог уехать на край света, чтобы хотя бы напоследок насладиться всеми прелестями жизни. Однако полновластный хозяин Сент-Джозефа и прилегающих окрестностей, даже стоя одной ногой в могиле, предпочитает держаться поближе к своей «кубышке».

В кресле сидит какая-то женщина, и Патрик, торопливо подойдя к ней, нежно целует ее в щеку, они начинают оживленно перешептываться. Увидев меня, он представляет нас друг другу: оказывается, это очередная жена его отца. Судя по крошечным морщинкам вокруг глаз, лет ей под сорок — больше ничто не выдает ее возраста. Высокая, стройная — в общем, Настоящая Блондинка из Американской Мечты, пришедшая в больницу навестить своего умирающего мужа, но при этом надевшая весьма откровенное платье, демонстрирующее ее прекрасный загар.

Отвернувшись, я замечаю самую младшую представительницу клана Пауэллов — Эшли, сидящую в дальнем конце приемной. Она в упор смотрит, как Патрик обхаживает неизвестно какую по счету миссис Пауэлл, и я отчетливо вижу — ее глаза буквально мечут молнии. Тут есть, о чем подумать...

Вызвав лифт, с облегчением расстаюсь с этим «счастливым семейством». Внизу меня дожидается «нова» с кассетой Джонни Кэша в магнитоле. Кроме того, в багажнике лежит сумка, набитая снаряжением для фотосъемки.

Как гласит поговорка, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Главное — было бы что показать, а уж кому, и что именно, решать мне. Вот такая я продажная шкура!

На следующий день слезка продолжается.

Поскольку «нова» уже «засвечена», я сижу во взятом напрокат «пontiаке», припаркованном неподалеку от искусственного озера. Машина белого цвета и столь же безликая, как кирпичная стена, — как раз то, что мне надо.

Вокруг озера пролегает бетонированная дорожка для любителей утренних пробежек. Джейсон с Роландом тут как тут — видать, парочка и впрямь старается поддерживать форму. Одолев пару миль в хорошем темпе, друзья останавливаются передохнуть в тени мескитового дерева. Судя по всему, Роланду чертовски мешает уродливая гипсовая накладка на носу, но это его проблемы.

Пока парни болтают, передавая друг другу бутылочку минералки, я достаю из сумки «Никон» с мощным телеобъективом, и, чтобы попрактико-

ваться, делаю несколько снимков. Именно в этот момент Джейсон совершает роковую ошибку — нежно проведя ладонью по щеке Роланда, быстро чокает его в губы.

Щелкнув затвором камеры, я бережно прячу ее в сумку и, заведя мотор, на полную мощь врубаю радио. Мне все равно, что играет — лишь бы погромче!

Кабинет Патрика производит солидное впечатление — огромный письменный стол красного дерева, мягкий свет лампы от Тиффани с темно-зеленым абажуром из резного стекла, делающий комнату похожей на авариум, плюшевые кресла, кожаный диван, едва уловимый аромат дорогих сигар...

Я выкладываю на стол пачку глянцевых фотографий.

Резко выпрямившись в кресле, Патрик коршуном набрасывается на «добычу».

— Черт возьми! — восторженно кудахчет он, увлеченно перебирая снимки, раскрывающие истинную суть его младшего братишки. — Ничего не скажешь, отличная работа!

Я скромно помалкиваю.

Наконец Патрик одобрительно кивает и, пошарив во внутреннем кармане спортивного пиджака, достает чековую книжку, однако прежде чем он успевает отвинтить колпачок золотого «паркера», я вскидываю руку.

— Мы же договаривались по телефону — все расчеты только наличными, и никак иначе.

— Я что, должен повсюду таскать с собой пять штук?

— Вообще-то, семь. Две — мой гонорар, пять — надбавка за срочность.

Патрик, набычившись и играя желваками, с прищуром пялится на меня, пытаюсь изобразить крутого парня, но получается это у него не слишком убедительно. Я разочарованно вздыхаю и начинаю собирать фотографии.

— Ладно, будь по-твоему, — недовольно бурчит он, выуживает из нижнего ящика пачку банкнот и, бросив ее на стол, откидывается на спинку кресла.

Сунув деньги в карман, направляюсь к двери, в то время как будущий наследник, глумливо хихикая, вновь принимается тасовать «колоду», выбирая самые «убойные» кадры. Пару секунд я позволяю ему насладиться триумфом, а затем поворачиваю назад, на ходу вытаскивая из бумажника еще одно фото:

— Да, чуть не забыл! Возможно, это тебя тоже заинтересует... — и небрежно кидаю его поверх остальных.

Патрик смотрит на него и бледнеет, как парус в море.

— Эт-то что такое?!

— Ты, причем в постели с женой своего отца. Или мне следует называть ее твоей мачехой? Похоже, в его отсутствие вам было чем заняться. Любопытно, что сказал бы по этому поводу старина Фрейд?

— Но как же так? — запинаясь, выдавливая он. — Этот снимок сделан в доме. Да еще в хозяйской спальне! Как тебе удалось пробраться внутрь? У нас отличная система сигнализации. И сторожевые собаки.

— Ты задаешь неверные вопросы. К примеру, почему ты не спрашиваешь, как отреагирует твой папаша, когда узнает, что ты беззастенчиво пользуешься его законную супругу? Думаешь, после этого твое имя останется в завещании?

— Подонок! Что тебе от меня нужно? — Злобная гримаса искажает мягкое мальчишеское лицо Патрика.

— Пятьдесят тысяч, — усмехаюсь я. — Естественно, наличными. Завтра, к полудню. Утром жди моего звонка.

Одарив Патрика ласковой улыбкой, неторопливо шагаю к выходу, однако притормаживаю, услышав, как у меня за спиной он затевает лихорадочную возню. Мне даже не требуется видеть его физиономию, чтобы по порывистому, с присвистом, дыханию понять — этот сопляк явно намеревается сморозить какую-то глупость. Повинуясь инстинкту, стремительно оборачиваюсь, совершаю прыжок, и вот я уже рядом с Патриком — во всяком случае, достаточно близко, чтобы разглядеть выступившие у него по лбу крупные капли пота.

Патрик застывает, словно каменное изваяние, правой рукой судорожно стискивая нечто, спрятанное в верхнем ящичке стола, глаза горят, губы сжаты в тонкую полоску...

— Не надо нервничать, — советую я, незаметно втягивая ладонь в рукав куртки, где на резинке подвешена пешня для колки льда в самодельных ножнах.

Он молчит, скрипя зубами, но его рука — та, что в ящичке стола — начинает мелко подергиваться.

— Не стоит этого делать, — продолжаю я, но Патрик меня не слушает.

Для бизнесмена он и впрямь проявляет чудеса ловкости, и пушка — небольшой короткоствольный револьвер — появляется, словно по волшебству. Наверное, специально практиковался долгими скучными вечерами у себя в кабинете, вновь и вновь выхватывая револьвер и целясь в воображаемых «плохих парней». Окажись он на долю секунды проворнее, все могло бы кончиться иначе.

Одной рукой я блокирую его запястье, чтобы он не смог взять меня на мушку, а другой, вскинув заточенное лезвие, наношу резкий удар. Хрясь! Патрик, выпучив глаза, издает пронзительный вопль и роняет револьвер, а его левая рука намертво прищиплена к столешнице.

Обогнув стол, я подбираю револьвер и сую его себе за пояс — еще не хватало схлопотать пулю в спину от этого недоноска!

Патрик с ужасом наблюдает, как под его ладонью медленно расплывается кровавое пятно.

— Не распускай нюни, ты же — мужик! Зажмурься, да покрепче. Зрелище будет не из приятных.

Стоит мне мощным рывком выдернуть пешню, как он тотчас оседает в кресле, тихо постанывая и баюкая раненую руку.

— Это был несчастный случай, — подсказываю я, сталкивая на пол лампу от Тиффани. Абажур разлетается на тысячу кусочков. — Ты порезался об осколок стекла. Надо быть более осмотрительным.

— А как насчет этого фото? — хрипит он, кивая на снимок, который нельзя охарактеризовать иначе, как «жесткое порно». Его голос дрожит, как у нашкодившего мальчишки в ожидании родительской порки.

— Можешь оставить его себе, — пожимаю я плечами. — Все равно негативы — у меня.

Близится полночь, поэтому в зале для посетителей горит только несколько плафонов, тусклый свет которых поневоле заставляет задуматься о бренности всего сущего. Дабы отвлечься от мрачных мыслей, сажусь у окна и наблюдаю, как за грязным стеклом проплывают черные облака.

И терпеливо жду.

Не проходит и часа, как появляется Эшли Пауэлл и плюхается на соседний стул, с чавканьем перемалывая своими острыми зубками жевательную резинку. Ее длинные темные волосы стянуты в тугую «конский хвост», а из-под мини-юбки торчат стройные загорелые ноги.

— Привет, детка. Как дела?

Вместо ответа Эшли выдувает огромный розовый пузырь жвачки и, когда он с треском лопается, тихо спрашивает:

— Я не перепутала комбинацию? Кодовый замок сработал?

— Как швейцарские часы.

— Стало быть, ты уже показал ему фотки? Ну, и как, он сломался?

— Честно говоря, не сразу. Твой брат — очень упрямый человек.

— Сводный брат, — поправляет она и требовательно протягивает руку.

Я вручаю ей конверт из плотной бумаги, набитый снимками, на которых запечатлены Джей и Пэт, азартно предающиеся всевозможным грехам

и порокам — правда, каждый на свой манер, — и Эшли принимается с живым интересом просматривать толстую пачку, изумленно покачивая время от времени головой.

— Не показывай их отцу до завтрашнего вечера, — предупреждаю я. — Пока не раскошелится Патрик.

Она кивает, не сводя глаз с фотографий:

— Напомни, сколько я тебе должна?

— Пятьдесят тысяч.

— Через месяц мне стукнет восемнадцать, и тогда я смогу расплатиться с тобой из своей доли наследства. Которая — можешь мне поверить — подскочит до небес после того, как папа полюбуется на все это безобразие.

— Только через месяц? Это долго. Чем я буду заниматься весь этот месяц?

— Что-нибудь придумаем, — многозначительно подмигивая, обещает Эшли, кладя ладошку на мое бедро.

Спору нет — порой грешить и в самом деле приятно. Но что касается столь же беспринципной, как и я сам, девицы, запросто способной пригрозить тебе обвинением в соращении несовершеннолетней, — не дождетесь! □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

Татьяна Харламова

ПРИМИ

При больничном храме Первой градской больницы в 1992 году было создано Свято-Димитриевское сестричество, и уже в течение двадцати лет его сестры работают в отделениях Первой градской, в институте имени Склифосовского, в детском интернате №11, в Морозовской больнице в качестве медсестер, санитарок, сестер по уходу. В среднем, под их опекой ежедневно находится около 55 человек, большинство из которых — лежачие больные. А год назад в Москве появилась уже целая ассоциация сестричеств. Но так как Свято-Димитриевское было первым, мы и решили рассказать именно о нем

МОЮ

БОЛЬ

Цель создания сестричества, по словам главной сестры Татьяны Филипповой, — возрождение того, что было утрачено за советский период, то есть, службы милосердия. Можно умело раздать таблетки, сделать инъекцию, заменить больному бе-

лье, но при этом не быть сестрой милосердия. Ведь она должна помогать не только физически, но и морально. Утешить, пробудить душу, окружить больного вниманием и любовью.

Все это когда-то было. Вспомним начало XX века. Образованные

красавицы-дворянки закрывали лбы белыми косынками, с вышитыми на них алыми крестами, и шли в госпитали, приюты, богадельни. Это в лучших традициях российского общества, русской интеллигенции, всегда отличавшейся духовностью и сострадательностью.

Тем более, замечательно, что сегодня традиции возрождаются. И пример этому — Свято-Димитриевское сестричество...

...Больничный коридор — сверкающе-белый, тревожный. Запах

лекарств и яблок. У девушек, сестер милосердия, карманы белых халатов всегда набиты яблоками, мандаринами и конфетами.

Раиса Цацурина пришла в Свято-Димитриевское сестричество одной из первых, и здесь, по ее словам, обрела истину. По профессии она была математиком-программистом. Муж — физик. Супруги часто спорили о смысле жизни и бесконечности. Для Раисы земная жизнь всегда была лишь частью вечности. Несколько лет назад ее не стало, Раиса

Справа:

*Главная сестра сестричества —
Татьяна Павловна Филиппова*

трагически погибла... Но ее рассказ о жизни и смерти, о боли, о том, как она обретала истину, сохранился в моем блокноте и в моей душе...

«Когда идем в палаты, где лежат бабульки, обязательно конфеты захватываем, — рассказывала она. — Вроде бы совсем старенькие и плохо уже соображают, но конфетки любят. И как-то сразу успокаиваются, умиротворяются.

...Мы долго мучились с Еленой. Но что наши муки по сравнению с ее? Пережила онкологическую операцию, потом инсульт, близких родственников нет. Озлобилась на весь свет: лежит и ругается по всякому поводу и без повода. Долго ухаживала за ней самая молоденькая из сестер — Катюша. И так, и эдак угождать пыталась. Переворачивает, моет ее, совсем беспомощную, а та вдруг матом в упор: такая-сякая, уйди отсюда!.. Долго терпела Катя, губы закусит и молчит, старается

еще больше ей угодить, а у самой слезы на глазах. За что она ее так? Однажды, после очередной брани, не выдержала, убежала.

— Не могу больше, ни за что туда не пойду, — рыдалась.

Мы ее долго успокаивали, уговаривали. Решили все вместе пойти к Елене.

Купили печенья, конфет. Поставили самовар. Та, как увидела Катю, расплакалась. Оказывается, проклинала свой характер, боялась, что Катюша не вернется, а она к девушке так привязалась! Попросила у Кати прощения, и они помирились. Катя осталась: и в палате, и в сестричестве. Это был ее первый порог на пути к истине.

Не все так просто, — размышляла Раиса Аскарловна. — Милосердию тоже надо учиться. Вроде бы и делаешь все от души, стараешься, а иной раз отзыв получаешь обратный. Помню, когда только начинала, при-

*Справа:
Мишель
Обама
в Свято-
Димитриев-
ском сестри-
честве сестер
милосердия*

везли молодого мужчину с тяжелой онкологией. Я ему судно подаю, а у самой на лице столько сострадания, что он как-то вдруг востепенелся, приподнялся, пытаюсь доказать, что не такой уж и беспомощный, что ему не больно, и чуть сознание не потерял. Я испугалась, поняла: сделала что-то не так. Это был урок. У милосердия должно быть простое, ненавязчивое, незаметное лицо».

...Икона «Господь умывает ноги ученикам» стала символом Свято-Димитриевского сестричества при Первой градской больнице. Здесь своя жизнь, может быть, непонятная и странная на «светский» взгляд.

Наверху маленькое общежитие — для сестер, выбравших уединенный образ жизни, и для тех, кому просто негде жить. В тесноте, но не в обиде. Здесь легко дышится, потому что особая атмосфера: все очень до-

брожелательны, дружелюбны и ответственны. Перед Богом и перед людьми.

Мы больше привыкли к слову «братство», которое символизирует дружбу, невозможность предательства и готовность служить друг другу. А это — «сестричество». Такое же высокое и сердечное по духу слово.

Сейчас в сестричестве более ста человек. Они ухаживают за больными, занимаются с детьми-сиротами в детских домах и интернатах, ведут уроки и кружки в воскресных школах. Открыли православный приют, где живут брошенные родителями дети.

Есть и лицензия о патронажной службе. Девушки ходят по домам: оказывают доврачебную помощь, помогают тяжелобольным по хозяйству.

А главное — при сестричестве создано медицинское училище. Двад-

цать лет назад отзвучали первые напутствия, и выпуск Свято-Димитриевского училища медицинских сестер приступил к служению больным. Выпускницы подготовлены к ежедневному подвижничеству, совмещают обязанности и сестер, и санитарок.

В последнее время у сестричества сложились деловые отношения с центрами социального обслуживания административных округов, которые направляют на патронажные курсы своих социальных работников. Те возвращаются на рабочие места, не только научившись профессии, но и основам милосердия. А это очень важно.

Конечно, только силами патронажной службы, как бы ни старались сестры милосердия, невозможно решить все наболевшие социальные проблемы в обществе. Очень много людей в наше время оказались на

обочине, без средств существования. Это, прежде всего, старики, беспризорные дети и тяжело больные люди.

Известный священник Аркадий Шатов, духовник училища и сестричества, председатель Комиссии по церковно-социальной деятельности при Епархиальном совете, возведенный в сан епископа патриархом Кириллом, говорит об этом так:

— Социальная деятельность никогда не была для церкви самоцелью. Наша цель — не устроить земной рай, а накормить всех голодных и одеть всех нищих. Эта деятельность — выражение сострадания и любви к ближнему. В зависимости от профессии, обстоятельств, места работы, каждый может принять в этом участие. Многие в свободное время и бесплатно работают добровольцами там, где чувствуют, что нужна по-

мощь, — кто-то помогает бездомным, кто-то — тяжелобольным.

В самом сестричестве тоже все очень не просто. Статус не определен — это не монастырь и не мирская организация. Здесь все основано на вере в Бога и доброй воле.

КАЖДОМУ ПРИХОДУ — ПО БОЛЬНИЦЕ

Растут в городе белые островки добра и милосердия, где всегда могут найти хотя бы элементарную поддержку страждущие.

Еще один из таких «островков» — группа милосердия «Преображение» при храме преображения Господня в Тушино (духовник — иерей Максим Запальский). 130 сестер ухаживают за ветеранами труда в пансионате №9, за пациентами городской тушинской больницы №7, военного госпиталя.

Сестричество во имя Святого Игнатия Ставропольского при храме Сошествия Духа Святого на Лазаревском кладбище (духовник батюшка Сергей Рыбко). Сестры ведут издательско-пропагандистскую деятельность, занятия в воскресной школе, помогают тяжелобольным и многодетным семьям. Таких сестричеств становится все больше и больше.

Позиция Российской православной церкви — каждому приходу по больнице. При каждой крупной больнице есть свой храм, который никогда не пустует. Здесь в любой момент можно обратиться за духовной помощью к священнику. На-

стоящая искренняя молитва помогает в любой болезни — это уже доказано учеными-физиками...

Святейший Патриарх Москвы и Всея Руси Кирилл посетил Центр социальной реабилитации «Филимонки» в Ленинском районе Подмосковья.

Он встретился с тяжело больными пациентами и персоналом и постарался донести свои слова до каждой души. Хорошо бы прислушаться к ним всем — и здоровым, и больным.

«Жизнь включает в себя добро и зло, справедливость и беззаконие, жалость и черствость. Когда нам показывают веселую жизнь по телевизору или в глянцевых журналах, то ведь это не жизнь. Жизнь такой не бывает. Жизнь включает в себя человеческое страдание и горе. И любой человек, каким бы он ни был сильным, богатым, благополучным, может в одночасье стать бедным, одиноким, больным и несчастным.

Может быть, вы слышали о книге Иова — это часть Библии, часть Ветхого Завета. Был один богатый человек и в одночасье лишился всего, дьявол искушал его, но Иов не отрекся от Бога, и Господь ему все вернул. Вот и вы проходите через страдания Иова, и дай бог, чтобы у вас в жизни все восстановилось. Пожалуйста, не теряйте надежды. А надежду можно сохранить, когда есть вера...

Обращайтесь к Богу с молитвой даже в самом отчаянном положении. И если ваша вера сильна, он услышит вас...» □

«*Есть прелесть
тайная
в созвучьи
тихих слов...»*»

Рабочий день заканчивался, и старинный особняк в центре Москвы, где располагался Союз писателей СССР, готовился к ночи. Это было самое благодатное время для древнего, угасающего памятника старины, некогда принадлежащего князю Голицыну, поскольку после полуночи здесь оживали тени великих старцев, а по длинным скрипучим лестницам и коридорам, как утверждали ночные сторожа, бродили привидения в длинных развевающихся балахонах.

Я уже собрался уходить домой, как вдруг дверь моего кабинета распахнулась, и на пороге появился мой старый приятель Юван Рыыхеу — известный чухумский прозаик, чьи книги были посвящены описанию нелегкой жизни маленького народа,

затерянного в снежных просторах Крайнего Севера. В его узких черных глазах светилась неподдельная радость.

— Аухау! — весело прокричал я единственное известное мне слово на языке чухумов, означающее приветствие. — Я рад видеть славного представителя маленького, но гордого северного народа чухумов!

— Не надо много шума, — сказал знаменитый писатель, улыбаясь. — Чухумы любят тишину.

Он положил на стол маленькую книжечку в ярком оранжевом переплете. На обложке красовались островерхие яранги, возле которых, греясь у костров, восседали чухумы в теплых куртках из оленьих шкур и сосредоточенно вглядывались в пляшущее на ветру пламя.

— Новая книга моих рассказов, — с гордостью сказал Рыыхеу. — Надеюсь, что ты, как мой старый друг, напишешь пару строк о моей книге в какой-нибудь московский журнал.

— Нет вопросов, — заверил я. — Ты же знаешь, что я высоко ценю твою прозу. Она ни в чем не уступает Джеку Лондону, а кое в чем даже превосходит твоего знаменитого предшественника.

Я не лгал. Проза Рыыхеу была лишена всякой романтики, ничего не приукрашивала и адекватно отражала суровый быт древнего северного народа. Она была лаконична, орнаментальна, очень скупа и сдержанна в описании чувств и переживаний автора.

Я достал початую бутылку коньяка, две хрустальных рюмочки, и мы предались воспоминаниям. Мне посчастливилось побывать на родине Рыыхеу в составе писательской делегации Москвы. Я ночевал в настоящих северных чумах, охотился в тундре на волка, управлял легендарной собачьей упряжкой. Нам было что вспомнить.

Самым ярким, хотя и не самым приятным эпизодом была ловля рыбы в бурных водах незамерзающей северной речки. Поймав крупного серебристого тайменя, Рыыхеу вонзил зубы в трепещущее тело рыбы и на глазах изумленных московских писателей стал жадно рвать куски мяса из живой плоти бьющегося существа. Я содрогнулся при виде этой картины, но мы понимали, что у чухумов свои законы, проверенные столетиями борьбы за выживание.

— А что, Юван, у чухумов до сих пор нет своей письменности? — спросил я, чтобы перевести разговор в профессиональное русло. — Я слышал, что в ваших краях работает большая группа академиков — специалистов по языкам малых народов.

Узкие глаза чухума сузились до такой степени, что он показался мне спящим. Я понял, что задел самую болезную тему для писателя маленького народа.

— Я вхожу в комиссию от Академии наук СССР, которая занимается разработкой нашего алфавита, — сухо ответил он, и в его голосе зазвучали обидчивые нотки. — Полагаю, что через два-три года дети в наших школах будут писать на родном языке.

— Ну, дай бог! Твое имя навсегда войдет в историю чухумского народа. Я буду гордиться тем, что лично пил коньяк с создателем новой письменности.

Рыыхеу явно смягчился. Глаза его слегка расширились, и я впервые определил для себя их цвет — он напоминал вечный полумрак, царивший внутри северных чумов.

— А вот скажи мне, Егор, разве наш чухумский язык беднее вашего, русского?

Я опешил от такой наглости. Никогда не страдал приступами великорусского шовинизма, но всегда полагал, что язык Толстого и Достоевского побогаче языка чухумов, у которых еще не было письменности.

— Вот конкретный пример, — начал Юван. — В русском языке для обозначения посадки существует один общий глагол для разных предметов. Человек садится, самолет садится, птица садится. А в нашем языке: человек — хуумаа, самолет — турума, птица — чухнаа. Как видишь, все глаголы разные. Вот ты ответь, сколько в вашем языке слов для обозначения зимней непогоды? Не напрягайся, я помогу тебе: метель, поземка, вьюга, пурга, буран. Вот практически и все. Всего пять слов. А вот, сколько у нас. Считай.

Я начал загибать пальцы.

— Ава ума — это снег толщиной в птичью лапку. Асма ама — снег в лапу песца. Авакча суум — снег в лисью лапу. Ава ала — снег в медвежью лапу. Ача укла — снег в четверть охотничьего шеста. Ача сема — снег в половину охотничьего шеста. Ача вета — снег высотой в ярангу. Ача леа лоо — снег мягкий, как мех песца. Ача лам ана — снег твердый, как копыто оленя. Ача муна — снег первой четверти луны. Ача суум — снег второй четверти луны. Ача куум — снег третьей четверти луны. Ача шума — снег полной луны. Анун — мокрые снега, идущие

с севера при незамерзшем море. Алчун — сухие снега, идущие с севера при замерзшем море. Лээ саа — снег для охоты на нерпу. Лоо тума — снег для рыбной охоты. Сэу суюн — снег для охоты на волка. Слу сун — мягкий снег для выгона оленей на пастбище. Уамаа, куумаа, сумиа, дуваа, камваа — это метель, поземка, вьюга, пурга, буран. Сколько получилось?

— Двадцать четыре слова.

— Вот видишь, — с гордостью произнес он, — насколько язык чухумов богаче вашего русского.

Я задумался, не зная, что противопоставить славному сыну маленького народа, не имеющему своей письменности. Потом меня неожиданно осенило:

— Скажи, друг, а сколько у вас слов для обозначения интимной связи с женщиной?

— В нашем языке это называется — чузулыс.

— Так. А еще?

— Что — «еще»?

— Ну, какие еще слова существуют в вашем богатом языке для обозначения этой деликатной ситуации?

— Чузулыс. Других слов на эту щекотливую тему в чухумском языке нет. Нам вполне хватает этого слова.

— Ну, что ж, тогда позвольте, сэр, слегка расширить ваши познания в этой загадочной сфере.

Я достал из ящика рабочего стола свою записную книжку и отыскал страничку под названием: «Интим». Сюда я записывал любопытные фразеологические выражения, идиомы, жаргонные словечки, молодежный сленг, диалектизмы, связанные с такой деликатной темой, как интимные отношения между мужчиной и женщиной.

— Итак, загибай пальцы.

Юван приготовился считать, вытянув вперед раскрытую ладонь, наивно полагая, что ему для счета хватит пальцев одной руки.

— В русском «небогатом» языке, — начал я свою «бессмертную» речь, — для обозначения самого восхитительного процесса, дарованного нам Богом, существуют такие слова: вкусить запретный плод, совершить первородный грех, предаться плотским утехам, познать сладость эдемского греха, вступить в интимные отношения, в половую связь, в половой контакт, в половую близость, совратить, соблазнить, овладеть, заняться любовью, слиться в экстазе, переспать, согрешить, заняться сексом, склонить к сожителству, совершить грехопадение, совершить соитие, прелюбодействовать, уломать, утешить, умаслить, удовлетворить, из-

насиловать, лишить девственности, дефлорировать, оформить, обесчестить, лишить невинности.

Я посмотрел на бывшего каюра с явным любопытством постигающего лексический слой русского языка, в котором реализуется одно из главных устремлений мужчины — любовь к женщине и желание обладать ею, и спросил:

— Сколько получилось?

— Тридцать! — выдохнул Юван, явно ошеломленный таким количеством слов на одну-единственную тему.

— Это чисто литературная лексика, — продолжал я. — Она отдает преснятиной и лишена остроты, меткости и соли, присущих народному восприятию жизни. Мы переходим к другому лексическому слою — к тем выражениям, которые находятся в «серой» зоне русского языка, то есть используются лишь в разговорной речи и не допускаются в большую литературу. Однако эти выражения имеют широкое хождение в массах и отражают поистине раблезианский размах русского человека в «сладких таинствах любви», как сказал великий Пушкин, а также демонстрируют неутолимую страсть русского народа к словотворчеству. Загибай пальцы дальше.

Я начал перечислять:

— Трахнуть, впиндюрить, вмантулить, перепихнуться, раскупорить, сломать целку, шпокнуть, отдрать, огулять, обрюхатить, совокупиться, половосноситься, поиметь, бросить под бедро, отутюжить, отдрючить, отканифолить, отбарабанить, отчухмарить, отмаламурить, фентифлюкнуть, унасекомить, уконтрапутить, потереться пупочками, кинуть палку, затупить шашку, вбросить сосиску в кислую капусту, загнать лысого в норку, влупить до самых красных помидор... Сколько получилось?

— Тридцать.

— Итого?

— Шестьдесят! — выдохнул Юван. Узкие глазки чуху-ма обнулились, в них читался почти мистический ужас.

— И что — все это для обозначения половой близости с женщиной?!!

— Представь себе, да, — ответил я, невольно почувствовав гордость за «великий и могучий». — Причем я привел только общеупотребительные выражения. А ведь еще есть громадный пласт выражений с ненормативной лексикой. Вот уж здесь-то русский народ порезвился!

Я раскрыл следующую страницу своей записной книжки с названием «Непечатное», где в течение многих лет фиксировал нецензурные выражения, связанные с половым актом и характерные для низших слоев общества — воров, уголовников, картежников, аферистов, проституток, любителей «клубнички», гомосексуалистов, сутенеров, альфонсов и прочей экзотической публики. В этих выражениях было куда больше соли, откровенной вульгарности и плотской извращенности. Девяносто пять процентов этих словосочетаний непереводаемы ни на один иностранный язык.

Для наглядности я процитировал Ювану парочку ядерных выражений из рубрики «Непечатное». Сделал это с одной целью — чтобы он по достоинству оценил красочность и необыкновенную образность русской народной речи, а затем пересчитал выражения, собранные в моей записной книжке под рубрикой «Непечатное». Их оказалось ровно шестьдесят.

— Итого — сто двадцать выражений, демонстрирующих углубленный интерес русского народа к потаенным сторонам такой загадочной сферы, как половая близость, — подытожил я свой экскурс в один из разделов русской лексикологии. — Вот так-то, брат. А ты говоришь: «человек сел, самолет сел...»

— Да-а-а, — протянул Юван, убитый наповал громадным количеством совершенно ненужных слов. — Я никогда не думал, что русские так сексуальны.

— Дело не в этом.

— А в чем же?

— Дело в образе жизни народа. У вас главное богатство — олени и снег, а у нас — женщины и любовь. В этом вся разница.

Юван сразу же почувствовал в подтексте моих слов некое противопоставление духовных приоритетов двух народов, хотя я даже и не помышлял о таком противостоянии, просто констатировал сам факт различия. Он поджал губы, сдерживая свое раздражение, и спросил с плохо скрытой иронией:

— И чье богатство предпочтительней? Ваше — русское или наше — чухумское? Полагаю, что русское?

Я понял, что своими словами невольно затронул самую болезненную тему для представителя маленького народа — чувство национального достоинства.

— Юван, чтобы ответить на этот вопрос, мне нужно знать твоё суждение о сущности наших богатств. Я спрашиваю тебя, чухумского писателя, представителя маленького северного народа: ты поменял бы наше русское национальное богатство — «женщина и любовь» на своё национальное богатство — «снег и олени»?

— Никогда! — горячо воскликнул Юван.

— Ну, вот ты сам и ответил на свой вопрос, чье богатство предпочтительней. Для каждого человека дороже всего те духовные ценности, которые сформированы твоим народом в процессе борьбы за выживание и утверждение своего достоинства. Тут наши взгляды полностью совпадают. Самое трудное — не просто любить свои национальные ценности, а уметь защитить их.

Судя по всему, мой ответ удовлетворил Ювана, и он решил пойти на некоторые уступки в сексуальной сфере.

— Ты знаешь, Егор, о чем я сейчас подумал? Нашему маленькому народу надо пройти ещё очень длинную и трудную дорогу, чтобы вот так раскованно и с такой покоряющей образностью говорить о той сфере отношений между мужчиной и женщиной, которая в нашем сегодняшнем обиходе является темой закрытой и даже неприличной. Как ты думаешь, я прав?

— Видишь ли, Юван, — не сразу ответил я, — тема, которую мы затронули, далеко не такая простая, как может показаться. Лет десять назад в нашу страну приезжала премьер-министр Израиля Голда Меир. Очень мудрая тетка. Кстати, она родилась в России. После встречи с руководством нашей страны она устроила пресс-конференцию. Мой старый знакомый — журналист из газеты «Известия» — спросил израильянку, пытаясь направить её мысли в нужное политическое русло: «Госпожа Меир, возможно ли построение коммунизма в Израиле?» И знаешь, что она ответила?

— Просвети.

— Она сказала: «Ну, зачем нашему маленькому народу такое большое счастье?»

Юван покатился со смеху, по достоинству оценив и чувство юмора знаменитой израильянки, и тонкий политический подтекст, содержащийся в её ответе.

— Вот и я, Юван, хочу спросить тебя: а надо ли твоему маленькому народу это «большое счастье» — сексуальная раскрепощенность? Вспомни, к чему привела высадка испанцев — носителей высокой европейской культуры — на восточном побережье Южной Америки? Коренные племена были уничтожены. А культурная экспансия завоевателей Северной Америки? Тот же результат. Индейцы — один из ярчайших пластов мировой цивилизации — полностью исчезли. Нет, Юван, я глубоко убежден: только сохраняя в чистоте свои традиции, свой национальный уклад, свой язык, свою неповторимую культуру, маленький народ способен отстоять свою национальную независимость и уберечь себя от смертоносных ветров мировой культурной революции. Говоря точнее, от глобализации мировой культуры — иезуитского изобретения американских политехнологов, пытающихся вытеснить культуру малых народов и подчинить ее единому американскому стандарту.

— Спасибо, дружище, за эти слова, — протянул мне руку Юван. — Они полностью отвечают моим представлениям. Я предлагаю тост за великий русский народ, который никогда не узурпировал культуру и быт нашего маленького народа и всячески способствовал сохранению наших древних традиций, нашего языка, наших поверий, нашего образа жизни.

Он произнес эти слова с такой степенью искренности, что на его глазах сверкнули слезы. Я понял, что нужно перейти к обсуждению более нейтральной темы:

— Скажи, Юван, что заставило тебя покинуть стерильно чистые северные края и приехать в вонючую Москву? Может быть, требуется какая-то помощь?

— Нет, помощь не требуется, — рассеянно ответил он. — Впрочем, есть вопрос, который я хотел бы обсудить с тобой. Скажи, правда, что у вас составляется список самых уважаемых писателей — вероятных кандидатов для захоронения на Новодевичьем кладбище?

Я почувствовал, как противный холодок пробежал у меня по спине, ведь рано или поздно эта мифическая очередь трансформируется в петлю на моей шее.

— Юван, а тебе-то что до этого? Ты что, собираешься ложиться на Новодевичье кладбище? А может, внести твою кандидатуру в список для захоронения у Кремлевской стены?

— Ну-у, уж нет! — воскликнул Юван. — Я собираюсь почивать, как и мои предки — в тундре. Просто хочется привнести элемент цивилизации в этот ритуал. Ты ведь знаешь, как у нас хоронят. Если дед или бабка стали немощными и не приносят никакой пользы в хозяйстве, их заворачива-

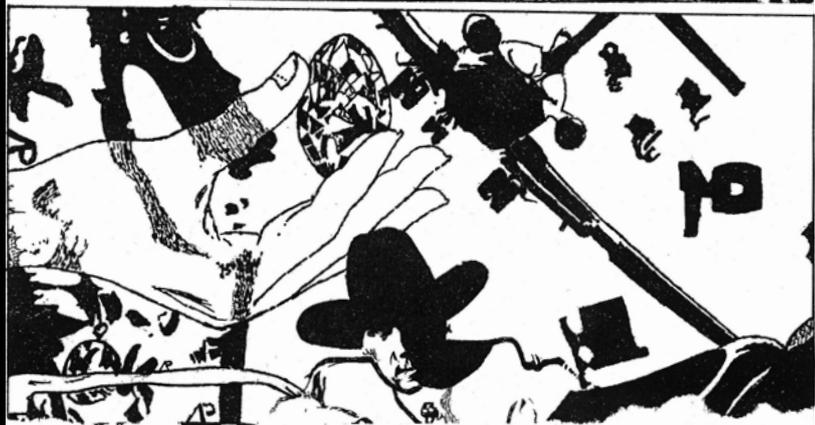
ют в шкуры, сажают, не привязывая, в сани и гонят собачью упряжку в тундру без каюра. Пробежав пару километров и почувствовав, что каюра нет, собаки резко разворачиваются и тело обреченного падает в снег. По моему, очень гуманно, как ты считаешь?

— Мне трудно судить, — ответил я уклончиво, вспомнив эпизод с поеданием тайменя вживую. — Ну, и как ты собираешься облагородить сей ритуал?

— Я подумал, что пора и нам быть цивилизованными и хоронить самых достойных людей в каком-то месте, которое станет чухумским пантеоном. Так сказать, увековечить память о тех, кто сделал что-то значительное для своего народа. Что ты думаешь по этому поводу?

— Полагаю, что ты на верном пути. Когда будешь составлять список на захоронение в тундре, не забудь меня. Ведь я писал тебе рекомендацию для вступления в Союз писателей СССР.

— Обязательно внесу, — улыбнулся он. — Но только после появления твоей рецензии на мою книгу в столичной прессе. □

ПУРПУРНЫЙ

ДЮМОНТ

Глава 1

В девять часов утра я вошел в квартиру Вэнса и, к своему глубокому изумлению, застал его уже полностью одетым для предстоящей поездки за город.

— Не удивляйтесь, Ван. Я еду в Дюмонт на выставку собак. Хочу вывести на ринг своего щенка шотландского терьера. Надеюсь вернуться к обеду, — пояснил Вэнс.

В душе я обрадовался возможности побыть одному, поскольку у меня скопилась масса незавершенных дел. Будучи управляющим финансовыми делами Вэнса, я все же недолюбливал рутинную работу и иной раз запускал ее, поэтому теперь был рад возможности привести дела в порядок.

Не успел Вэнс дойти до двери, как прозвенел звонок, и через несколько минут дворецкий Кэрри провел в гостиную мистера Джона Маркема, окружного прокурора графства Нью-Йорк.

— Что происходит, Вэнс? — удивился Маркем. — Вы уходите из дома в столь ранний час или только что пришли? — Лицо его выражало крайнюю озабоченность.

— Собираюсь на выставку собак. А вот с вами что стряслось?

— У меня неприятные новости, Вэнс. Все чертовски серьезно. Речь идет о похищении человека. Похитили мистера Каспара Кентинга. Я узнал о преступлении час назад. Сержант Хитт и его люди находятся сейчас в доме Кентинга на Западной 86-й стрит.

— Кентинг, Каспар Кентинг... Что-то знакомое... А, это так называемый «Пурпурный дом»...

— Кентинг исчез из своей спальни прошлой ночью, — нетерпеливо перебил Вэнса прокурор. — Окно открыто, снаружи приставлена лестница, к подоконнику прикреплена записка с требованием выкупа. Записка составлена из слов, вырезанных из газеты и наклеенных на бумагу.

— Как вы узнали об этом?

— Сегодня утром, когда я пришел в офис, меня уже ждал адвокат Кентингов мистер Элдридж Флил. Он является распорядителем капиталов старика, Карла Кентинга, и ему первому позвонила жена похищенного. Адвокат немедленно прибыл на место преступления, все осмотрел и тут же помчался ко мне. Между прочим, очень неплохой парень, этот Флил, и хороший адвокат. Мы оба были членами клуба юристов, и наши офисы находились в одном здании. Позже я перешел в окружную прокуратуру, а он продолжал адвокатскую практику. Так вот, выслушав Флила, я тут же сообщил обо всем сержанту Хитту, и они вместе с Флилом отправились в дом Кентинга. Я собирался подойти позже, но по дороге заскочил к вам, решив, что... Кстати, вы знаете молодого Каспара Кентинга?

— Немного, — ответил Вэнс. — Встречал его несколько раз, чаще всего — в казино да на бегах. Каспар Кентинг — азартный, но неудачливый игрок. В сущности, он ничего собой не представляет. Легкомысленный, легковесный ... типичный повеса и плейбой. Вечно на мели, но в долг ему

давать перестали. Бесперспективно. Не представляю, кто бы захотел платить за него выкуп. Впрочем, если честно, я не осуждаю его за то, что он стал прожигателем жизни. Его отец, Карл Кентинг, был человеком своеобразным, чтобы не сказать «с приветом». Он скопил огромное состояние и все оставил старшему сыну, Кеньону Кентингу. Тот, в свою очередь, должен был выдавать средства на нужды младшего брата, но мог и не выдавать, на свое усмотрение. Кеньон — образец благочестивости и добропорядочности. Кстати, мне совершенно непонятно, почему похитители избрали в качестве жертвы именно Каспара Кентинга. Семейство Кентингов давно уже не числится среди богачей, да и Каспар — не великая ценность... Между прочим, вам известен размер выкупа?

— Пятьдесят тысяч долларов. Вы сами сможете прочесть записку о выкупе, я просил ни к чему там не прикасаться до вашего приезда.

— Пятьдесят тысяч... — повторил Вэнс. — Сумма немалая. Что ж, поехали. А вы не желаете поехать с нами, Ван?

Несмотря на неотложные дела, я с удовольствием согласился. Мы сели в автомобиль окружного прокурора и через пятнадцать минут были на месте.

Глава 2

Сержант Эрнст Хитт из отдела расследования убийств ожидал нас в холле.

— Наверху ребята снимают отпечатки пальцев, — сообщил он, — а фотограф уже сделал снимки. Думаю, шеф, вам следует услышать всю историю из уст миссис Кентинг.

Осмотревшись, я заметил в гостиной троих обитателей дома. У окна стоял тучный мужчина, имевший вид преуспевающего дельца. Это и был Флил, адвокат семьи Кентингов. Рядом с ним — мужчина средних лет, худощавый, с изнуренным лицом. Флил представил его, как Кеньона Кентинга, брата похищенного. Адвокат натянуто улыбнулся и сказал учтивым, но сухим тоном:

— Позвольте, джентльмены, представить вам миссис Каспар Кентинг.

На софе, стоявшей в затемненном углу гостиной, сидела бледная, испуганная женщина. На первый взгляд, ей было лет тридцать, но, присмотревшись, я понял, что внешность ее столь специфична, что ошибиться в возрасте лет на десять можно как в большую, так и в меньшую сторону.

— С вашего позволения, джентльмены, — заговорил Вэнс, — я хотел бы просить миссис Кентинг ответить на несколько вопросов. Вы не возражае-

те, мадам? — Женщина молча кивнула, и он продолжил: — Скажите, пожалуйста, когда вы впервые узнали об исчезновении вашего супруга?

— Сегодня, рано утром. Думаю, часов в шесть. Солнце только встало.

— И как вы обнаружили его отсутствие?

— Всю ночь я плохо спала, а утром меня разбудили какие-то звуки из спальни мужа. Мы с ним занимаем две соседние спальни на втором этаже, и мне послышалось, что там что-то происходит. Я немного испугалась, потому что знаю, что по утрам мой муж обычно очень крепко спит. Встала, оделась, подошла к двери спальни и позвала его. Мне не ответили. Я позвала громче и постучалась. Ответа не было. Вдруг я поняла, что в его спальне очень тихо. Тогда я открыла дверь и вошла...

— Простите, миссис Кентинг, а какие именно звуки привлекли ваше внимание?

— Точно не помню... Как будто передвинули стул или уронили что-то... Или тихо открыли и закрыли дверь... Затрудняюсь сказать.

— Вам не показалось, что в комнате шла борьба? Что там было несколько человек?

— Думаю, нет. Мне показалось, что этот шум непреднамеренный, нечаянный, понимаете?

— Когда вы вошли в спальню мужа, там горел свет?

— Да, действительно, — оживилась она. — Свет горел... и люстра, и ночник у кровати...

— Вы не знаете, в котором часу мистер Кентинг прошел ночью в свою в спальню?

— В начале четвертого утра. Весь вечер его не было дома, а когда он пришел под утро, то разбудил меня, отпирая входную дверь. Я слышала, как он включал свет, затем довольно грубо говорил с кем-то по телефону. А потом я уснула.

— Вы знаете, где он проводил время и с кем?

— Знаю. Вчера в Джерси открывалось новое казино, и мужа пригласили на открытие. Его

друг, мистер Квэгги, заехал за ним около девяти вечера... Мистер Портер Квэгги весьма достойный и надежный джентльмен. Я ничего не имела против, что мой муж проводит иногда время в его обществе. Мистер Квэгги вчера был у нас, и они договорились поехать вместе на открытие нового казино.

— А где живет мистер Квэгги? — спросил Вэнс.

— В Ноттингеме, вблизи Сентрал-Парк ...

— Вы не знаете, — продолжал Вэнс, — когда ваш муж вернулся домой, мистер Квэгги был с ним или нет?

— Он вернулся один, я в этом уверена, — ответила женщина. — Я слышала, как он вошел, как поднимался по лестнице, как входил в спальню... он точно был один.

— Что вы сделали, обнаружив отсутствие мужа?

— Поначалу просто растерялась. Потом заметила, что боковое окно, выходящее на лужайку, открыто, а жалюзи не опущены. Это показалось мне странным, поскольку Каспар обычно опускал на ночь жалюзи, чтобы утром его не беспокоило солнце. Я подбежала к окну и выглянула наружу, так как подумала, что муж мог быть нетрезв и выпал из окна, но за окном увидела только прислоненную к стене лестницу, а потом заметила лист бумаги на подоконнике. Я сразу решила, что произошло нечто страшное. А когда немного пришла в себя от шока, то сразу позвонила мистеру Флилу и мистеру Кеньону, брату мужа. Слугам я не стала ничего говорить, потому что решила сначала посоветоваться с адвокатом семьи и своим деверем.

— Сколько слуг в вашем доме?

— Всего двое. Это наш дворецкий, Уим, и его жена Гертруда, кухарка и горничная.

— Где находятся их комнаты?

— На третьем этаже, в глубине дома.

Вэнс прошелся по комнате в раздумье и, повернувшись к миссис Кентинг, спросил:

— Вы или ваш муж не получали писем с угрозами?

Она встревожено взглянула на Кеньона Кентинга.

— Думаю, моя дорогая, вам нужно быть вполне откровенной с этими джентльменами, — ободряюще кивнул он.

— Несколько последних ночей, — тихо заговорила миссис Кентинг, — я слышала из своей спальни, как Каспар кому-то звонил и довольно резко и раздраженно разговаривал по телефону. Слов я разобрать не могла, но наутро замечала, что муж очень взволнован, настроение у него дурное, и весь он какой-то дерганый. Я пыталась выяснить причину его тревоги, но он уверял меня, что все в порядке, и что мне все это кажется. На вопрос

о телефонных разговорах он отвечал, что говорил со своим братом о делах...

— Что является чистым вымыслом, — деловито вставил Кеньон Кентинг. — Я никогда не вел ночных разговоров с братом о делах. Если была необходимость что-либо обсудить, брат приходил ко мне в офис, либо мы беседовали здесь, в доме. Впрочем, вряд ли эти разговоры ночью имеют отношение к похищению.

— Возможно, вы правы, — согласился Вэнс. — Явной связи с преступлением нет. — И обращаясь к женщине, спросил: — Вы не припомните, может быть, в последнее время имели место какие-либо странные, необычные случаи?

— Да, случай был, — энергично кивнула она. — Примерно неделю назад к Каспару явился какой-то неприятный тип, по виду — громила. Каспар провел его в гостиную, плотно закрыл дверь, и они довольно долго пробыли там. Я ушла к себе, но слышала, как незнакомец уходил. Выходя из дома, он грубо рявкнул: «Есть много способов добиться этого», и прозвучали эти слова с явной угрозой. Потом несколько дней спустя этот тип явился снова, но уже не один, а в обществе какого-то мрачного субъекта. Правда, видела я их мельком, Каспар снова быстро провел их в гостиную. Как они выглядели, я вряд ли смогу описать, но они произвели на меня впечатление людей опасных. Мне стало страшно. Наутро я спросила у Каспара о них, но он ответил уклончиво, сказав, что у него была деловая встреча, а поскольку я в делах ничего не смыслю, то мне незачем забивать голову всякой ерундой. Больше я ничего от него не добилась.

— Вряд ли все это имеет отношение к похищению, — холодно прокомментировал Кеньон Кентинг.

— Вы уверены в этом? — нахмурился Вэнс.

— Ну что вы, нет, конечно, — примирительно ответил тот. — Я просто хотел сказать, что вряд

ли те двое так запросто явились в дом, чтобы похитить хозяина. Да и вообще, у Каспара было много странных знакомых.

Вэнс молча выслушал собеседника и сказал:

— Думаю, пора подняться в спальню мистера Кентинга.

Присутствующие встали и направились к дверям.

Когда мы вышли в главный холл, я заметил, что дверь в маленькую комнату напротив приоткрыта. Поддавшись соблазну, заглянул внутрь и обнаружил там своеобразный музей в миниатюре: по стенам и по центру комнаты стояли застекленные стенды с экспонатами, и все это походило на камерную выставку, оформленную по правилам крупной, музейной.

Вэнс заметил мое любопытство, и, тоже заглянув внутрь, воскликнул:

— О! Коллекция самоцветов! Позвольте рассмотреть поближе? — обратился он к миссис Кентинг. — Я и сам не чужд коллекционирования, причем, одно время увлекался именно самоцветами.

— Ну, разумеется, если вам интересно, — ответила миссис Кентинг.

— И чья же это коллекция? Вашего мужа? — спросил Вэнс, проходя внутрь.

— Нет, что вы! Это коллекция мистера Кентинга-старшего. Она уже была здесь, когда я переехала в этот дом. Коллекция — часть оставленного им состояния, как это правильно сказать, «свободного от долгов и завещательных отказов», кажется...

Флил утвердительно кивнул, подтверждая ее слова.

Вэнс, к раздражению Маркема, стал неспешно осматривать витрины, предложив мне присоединиться к нему. Под стеклами витрин оказались аккуратно разложены различные по форме и размерам образцы камней: аквамарина, топаза, шпинели, турмалина, аметиста, александрита, бирюзы, жадеита и каких-то еще, мне незнакомых. Некоторые самоцветы были красиво огранены и отшлифованы. Я был поражен находждением такой коллекции в частных руках и предположил, что стоимость ее огромна. Однако Вэнс, словно прочитав мои мысли, тихо заговорил:

— Удивительно, до чего бестолковая коллекция! Здесь вообще нет ценных экземпляров, кроме одного. Впечатление, что все это собирал ученик. Многие камни, которым здесь место по праву, вообще отсутствуют. Наверное, старый Кентинг был просто любителем в этом вопросе ... Тем не менее, коллекция весьма любопытна.

— Собираение самоцветов было одним из хобби моего отца, — прокомментировал Кеньон Кентинг.

— А, понимаю, — кивнул Вэнс. — Очень необычная коллекция, хотя недостаточно представительная. Ваш отец разбирался в самоцветах, мистер Кентинг?

— Да, именно так. Он многие годы изучал минералогию и очень гордился своей коллекцией, а комнату называл «комната самоцветов», — произнеся это, Кентинг бросил на Вэнса странный, внимательный взгляд, и процессия, возглавляемая миссис Кентинг, направилась из «комнаты самоцветов» вверх по лестнице на второй этаж.

Глава 3

Когда мы вошли в спальню Кентинга, работавшие там детективы уже собирались уходить. Один из них, обращаясь к сержанту Хитту, заметил:

— Не думаю, что вам удастся здесь что-либо раскопать, сержант. Обычные следы и отпечатки, каких тьма тьмуца в любой спальне. Все они совпадают с отпечатками на туалетных принадлежностях и зеркале в ванной комнате и принадлежат исчезнувшему хозяину. Так что зацепиться, увы, не за что.

— А на подоконнике?— с надеждой спросил сержант.

— Ничего существенного, — ответил детектив, — я все тщательно осмотрел. Если даже через окно кто-то вылезал и брался за подоконник, то потом они либо все тщательно вытерли, либо были в перчатках. Правда, есть какие-то странные отпечатки, вызвавшие у меня подозрение, мы их проявим и увеличим, а потом сверим с картотекой. Результат я доложу немедленно.

— Вам следует тщательно осмотреть лестницу, — обратился сержант к детективу.

— Хорошо, сержант. — Детектив взял свой черный чемоданчик и направился к лестнице в сопровождении напарника.

Спальня Каспара Кентинга выглядела несколько старомодной: кровать красного дерева,

комод возле двери, над ним — зеркало, на полу — ковер, несколько мягких кресел, в углу — письменный стол с телефонным аппаратом явно устаревшей модели.

В спальне было два окна: одно — на фасадной стене, выходившее на 86-ю стрит, и второе — на восточной стене дома, к которому, как я догадался, и подбежала напуганная миссис Кентинг. Это окно было широко раскрыто, жалюзи туго собраны наверху, ставней видно не было. В глубине спальни, справа от кровати, — распахнутая настежь дверь, за которой виднелась вторая спальня, точная копия этой, очевидно, спальня миссис Кентинг. Тускло светили лампочки старомодной хрустальной люстры на потолке и светильника на стене у изголовья кровати.

Внимательно изучив обстановку, Вэнс обратился к миссис Кентинг:

— Скажите, когда вы вошли сюда утром, дверь в холл была заперта на ключ или закрыта на щеколду?

— Я... Точно не помню... Кажется, она не была заперта на ключ. Я ведь выходила через нее и не припомню, чтобы ее отпирала... — неуверенно проговорила миссис Кентинг.

Тем временем сержант Хитт достал из кармана складной ножик, подойдя к окну, отковырнул кнопку, которой был приколот к подоконнику какой-то помятый листок бумаги, и передал его Маркему. Окружной прокурор стал читать записку, а я заглянул через его плечо и обнаружил, что это был стандартный лист для пишущей машинки. Края неровно обрезаны, а на самом листе приклеены слова, составленные из букв разных шрифтов, явно вырезанных из газет: « ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПОЛУЧИТЬ ЕГО НАЗАД ЦЕЛЫМ, ЦЕНА 50 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ, ИНАЧЕ ЕМУ — СМЕРТЬ. ГДЕ И КОГДА ОСТАВИТЬ ДЕНЬГИ — СООБЩИМ ПОЗЖЕ».

Внизу послания красовался символ из двух перекрещивающихся неровных квадратов, нарисованных черными чернилами.

Маркем передал записку Вэнсу, тот внимательно прочитал зловещее послание и, нахмурившись, произнес:

— То, что находится внизу под текстом, нарисовано китайской кисточкой и тушью... А что касается самих квадратов... Такие же квадратные отверстия я видел на китайских монетах. Впрочем, это ничего не объясняет, хотя сей факт стоит запомнить. Давайте покопаемся еще немного. — Он направился к комоду, но, машинально взглянув на себя в зеркало, неожиданно спросил: — Простите, миссис Кентинг, а ваш супруг не был лысым?

— Нет, с чего вы взяли?

— Просто все туалетные принадлежности, кроме расчески, налицо... Между прочим, зубная щетка на месте?

— Сейчас посмотрю. — Миссис Кентинг прошла в ванную и, вернувшись через минуту, удивленно проговорила: — Вы знаете, щетки там нет. Я все внимательно просмотрела...

— Ясно. Тогда вопрос: как был одет ваш муж, когда отправлялся в казино со своим другом?

— Естественно, в смокинг.

— Давайте посмотрим. — Вэнс заглянул в платяной шкаф: — Смокинг висит здесь, миссис Кентинг. Вечерние туфли к смокингу тоже здесь, и подошвы у них мокрые, что не удивительно, поскольку вчера ночью был сильный дождь... Итак, миссис Кентинг, хорошо ли вы знаете гардероб вашего супруга?

— Разумеется, — с обидой в голосе ответила женщина. — Я всегда помогаю ему подбирать ткань для костюмов.

— Тогда прошу внимательно все осмотреть и сказать, не пропало ли что из вещей.

Миссис Кентинг послушно подошла к шкафу и начала перебирать вещи.

— Пропал его костюм, в котором он обычно отправлялся на уик-энд, и довольно тяжелые туристические ботинки, желто-коричневые, как раз к этому костюму, — сказала она.

Вэнс снова подошел к платяному шкафу, некоторое время покопался в нем, затем, перейдя к окну и держа двумя пальцами какой-то сверкающий камень, начал рассматривать его на свет.

— Фальшивый рубин, — наконец заключил он. — Простой шпинель, их часто путают. Как экземпляр для полноты коллекции необходим, но ценности — никакой. Между прочим, миссис Кентинг, я нашел его в боковом кармане смокинга, уж простите мои детективные наклонности. — Вэнс еще раз взглянул на камень и, положив его в карман жилета, спросил: — Позвольте узнать, какую пижаму носит ваш муж?

— Из чесучи. Я как раз подарила ему новую летнюю пижаму на день рождения.— Миссис

Кентинг взглянула на кровать, и брови ее удивленно взметнулись вверх: — Она пропала! Постель заправлена, стакан сока стоит на столике нетронутый, тапочки на месте, а пижамы нет... Я ведь сама положила ее на кровать, как обычно...

— Простите, а можно эту летнюю пижаму сложить так, чтобы она поместилась в карман?

— На что вы намекаете? — со слезами в голосе спросила миссис Кентинг.

— Решительно, ни на что. Просто обдумываю ситуацию. Пока мне многое непонятно...

— Кажется, я догадываюсь, на что вы намекаете, — заговорил Маркем, все это время молча стоявший у двери, — однако мой вывод таков: мы имеем дело с вежливыми преступниками. Проникнув в дом и захватив мистера Кентинга, они позволили ему одеться соответственно и захватить с собой самые необходимые вещи.

— Возможно, вы и правы, Маркем. Может быть, мистер Кентинг сам организовал это похищение. Тем не менее, выводы делать рано.

Разговор был прерван появлением в дверях болезненного вида коротышки средних лет. Он был в очках с толстыми стеклами, а бесцветные длинные пряди волос на голове тщательно уложены с явной целью прикрытия обширной лысины.

— В чем дело, Уим? — спросила миссис Кентинг.

— Там, внизу, офицер полиции, мэм, — ответил дворецкий. — Он хочет переговорить с сержантом Хиттом. Его зовут Маклоклан, мэм.

— Немедленно проведите его сюда! Офицер Маклоклан дежурил прошлой ночью на этом участке, и я просил Управление полиции прислать его сюда сразу же, как только его найдут, — взволнованно произнес Хитт.

— Одну минуту, мистер Уим, — остановил дворецкого Вэнс. — Насколько я понимаю, вы служите дворецким в этом доме, а ваша супруга — горничной?

— Да, сэр, это так.

— Скажите, пожалуйста, когда вы с женой легли спать прошлой ночью?

— Около одиннадцати часов, сэр, — подумав, ответил Уим. — Мистер Кентинг ушел, а миссис Кентинг сказала, что после десяти вечера я ей не понадобится.

— Вы живете на третьем этаже дома, насколько я знаю. Удалившись на ночь в свою комнату, не слышали ли вы, или ваша жена, чего-либо странного, какие-то шумы, звуки?

— Нет, сэр. Ничего такого. Пока я не уснул, было совсем тихо, а проснулся я лишь тогда, когда миссис Кентинг утром позвонила, чтобы ей приготовили кофе.

— Значит, вы не слышали возвращения мистера Кентинга или какого-либо хождения по дому от одиннадцати вечера до шести утра?

— Нет, сэр, ничего не слышал.

— Спасибо, Уим, у меня нет больше вопросов.

Дворецкий неторопливо удалился. Вэнс тем временем подошел к письменному столу, заглянул в выдвижные ящики, взял с полочки над столом пузырек с чернилами, внимательно рассмотрел его, после чего, покопавшись в корзине для бумаг, обратился к миссис Кентинг:

— Ваш муж всегда писал за этим столом?

— Да, всегда. Переписка у него была небольшой, поэтому этот стол его вполне устраивал.

— Он никогда не пользовался клеем?

— Клеем? Не знаю, есть ли клей вообще в нашем доме... А почему вы спросили?

— Просто пытаюсь кое-что понять и прошу извинить меня за вопросы, которые кажутся вам странными или неуместными.

Вэнс направился к входной двери, где его ждали Маркем, Хитт и я, и все вместе мы спустились вниз.

Маркем взял Вэнса под руку и прошептал:

— Знаете ли, Вэнс, это похищение кажется мне несколько подозрительным. Впечатление, что похитители не имели намерения причинять вред Кентингу, или же Кентинг действительно сам инсценировал свое похищение. Как вы считаете?

— Я считаю, — тихо ответил Вэнс, сочувственно глядя на прокурора, — что исчезнувший парень мертв...

Глава 4

Мы прошли в гостиную, где нас ожидал неуклюжего вида крупный, крепко сбитый ирландец — полицейский.

— Маклоклан, — начал Хитт, — когда вы покинули свой пост после вчерашнего дежурства?

— Как всегда, в восемь утра, сэр.

— А где вы находились и что делали в шесть часов утра?

— Находился на своем посту, сэр, точнее, совершал регулярный обход и проходил как раз мимо этого дома.

— Отлично. Не заметили ли вы чего-либо подозрительного в округе?

— Кое-что видел, сэр, хотя на тот момент подозрительным мне это не показалось. Около шести утра на этой стороне улицы остановился двухместный автомобиль темно-зеленого цвета. В нем сидели двое парней. Один из них вышел, открыл капот и стал осматривать мотор. Мне показалось, что все в порядке, парни были вполне приличного вида, трезвые, и подозрения не вызывали. Вскоре водитель сел за руль, машина отъехала в сторону Колумбус-авеню, а я продолжил обход, свернув за угол, на 86-ю стрит, и минут через двадцать после этого мимо меня на большой скорости промчался тот же самый автомобиль в сторону парка.

— Вы уверены, что это был тот же самый автомобиль?

— Поклясться не могу, сэр, но на тот момент я был в этом уверен.

— Где именно стоял автомобиль, когда вы заметили его в первый раз?

— Прямо у бордюра, примерно в ста футах отсюда, вверх по улице в сторону парка.

— А как, по-вашему, — вступил в разговор Вэнс, — мог в том двухместном автомобиле находиться еще один человек? Допустим, человек невысокого роста, который стоял на коленях, или лежал под сиденьем?

— Думаю, что мог бы. Хотя не понимаю, зачем кому-то прятаться под сиденьем, там достаточно места для третьего пассажира.

— Что за идея? — удивился сержант Хитт. — Вы считаете, что двух крепких парней маловато для похищения?

— Отнюдь, сержант, полагаю, вполне достаточно... Просто, если бы мы знали, что в машине было трое, это упростило бы дело. Я интересуюсь человеком невысокого, даже маленького роста, с крадущейся, кошачьей походкой... Кстати, Маклоклан, во время вашего ночного обхода вы видели лестницу возле этого дома?

— Видел, сэр, но не у дома, а возле клена в саду. Как раз начало светать, и я заметил ее. Еще подумал, что лестницу использовали для подрезания веток и забыли убрать. Она тоже не вызвала никаких подозрений, сэр, или я что-то упустил?

— Нет, вы все сделали правильно. Просто кто-то перенес ее от дерева к окну дома, пока вы были на обходе. Спасибо, больше вопросов у меня нет.

— У меня тоже, Маклоклан, — подытожил сержант Хитт. — Можете быть свободны.

— Прошу прощения, сержант, сэр, могу я узнать, что же все-таки случилось на моем участке?

— Пока неясно, что именно. Надеемся, что ничего страшного. Похоже на инсценировку похищения с целью вымогательства. Речь идет о хозяине этого дома, мистере Каспаре Кентинге.

— О, Господи! Я ведь знаю его. Частенько встречал во время своих дежурств, когда он на заре возвращался домой навеселе. Что ж, рад был помочь вам, джентльмены, — откланялся Маклоклан.

После его ухода сержант Хитт грузно опустился в кресло и, вздохнув, спросил:

— Ну, что, мистер Вэнс, каковы ваши соображения?

Прокурор Маркем, не дождавшись ответа Вэнса, вынул изо рта сигару и взглянул на сержанта:

— Мистер Вэнс не верит, — заговорил он, — что похищение инсценировано. По его мнению, парень мертв.

— Черт возьми, Вэнс! — воскликнул сержант. — Может, объясните столь неожиданные выводы?

— Начнем с того, — ответил Вэнс, — что я тщательно осмотрел корзину для бумаг возле письменного стола Кентинга. Там не было и намека на то, что он сам занимался составлением «записки похитителей». Далее, телефонный звонок молодого человека, сделанный в ранний час, навеивает мысль о том, что он надеялся уладить свои финансовые дела. Идем дальше. Почему Каспару Кентингу потребовалось три часа, чтобы переодеться в прогулочную одежду после возвращения из казино? На это могло хватить и пяти минут. Зачем ему было дожидаться рассвета, чтобы исчезнуть? Это удоб-

нее делать в потемках. Опять же, лестница. Если бы Каспар «украл» сам себя, то лестницу он приставил бы к окну заранее, а Маклоклан видел лестницу возле дерева. И далее, шаги в спальне около шести утра, о которых нам рассказала жена мистера Кентинга. Это не были шаги ее мужа. Кстати, Маркем, важно вот еще что: почему дверь между спальнями супругов не была заперта? Если Каспер все тщательно спланировал, он запер бы дверь, чтобы оградить себя от внезапного появления собственной жены в неподходящий момент. Итак, леди открывает дверь в шесть часов утра, потому что слышит, что в соседней спальне кто-то ходит в мягких туфлях. Она входит, но никого уже нет. Наверное, тот, кто ходил, услышав ее стук, благополучно исчез. Из платяного шкафа пропали не мягкие тапочки, а тяжелые туристические ботинки, в которых вряд ли можно бесшумно спуститься вниз по приставной лестнице. Все это и наводит меня на мысль, что сегодня ранним утром в спальне мистера Кентинга находился другой человек.

Таким образом, можно подвести промежуточный итог. Прошлой ночью мистер Каспар Кентинг развлекался до трех часов утра. Вернувшись домой, он позвонил кому-то, переоделся в походный костюм и, предположительно, назначил кому-то свидание в период с трех до шести часов утра, не считая возможным лечь спать. Вероятно, он тихо вышел через парадный вход и отправился на встречу. Весьма вероятно, что он надеялся вскоре вернуться, поэтому не стал выключать свет в комнате. Но он не вернулся. Он исчез. Более того, я предполагаю, что его уже нет в живых. Исчезновение Каспара Кентинга и тщательно подтасованные улики, оставленные с целью натолкнуть следствие на мысль о «самопохищении», каким-то образом связаны с его randevu и теми вещественными доказательствами, которые мы нашли в его спальне. Если бы его держали в заложниках и, получив выкуп, отпустили, он мог бы опознать похитителей, и так далее, и так далее. Отсюда вывод: безопаснее просить выкуп за труп. Тем не менее, это только мои домыслы, которые требуют доказательств, а фактов пока еще очень и очень немного. Следует провести еще очень большую и кропотливую работу. Во всяком случае, обязательно побеседовать с мистером Флилом, поверенным семейства, с миссис Кентинг и, особенно, с ее матерью, миссис Фелловой. Между прочим, очень интересная пожилая дама, умная, проницательная, настоящая аристократка. Мне довелось пару раз встречаться с ней до того, как она стала инвалидом. Возможно, мистер Уим, дворецкий, тоже может что-то еще поведать нам. Все это, конечно, рутина и занудство, но без них — никуда.

— Безусловно, Вэнс, — заговорил Маркем, — всю эту рутину мы разгребем, можете не сомневаться.

— Тогда, с вашего позволения, я бы хотел осмотреть приставную лестницу, — добавил Вэнс и направился к выходу.

Глава 5

— Посмотрите на этот след, мистер Вэнс, — произнес сержант, показывая на отпечаток ноги у края ограды сада, рядом с местом, где стояла приставная лестница.

Вэнс тщательно осмотрел след на рыхлой почве, и лицо его приобрело хмурое, озадаченное выражение:

— След довольно маленький, и отпечатка каблука нет... Интересно... Опять же, похоже на след китайской туфли с загнутым носком. Так, а вот и еще один следочек... — Он неожиданно выпрямился, взялся за приставную лестницу и, переставив ее чуть правее, энергично поднялся на несколько перекладин. Затем спустился вниз, после чего снова переставил лестницу вправо и сказал: — Не смейтесь над моими манипуляциями, господа. Любопытно то, что глубина следов, оставленных лестницей после того, как по ней поднялся я, равна глубине следов, оставленных ею прошлой ночью. Значит, учитывая мою скромную комплекцию и то, что земля сейчас суше и тверже, чем вчера ночью, можно сделать вывод, что прошлой ночью по этой лестнице поднимался и спускался только один человек, причем небольшого веса, фунтов 120-130. То есть, мистер Каспар Кентинг не был похищен через окно. — В задумчивости Вэнс оглянулся по сторонам и, вдруг заметив, как что-то блестит невдалеке, быстро направился к густому цветущему кустарнику, раздвинул ветви и извлек застрявшую между ними расческу с серебряной ручкой. — Скорее все-

го, это та самая расческа мистера Кентинга, которую не смогла найти его супруга. Любопытно... — проговорил он и спрятал расческу в свой карман. — Идемте в дом, джентльмены.

Когда мы вошли в парадную дверь, навстречу нам спускались вниз по лестнице миссис Кентинг, Кеньон Кентинг и адвокат Флил.

— Кто-нибудь знает, что за лестница стоит у стены дома? — обратился к ним Вэнс.

— До сегодняшнего утра я ее не видела, — ответила миссис Кентинг, — более того, у нас никогда не было лестницы, поскольку нам она просто ни к чему.

— Я тоже раньше не видел, — подтвердил Кеньон. — Наверное, ее принесли с собой похитители.

— Что до меня, — подытожил Флил, — то я не в курсе наличия либо отсутствия лестниц в хозяйстве этого дома.

— Кстати, миссис Кентинг, — продолжал Вэнс, — это расческа вашего мужа?

— Да, его. Где вы ее нашли?

— В кустах возле ограды сада, вблизи открытого окна, — ответил Вэнс и повернулся к Кеньону: — Мне бы хотелось переговорить с вами, мистер Кентинг, если не возражаете. Где мы могли бы расположиться?

— Думаю, в рабочем кабинете, — растерянно произнес Кеньон, и они направились в кабинет, расположенный рядом с «комнатой самоцветов».

Миссис Кентинг и Флил удалились в гостиную в противоположной стороне холла.

Кеньон Кентинг плотно прикрыл за собой дверь и расположился в большом кожаном кресле.

— Буду рад рассказать вам все, что знаю, мистер Вэнс, — начал он.

— Прежде всего, мне хотелось бы знать точно, какие финансовые отношения существовали между вами и вашим братом? Насколько мне известно, ваш отец оставил все свое состояние именно вам, с условием, что вы будете обеспечивать брата необходимыми средствами.

— Все это так, — согласился Кеньон. — Что касается состояния отца, то опекуном назначен Флил, а что касается обеспечения брата, я не только оплачивал содержание его дома, но и давал ему деньги на карманные расходы, причем больше, чем следовало бы.

— Ваш брат много тратил?

— Слишком много. Он азартно играл и вечно проигрывал, требуя потом, чтобы я оплачивал его карточные долги. Я долго терпел и платил, но у Каспара удивительная способность постоянно попадать в скверные си-

туации. Мало того, он злоупотребляет спиртным. В последнее время его финансовое положение оказалось чрезвычайно сложным, особенно если учесть тот факт, что ему нужно содержать жену, Маделайн. По важным вопросам, касающимся состояния, я обычно консультировался с мистером Флилом, так что он тоже в курсе проблем Каспара.

— А когда вы видели Каспара в последний раз?

— Позавчера, — быстро ответил Кеньон. — Как правило, мы встречались с ним три раза в неделю либо здесь, либо в моем офисе в центре города, чтобы обсудить назревшие проблемы.

— И что же вы обсуждали с ним в понедельник?

— Право, мне не хочется об этом говорить, но если это важно... Брат попросил у меня крупную сумму денег. Я отказал ему, а он страшно разозлился, можно сказать, впал в истерику. Проблема все та же — азартные игры, большие расходы, кажется, женщина на стороне... Вы понимаете ... Но самое главное — он любит скачки и задолжал нескольким букмекерам кучу денег.

— Имен этих букмекеров вы не знаете?

— Кажется, одного из них звали Ханкинс или Ханникс... По словам Каспара, эти букмекеры — люди очень опасные, не останавливающиеся ни перед чем для достижения своих целей. По-моему, он просто опасался за свою жизнь, поскольку расплатиться с ними не мог. Говорил, что ему угрожали...

— Странно... Это непохоже на Ханникса, — задумчиво произнес Вэнс. — Он и в самом деле выглядит круто, но в душе — добряк. Проницательный, умный, совершенно не злобный джентльмен. Что касается дамы на стороне, то и здесь, наверное, соответствующие траты: подарки, драгоценности...

— Совершенно верно.

— Кажется, все становится на свои места. Ситуация, в которой оказался ваш брат, не оригинальна. Азартные игры, долги, женщины... И вы, очевидно, отказали брату в деньгах...

— Я был вынужден так поступить. Ему требовалась сумма, значительно превышавшая ту, что была у меня наличными. Обналичивание превратило бы счет в «замороженный актив». Во всех случаях мне надо было посоветоваться с Флилом, и я наверняка знал, что он своего согласия не даст.

— А сам Каспар не обращался к мистеру Флилу с денежными просьбами?

— Такое бывало не раз. Когда я отказывал брату в деньгах, он обращался к Флилу и тот удовлетворял его просьбы. На этот раз он тоже бросился к Флилу, но просьба была столь нескромной, что тот тоже отказал ему.

— А у жены Каспара есть свой капитал?

— Ни гроша. Материально она полностью зависима от Каспара. Он выделял ей деньги из той суммы, что получал от меня, и фактически держал ее «в черном теле».

— Однако, если учесть то, что произошло сегодня утром, ваш брат не зря паниковал, прося денег.

— Увы, сэр, та же мысль пришла мне в голову сегодня утром, когда я приехал сюда.

— И что вы намерены делать, когда похитители дадут дальнейшие указания относительно выкупа?

— А что мне делать? Наверное, надо ухитриться достать деньги и выплатить вымогателям. Я не могу допустить, чтобы Каспара убили.

— Ситуация скверная. Все же у меня такое впечатление, что выкупа с вас вообще не потребуют. Простите, вы не могли бы назвать сумму, которую Каспар просил у вас в последний раз?

— Пятьдесят тысяч долларов.

— Что ж, я так и думал. Спасибо, мистер Кентинг, надеюсь, больше мы вас не побеспокоим. Последний вопрос: проживает ли здесь мать миссис Кентинг, миссис Фелловей?

— Да, она живет здесь вместе с сыном, братом миссис Кентинг. Они занимают часть третьего этажа, и поскольку она — инвалид и ходит с трудом, то редко спускается вниз, а из дома вообще не выходит.

— Чем занимается ее сын?

— Простите, но он — полное ничтожество. Вечно сказывается больным, и за всю жизнь не заработал ни пенни. Живет, как и его матушка, за счет состояния Кентингов.

— Крайне неприятная ситуация, — заметил Вэнс. — А они знают о том, что случилось прошлой ночью?

— Да, мы с Маделайн рассказали им все, поскольку не видели смысла скрывать происшедшее.

— Не могли бы вы провести меня к миссис Феллоуей? Мне бы хотелось поговорить с ней и ее сыном.

— Конечно, прошу вас.

Миссис Феллоуей было около шестидесятишестидесяти пяти. Крепкая, плотная, и весьма агрессивная на вид дама. Когда мы во главе с Вэнсом вошли в ее комнату, миссис Феллоуей сидела в кресле у окна. За старым секретером в углу комнаты расположился худосочный юноша, рассматривавший что-то через лупу.

— Джентльмены хотят побеседовать с вами, миссис Феллоуей, — произнес Кентинг не слишком почтительно и, обращаясь к нам, добавил: — Позвольте откланяться, джентльмены. Если потребуюсь — я внизу.

— Может быть, вы помните меня, миссис Феллоуей... — заговорил Вэнс, но старая женщина перебила его:

— О! Мистер Вэнс! Конечно, я вас помню! Рада снова видеть вас. Присаживайтесь в кресло. Это мой сын, Фрейм.

Молодой человек привстал из-за стола и поклонился.

— Вы, наверное, филателист? — обратился к нему Вэнс.

— Да, я коллекционирую американские марки, — безразличным тоном откликнулся юноша.

— Что вы думаете об этом происшествии? Что могло случиться с моим зятем? — спросила старая дама.

— Выводы делать рано, миссис Феллоуей. Мы, — Вэнс небрежно кивнул в нашу сторо-

ну, — хотели бы узнать от вас некоторые подробности, если возможно. Вы не слышали, когда ваш зять вернулся домой или какой-нибудь шум в доме с трех до шести утра?

— Лично я ничего не слышал, — ответил молодой человек. — Я спал.

— Я слышала, как Каспар пришел, — заговорила миссис Фелловой. — Он разбудил меня, хлопнув парадной дверью. Впрочем, меня это не удивило, я привыкла. Потом я снова заснула и лишь утром узнала о случившемся. Мне очень жаль, мистер Вэнс, что я не могу ничем вам помочь. Я старая и, из-за покалеченной ноги — беспомощная. Мне трудно ходить, трудно обслуживать себя, все мне трудно...

— Простите нас, миссис Фелловой, и спасибо за беседу. — Вэнс встал и направился к выходу.

Когда мы все собрались в холле, он заметил:

— Прелюбопытнейшая старушенция! Умная, светлая голова... А вот сын — увы, нездоров да и не слишком умен.

— Мне он показался довольно неприятным, как, впрочем, и все это дело, — фыркнул в ответ Маркем.

Миссис Кентинг, встревоженная и обеспокоенная, неподвижно сидела на небольшом диване в гостиной. Флил тоже был здесь. Он нервно курил сигару, пытаясь сохранять на лице бесстрастное выражение.

— Я понимаю, мэм, что вы все рассказали нам, и тем не менее, очень прошу постараться вспомнить, как выглядели те двое посетителей, приходивших к вашему мужу, — обратился к миссис Кентинг Вэнс.

— Представьте себе, мистер Вэнс, только что я пыталась описать мистеру Флилу их внешность. Честно говоря, я их не рассматривала. Кажется, один из них был крупным мужчиной с мощной шеей, волосы с проседью и, по-моему, усы. Именно он приходил дважды.

— Под ваше описание подходит один человек из тех, кого я знаю, миссис Кентинг. Это букмейкер, некто Ханникс, человек добродушный, но немного вспыльчивый, если речь идет о неуплате долга. Уверен, он еще придет сюда и сам прояснит ситуацию. Давайте лучше поговорим о втором посетителе.

— Мне очень жаль, мистер Вэнс, но я вряд ли могу о нем что-то сказать. Я видела его один раз, и то мельком. Он был ростом пониже первого, и волосы у него были чуть темнее. Мне он почему-то показался менее опасным, чем первый, хотя оба внушали страх.

— Думаю, миссис Кентинг, что эти двое никоим образом не связаны с исчезновением вашего супруга. Вряд ли они что-то замыслили, коль так открыто явились в ваш дом. Кстати, второй посетитель по описанию по-

хож на владельца казино, в котором ваш муж наверняка играл. — Вэнс поднялся со стула и повернулся к Флилу: — Если позволите, нам бы хотелось немного посекретничать с вами.

— Буду рад помочь вам, чем смогу, — с готовностью ответил адвокат.

Глава 6

— Мистер Кеньон Кентинг говорил нам, что его брат недавно попросил у него крупную сумму денег для оплаты долгов, и, поскольку получил отказ, обратился к вам с той же просьбой, — начал Вэнс.

— Да, именно так, — подтвердил адвокат. — Я тоже отказал ему, ибо не поверил в историю, которую он мне поведал. Он даже не соизволил зайти ко мне, а позвонил по телефону, что тоже меня покорило, и я не слишком внимательно слушал его, поскольку сразу решил, что денег не дам.

— Кстати, миссис Кентинг сообщила нам, что, придя рано утром домой, ее муж позвонил кому-то. Не вам ли?

— Да, он звонил мне. Разбудил, вел себя бестактно и грубо. Он сказал, что мы пожалеем о своей скупости, о том, что отказались ему помочь в трудную минуту, поскольку это может привести к беде, а потом просто бросил трубку. Честно говоря, я не принял всерьез его слова, ведь он и раньше позволял себе такое...

— Простите, мистер Флил, а какую именно сумму просил у вас мистер Кентинг?

— Приличную, уверяю вас. Он просил тридцать тысяч долларов.

— Да, сумма немалая... Любопытно... Ну что ж, мистер Флил, благодарим вас за беседу и просим прощения за беспокойство.

— Всегда к вашим услугам, господа. — Флил протянул Вэнсу визитную карточку: — Днем я обычно дома, вечером — в офисе.

Как только Флил скрылся за дверью, Маркем громко прошептал:

— Что вы скажете о расхождении в суммах?

— Пока ничего не скажу. Любопытно, конечно, что сумма выкупа и сумма долга совпадают, а расхождение... не знаю... Давайте-ка побеседуем с дворецким.

Вэнс подошел к двери и открыл ее. Прямо под дверью, склонившись, словно подслушивая, стоял Уим.

— Как вы кстати, Уим! — невозмутимо воскликнул Вэнс. — Позвольте задать вам несколько вопросов.

Уим молча вошел в кабинет и остановился возле двери.

— Давно вы служите у Кентингов?

— Скоро три года, — мрачно произнес дворецкий.

— Что вы думаете по поводу вчерашнего происшествия? Как, по-вашему, у мистера Кентинга были враги?

— Думаю, да, сэр. В том числе, живущие здесь миссис Фелловой и ее сын. Да и супруга от него натерпелась горя... У нее гораздо лучшие отношения с братом мужа, чем с мужем. Мистер Каспар — человек неуравновешенный, и ладить с ним трудно. Другой раз спяну и жену мог ударить. Вот тут как-то ...

— Думаю, достаточно, Уим, не будем сплетничать.— Вэнс отвернулся, и дворецкий удалился шаркающей походкой.

— Уф! — вздохнул Вэнс. — Пора выбираться на воздух. Идемте, Маркем.

Через минуту мы спустились с крыльца на залитую солнцем улицу.

Сев в автомобиль окружного прокурора, Вэнс спросил:

— Послушайте, Маркем, не нанести ли нам визит тому, кто последним видел мистера Кентинга? Этому Квэгги... Полагаю, джентльмен, ведущий ночной образ жизни, сейчас должен быть дома. Правда, мы рискуем его разбудить...

Сержант Хитт не удержался и презрительно фыркнул.

С помощью славного сержанта мы без труда отыскали апартаменты достопочтенного мистера Квэгги. Дверь нам открыла внушительного вида негритянка, с которой первым заговорил Хитт:

— Нам нужно видеть мистера Квэгги.

— Не думаю, чтобы мистер Квэгги... — неуверенно начала женщина, но Хитт грубо перебил ее:

— Думать будешь после. Мы из полиции, и нам нужен твой хозяин.

— Да, да, джентльмены, хозяин дома, он в гостиной, — испуганно залепетала негритянка и открыла дверь шире.

Гостиная, в которую она нас провела, была роскошно обставлена мебелью красного дерева, в углу стоял кабинетный рояль. Из кресла навстречу нам поднялся мужчина лет сорока с усталым лицом, явно возмущенный нашим вторжением. На мужчине был вечерний костюм, белая сорочка и лаковые туфли со следами высохшей грязи. Прежде чем хозяин успел выказать свое недовольство, Вэнс произнес:

— Просим прощения за столь ранний визит, сэра, сейчас мы объясним вам его причину. Если не ошибаюсь, вы мистер Поттер Квэзгги?

— И что, если так?

— Сейчас объясню. — Вэнс представил меня, Маркема и Хитта и продолжил: — Мы прибыли к вам сразу после посещения дома мистера Каспара Кентинга. Сегодня утром там произошло несчастье. Со слов миссис Кентинг мы знаем, что прошлую ночь ее муж провел вместе с вами. В связи с этим хотим спросить, когда вы и мистер Кентинг вернулись домой после совместной вечеринки?

— Действительно, мы с мистером Кентингом вчера были в казино «Петерсон» и вернулись домой около трех часов утра. Мы вместе сели в такси и доехали до Сентрал-Парк, где я вышел, а он поехал дальше. Между прочим, Каспар просил, чтобы я поехал вместе с ним и остался ночевать у них, намекая на какие-то неприятности. Я не согласился, решив, что он просто пьян, но, вернувшись домой, задумался над его словами и примерно час спустя решил все-таки его проведать. Подъехал к дому, вошел в калитку — там все было спокойно. В его спальне горел свет, видимо, он еще не лег спать, но пройти к нему я не решился — четыре утра, знаете ли, неловко...

— Понимаю... Вы не заметили возле окна или в саду приставной лестницы?

— Нет, лестницы не видел.

— А окно его спальни было открыто?

— Точно не помню, но жалюзи были опущены, поскольку свет пробивался сбоку. А в чем, собственно, дело? Что за несчастье произошло в доме мистера Кентинга?

— Дело в том, что мистер Каспар Кентинг исчез прошлой ночью, вероятно, был похищен, и вы — последний человек, кто видел его.

— Ужасно... Не зря я беспокоился. Если вас еще что-то интересует — спрашивайте, но мне кажется, я рассказал вам все, что знаю.

— Спасибо, мистер Квэggi. Если вдруг вспомните что-либо еще, потрудитесь сообщить нам. Мне кажется, вы — человек осторожный и проницательный, и при желании сможете помочь следствию. — Вэнс направился к выходу и, как бы ненароком, остановился возле письменного стола, на котором лежал лист папиросной бумаги, а на нем — два абсолютно одинаковых темных камня. Это были черные опалы.

Когда мы снова сели в автомобиль и отправились к центру города, Маркем заговорил:

— Вот видите, Вэнс, по всем показаниям получается, что Кентинг предчувствовал недоброе, предполагал, что его могут похитить.

— Предчувствия? Мистика? — улыбнулся Вэнс. — Вряд ли. Конечно, Каспар нервничал. Получив угрозы от кредиторов, он испугался, а чтобы развеяться — отправился в казино. Кстати, эти угрозы он использовал, как аргумент в беседах с братом и Флилом. Не думаю, что его предчувствия имели отношение к тому, что с ним произошло. Кстати, Маркем, — резко сменил тему Вэнс, — на письменном столе Квэggi лежат два изумительной красоты черных опала. Мне кажется, они могли быть из коллекции Кентинга. Настоящий коллекционер не преминул бы приобрести их для своей коллекции, а в коллекции Кентинга черных опалов нет. Странно...

— Так что же вы не спросили, откуда у Квэggi эти камни?

— Всему свое время, дорогой Маркем, всему свое время.

Дальнейший путь мы проделали в полном молчании.

Глава 7

На следующее утро около десяти часов Маркем позвонил на квартиру Вэнса. Трубку снял я.

— Передайте мистеру Вэнсу, — донесся до меня властный голос Маркема, — что я жду его в своем офисе. У меня мистер Флил, он будет ждать мистера Вэнса.

Спустя полчаса мы прибыли в офис Маркема. Окружной прокурор сидел за письменным столом, а перед ним в кресле расположился Флил.

— Получены инструкции, о которых говорилось в записке, — начал Маркем. — Сегодня утром Флилу по почте пришло письмо, которое он сразу же передал мне. — И прокурор показал нам листок бумаги, на котором простым карандашом печатными буквами был написан следующий текст: «СЭР! НАМ ИЗВЕСТНО, ЧТО КЕНТИНГИ ИМЕЮТ БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ. ЕСЛИ СЕГОДНЯ В 11 ЧАСОВ ВЕЧЕРА ВЫ НЕ ПОЛОЖИТЕ В ДУПЛО ДУБА 50 000 ДОЛЛАРОВ, МЫ УБЬЕМ КАСПАРА КЕНТИНГА. ДУБ НАХОДИТСЯ В 20 ФУТАХ К ЗАПАДУ ОТ СТАРОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПАРКЕ. ЕСЛИ ВЫ СООБЩИТЕ В ПОЛИЦИЮ — СДЕЛКА НЕ СОСТОИТСЯ, И КЕНТИНГ УМРЕТ. УЧТИТЕ, ЧТО МЫ СЛЕДИМ ЗА ВАМИ».

Зловещее послание было подписано теми же пересеченными квадратами, нарисованными кисточкой и тушью.

— Письмо не более оригинально, чем первый опус, — прокомментировал Вэнс. — А можно взглянуть на конверт?

Маркем передал конверт Вэнсу. Судя по штемпелю, письмо было отправлено вчера, в пять часов вечера, из почтового отделения Уэстчестер.

— Где находится это почтовое отделение? — спросил Вэнс.

— В Верхнем Бронксе, — ответил Маркем.

— А каковы границы участка, обслуживаемого им?

— Это участок примерно в десять квадратных миль между реками Хатчисон и Бронкс, там

много заброшенных мест, — заглянул в какой-то справочник Маркем. — Надо сказать, что для поиска преступников это один из самых тяжелых участков Нью-Йорка.

— А каково ваше мнение о ситуации, мистер Флил? — взглянул на адвоката Вэнс.

— Я целиком полагаюсь на мнение мистера Маркема и его коллег. Что же касается выкупа, то заплатить его из основного капитала не представляется возможным, поскольку средства вложены в долгосрочные бумаги. Решение вопроса зависит от того, сумеет ли мистер Кентинг собрать необходимую сумму.

— А мистер Кентинг знает про письмо?

— Пока — нет, если, конечно, не получил такого же. Я сразу приехал к мистру Маркему. Теперь, полагаю, мне надо отправиться к Кентингу и все ему рассказать.

— Пожалуй, вы правы, мистер Флил, — согласился Маркем, — поезжайте. В конце концов, если говорить о деньгах, этот вопрос решать ему.

Флил встал и, надев шляпу, тяжелой походкой направился к выходу.

— Только попрошу вас, мистер Флил, — крикнул ему вдогонку Вэнс, — дождитесь нас в доме Кентинга. Мы с Маркемом скоро будем там.

— Непременно дождусь, — откликнулся Флил и вышел за дверь.

— Что вы думаете по этому поводу, Вэнс? — спросил Маркем, когда дверь за Флилом закрылась.

— У меня полно всяких мыслей, Маркем, но вполне вероятно, что все они пустые и несостоящие.

— Вам не кажется, что инструкции похитителей несколько туманны и неточны?

— Нет, мой дорогой Маркем. Я хорошо знаю дуб, о котором говорится в записке. Место тихое, и все подходы к дереву отлично просматриваются. Полиция сможет при желании установить наблюдение.

— Как, по-вашему, Кеньон Кентинг захочет достать деньги и выплатить выкуп похитителям?

— Вполне возможно, однако давайте выясним это на месте. Вы не хотите поехать с нами к Кентингам, Маркем?

Маркем отдал распоряжения секретарю, и мы дружно спустились вниз к автомобилю окружного прокурора.

В гостиной Кентингов собрались Кеньон Кентинг, Флил, молодой Феллоу и Портер Квэгги.

— Вы привезли письмо, джентльмены? — нетерпеливо спросил Кеньон.

Вэнс кивнул и, достав из кармана письмо, передал его Кентингу.

Пока Кентинг внимательно изучал записку, Маркем заметил:

— Лично я полагаю, что вам не следует удовлетворять их требования, мистер Кентинг.

— Я всю жизнь буду винить себя, если поступлю так, — печально покачал головой Кентинг, — и с Каспаром действительно что-то случится... Хотя не представляю, как собрать такую крупную сумму в короткий срок. Если мне это удастся, я буду разорен...

— Я могу помочь вам, — решительным тоном неожиданно произнес мистер Квэгги, сидевший в кресле.

— Я тоже был бы рад помочь, — вставил Флил, — но мои личные средства в данный момент весьма ограничены. Что касается состояния Кентингов, я не могу использовать доверенные мне средства без решения суда, а получить решение суда за такой короткий срок вряд ли возможно, если возможно вообще.

— Почему бы не оставить все, как есть? — внезапно оживился Фелловей. — Лично я считаю, что Каспар не стоит и тысячной доли этой суммы. И вообще, вы уверены, что, заплатив, вернете его живым?

— Замолчи, Фрейм, — рявкнул Кентинг. — Твое мнение нас не интересует!

Фелловей пожал плечами и замолчал.

— Скажите, мистер Флил, — вмешался Вэнс, — каково будет финансовое положение миссис Кентинг в гипотетическом случае смерти ее мужа? Выигрывает ли она от этого, и к кому перейдет часть состояния, принадлежащая Каспару?

— Состояние Каспара перейдет к его жене, — ответил Флил. — Так оговорено в завещании Карла Кентинга. Там ясно сказано, что доля наследства Каспара переходит к его жене, если она переживет его.

— Итак, что мы решаем, джентльмены? — прервал разговор Маркем. — Мистер Кентинг, вы платите выкуп, или же я передаю дело в Управление полиции, и там примут меры?

— Думаю, господа, — глубоко вздохнул Кентинг, — что мне сейчас пора идти в свой офис и собирать необходимую сумму. А потом, конечно, надо передать это дело полиции. Мистер Маркем, я заеду к вам в офис, и мы решим, как поступить дальше. — Кеньон вяло махнул рукой и покинул гостиную.

Через некоторое время за ним последовал Флил, Фрейм Фелловей с мрачным видом продолжал стоять у окна, а Квэгги поднялся с кресла и, обернувшись к Маркему, произнес:

— Я, пожалуй, задержусь здесь на некоторое время и поговорю с миссис Кентинг.

— Да, конечно, — согласился Маркем.

Вэнс взял со стола письмо похитителей и, убрав в карман, сделал знак Маркему, и мы втроем вышли из гостиной.

В офисе окружного прокурора Маркем немедленно послал за сержантом Хитом, и тот не заставил себя долго ждать. Мы обрисовали ему ситуацию и показали письмо негодяев.

— Если позволите высказать мое мнение, — пробурчал Хитт, — я не дал бы этим мерзавцам и цента. Но раз уж Кентинг настаивает — куда деваться.

— Вот именно, — согласился Маркем. — Кстати, вы знаете место в Централ-Парк, где растет этот дуб?

— А то! — выпалил Хитт. — Я сто раз проходил мимо него. Это место расположено недалеко от автострад, и там все хорошо просматривается во всех направлениях.

— Если мистер Кентинг отправится туда, вы сможете организовать наблюдение?

— Легко, — отчеканил Хитт.

Вэнс, задумчиво улыбаясь, выслушал оптимистичное высказывание сержанта и, наконец, заметил:

— Думаю, дорогой мой Хитт, вас ждет разочарование. Вполне вероятно, что вам удастся схватить негодяя, но установить связь между ним и его сообщниками или заказчиками не удастся. Честно говоря, мне кажется, что письмо отправили, чтобы сбить нас со следа, но, тем не менее, я лично готов принять участие в вашем эксперименте.

— Может, и на дерево залезете? — усмехнулся Хитт.

— И на дерево залезу, — вполне серьезно проговорил Вэнс, — только переоденусь — и вперед.

— Что ж, прекрасно, — ответил Хитт, — времени на подготовку у нас достаточно.

Кеньон Кентинг прибыл в офис окружного прокурора в четыре часа и принес с собой пять плотных пачек стодолларовых банкнот. Положив деньги на стол Маркема, он произнес:

— Вот необходимая сумма. Отдаю все, что имею. Что делать дальше?

Маркем взял деньги и убрал их в свой сейф.

— Я должен все тщательно обдумать и принять решение, о котором сообщу вам часа через два-три.

Вскоре появился Хитт, и мы стали обсуждать план действий, который заключался в следующем. Хитт устанавливает на домах прожектора, включаемые по определенному сигналу и направленные на дуб. Несколько сотрудников отдела по расследованию убийств располагаются неподалеку под видом прохожих и таксистов. Мы с Вэнсом, оба вооруженные, сидим на дубе. Вэнс был полностью согласен с планом, кроме одного пункта. Он не считал необходимым класть в дупло настоящие деньги, а предложил заменить их на «куклу». Мы дружно согласились с ним. Было решено, что сверток отнесет и положит в дупло мистер Флил. Проинструктировать его должен был сержант Хитт. Согласовав детали, все отправились по домам — готовиться к предстоящей операции.

В восемь часов вечера мы снова встретились с Маркемом в клубе «Стьювин-сент», чтобы отужинать и выпить кофе. После девяти, когда трапеза была закончена и кофе выпит, к нам присоединился сержант Хитт, доложивший обстановку.

— Все готово, шеф! — отчеканил он. — Нами установлены четыре мощных прожектора на многоквартирном доме по Пятой авеню, как

раз напротив дуба. Они включатся, как только я дам сигнал. На столбе светофора у дороги вблизи дуба я поместил электрический фонарик красного света, включаемый с пульта дистанционного управления, который будет находиться у меня. В такси, стоящие на Пятой авеню, я усадил своих ребят.

— А что насчет пакета с деньгами? — спросил Маркем.

— Как и предложил мистер Вэнс. Я договорился с мистером Флилом, что он положит «куклу» в дупло незадолго до одиннадцати вечера.

— А что мистер Кентинг?

— Он и мистер Флил встречаются с нами в кабинете старшего полицейского инспектора на Пятой авеню. Адрес они знают. Мне кажется, мистеру Вэнсу и мистеру Ван Дайну надо устроиться на дубе пораньше.

— Что ж, Хитт, — отозвался Вэнс, — вам правильно кажется. Итак, Ван, пошли играть в «тарзанов». Всем — удачи!

На углу 83-й стрит и Пятой авеню Вэнс отпустил такси, и мы продолжили путь пешком, направляясь к северному входу в парк. Ночь стояла теплая, даже душная. Я немного волновался, всматриваясь в темноту, а Вэнс ни на что не обращал внимания. Вскоре мы вышли на широкую лужайку, на которой заметно возвышался высокий дуб. Вэнс остановился возле дуба, дотянулся до нижней ветки и быстро взобрался по стволу. Я последовал его примеру, хотя сделал это с гораздо меньшей ловкостью и скоростью. Разместившись на ветках, мы некоторое время сидели молча и осматривались. Вскоре слева от дуба на тропинке появился мистер Флил. Подойдя к дереву, он некоторое время топтался на месте, потом ощупал ствол и, найдя дупло, осторожно положил в него пакет, после чего быстрым шагом двинулся к западной части парка. В это время я почему-то решил посмотреть на тропинку, по которой мы с Вэнсом вошли в парк, и в свете фар проезжавшего по дороге автомобиля заметил развалившегося на скамейке человека в потрепанной одежде, явно следившего за удаляющимся Флилом. Спустя некоторое время этот человек встал со скамейки, лениво потянулся и направился в северную сторону парка.

— Надо же! — прошептал в темноте Вэнс. — За нашим любезным Флилом следили! На это, очевидно, и рассчитывал доблестный сержант. Если его парни не зазеваются, нам тут недолго сидеть осталось.

Прошло еще минут десять, как вдруг я заметил, что с северной стороны парка к дубу приближается еще одна фигура. По мере ее приближения я смог рассмотреть темный длинный плащ, широкополую черную шляпу, надвинутую на глаза, и трость, на которую фигура опиралась.

Фигура двигалась очень медленно, то и дело останавливаясь и поглядывая по сторонам, словно оценивая обстановку. Наконец она приблизилась к дереву и, в последний раз оглянувшись, нащупала дупло и вынула пакет с «куклой». Я взглянул на светофор, про который говорил Хитт, и увидел, как он дважды мигнул красным огоньком. Внезапно со стороны Пятой авеню широкие снопы света пронзили темноту, ярко осветив наше дерево и лужайку вокруг. К дереву во весь опор мчались Хитт с помощником Салливаном, Маркем, Флил и Кеньон Кентинг. Детективы первыми подбежали к дубу и схватили закутанную в плащ фигуру. Мы с Вэнсом спустились с дерева, и Вэнс, подойдя к сержанту, заявил:

— Позвольте мне, сержант, я справлюсь сам, а то вы слишком уж ретивы.

Задержанный не двигался, и Хитт отпустил его, предоставив Вэнсу возможность поучаствовать в задержании. Вэнс снял шляпу с головы задержанного, и перед нами в свете прожекторов предстала цинично улыбающаяся миссис Фелловей. Нимало не смутившись, словно только этого и ждал, Вэнс галантно произнес:

— Добрый вечер, миссис Фелловей, как поживаете? Поздновато вы сегодня прогуливаетесь, не так ли?

— Да, немного припозднилась, — как ни в чем не бывало, ответила старая дама. — Однако моя прогулка оказалась весьма прибыльной. Я тут случайно нашла в дупле пакет, и если там деньги...

— Увы, мадам, — печально проговорил Вэнс, — денег там нет. — Он взял сверток из рук миссис Фелловей и передал сержанту Хиту. — Вы очень преданная мать, — продолжал он, — я преклоняюсь перед вами. Однако уже поздно, и добираться домой пешком вам вряд ли стоит. Сержант, кто-нибудь из ваших бутафорских таксистов может доставить домой почтенную леди?

— Конечно, мистер Вэнс, — растерянно произнес Хитт.

Пока продолжалась эта «светская беседа», я заметил, как к нам незаметно присоединилась худая фигура, остановившаяся позади миссис Фелловей. Это был Фрейм, выглядевший весьма озадаченным и испуганным. Вэнс бросил на него пытливый взгляд и, обращаясь к миссис Фелловей, сказал:

— Позвольте сопровождать вас.

— Вы — рыцарь, мистер Вэнс, я ценю вашу любезность, — томно произнесла миссис Фелловей, взяла его под локоть, и они медленно двинулись по лужайке.

Мы же, загрузившись в очередное «бутафорское» такси, отбыли в «Пурпурный дом».

Дверь нам открыл невозмутимый Уим, сделавший рукой неопределенный жест в сторону гостиной. Пройдя туда, мы обнаружили мирно беседовавших Вэнса и миссис Фелловей. Не успели мы расположиться в гостиной, как прозвенел дверной звонок, на который первым среагировал Хитт. Он широко распахнул входную дверь и, увидев на пороге мистера Квэгги, грубо рявкнул:

— А вам чего тут надо?

— Решительным счетом ничего, — смутился Квэгги. — Я лишь хотел узнать, как себя чувствует миссис Кентинг и нет ли новостей о Каспаре. Я видел, как вы проехали мимо моего дома.

— Пусть он войдет, сержант, — сказал Вэнс. — Мы ему все расскажем, да и к нему у меня появились вопросы.

— Входите, — смягчился Хитт, давая Квэгги пройти.

Тот решительным шагом вошел в гостиную, уселся в свободное кресло и, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил:

— И что же еще сегодня произошло?

— Ничего интересного, — небрежно ответил Вэнс, — если не считать того, что мы потерпели фиаско... Однако я рад, что вы присоединились к нам. Не будете ли так любезны ответить, где вы были сегодня вечером?

— Дома, — с вызовом произнес Квэгги. — Беспokoился за Каспара, ждал новостей. А, собственно говоря, почему я должен отвечать? Я же не спрашиваю, где были вы?

— Можете спросить, и я вам отвечу, что сначала гулял, потом немного посидел на дереве, — добродушно улыбнулся Вэнс.

Квэгги удивленно посмотрел на него и тут же обернулся к Кентингу:

— Вам удалось собрать деньги?

— Удалось, — ответил Кентинг. — Но ничего из нашей затеи не вышло.

— Никто не пришел за деньгами? — удивился Квэгги.

— Ну, почему же не вышло? За деньгами пришли, — перебил их Вэнс. — В назначенный час, как говорилось в письме, за деньгами пришли и взяли пакет...

— И, конечно же, преступник успешно ушел от полиции, — съязвил Квэгги.

— Отнюдь, мистер Квэгги, преступник здесь, среди нас. Позвольте представить — миссис Фелловой. — Брови Квэгги медленно поползли вверх, а Вэнс резко переменял тему: — Кстати, мистер Квэгги, я заметил, вы интересуетесь черными опалами? Вчера на вашем столе я заметил два великолепных экземпляра.

— И что в этом противозаконного? — с вызовом спросил Квэгги.

— Видите ли, странно то, — продолжал Вэнс, — что в коллекции Карла Кентинга явно отсутствуют черные опалы, а на месте, где они должны быть, зияют пустые ячейки. Далее. Вчера вечером, осматривая смокинг мистера Кентинга, я обнаружил в его кармане прозрачный шпинель. Шпинеля в коллекции тоже явно не хватает. Вот я и подумал: нет ли связи между шпинелем в кармане фрака и опалами на вашем столе? Не могли бы вы сказать нам, откуда у вас такие редкие камни?

Квэгги помолчал некоторое время и, наконец, заговорил:

— Эти опалы я приобрел вполне законным путем. Собственно говоря, купил их у Каспара прошлой ночью. Каспар сам предложил их мне под предлогом того, что ему срочно нужны деньги.

— Наверняка вы знали, что камни из коллекции его отца?

— Какая мне разница, откуда они? Я заплатил деньги и получил камни.

— Вы правы, — согласился Вэнс.

— Я давно подозревала, — возмутилась миссис Фелловой, — что Каспар продает камни из

коллекции, чтобы раздобыть денег на азартные игры. Я люблю рассматривать эту коллекцию, и каждый раз, спустившись посмотреть на нее, замечала, что какого-нибудь экземпляра недостает...Прошу извинить меня, джентльмены, но я устала и хотела бы подняться к себе, — закончила она.

— Но сначала, миссис Фелловой, — выпалил Кентинг, — объясните нам, почему вы оказались в парке ночью?

— Это объяснит мистер Вэнс, — парировала старая дама. — Он, в отличие от вас, обо всем догадался. Спокойной ночи, джентльмены.

— Позвольте проводить вас, мэм? — отозвался Вэнс.

В знак согласия дама наклонила голову и вновь оперлась на его локоть. Фрейм Фелловой тоже встал, чтобы помочь матери. Маркем многозначительно взглянул на сержанта и, поднявшись, присоединился к ним. Миссис Фелловой с сопровождающими проследовала наверх. Я деловито пристроился к группе. Добравшись до своих апартаментов, миссис Фелловой тяжело опустилась в кресло, и Вэнс вежливо произнес:

— Если вы не очень устали, миссис Фелловой, позвольте задать вам пару вопросов.

— Ну, что ж, задавайте, мистер Вэнс, — милостиво ответила старая дама.

— Объясните, зачем вы предприняли такую тяжелую прогулку ночью в парк?

— Зачем? За деньгами, конечно!

— Очень жаль, но в свертке не было ни цента. А как вы узнали, что ваш сын собирается идти к дубу за свертком?

— Трудно обмануть мать, мистер Вэнс. Фрейм знал о письме с требованием выкупа и об инструкциях, куда положить деньги. Он не сомневался, что Кеньон из кожи вон вылезет, но деньги добудет. Сегодня днем сын рассказал мне о ваших планах, а вечером вдруг заявил, что намерен пройтись. Я сразу почуяла неладное и, сложив дважды два, решила спасти его от позора, ведь мне терять нечего... Поверьте мне, Фрейм — хороший мальчик, просто у него слабое здоровье, не хватает силы духа или еще чего-то...

— Мне кажется, вашему сыну нужно пройти хорошее медицинское обследование, — сказал Вэнс. — Возможно, его диагноз банален, и болезнь вполне излечима. — Он написал что-то в своей записной книжке, вырвал листок и протянул его миссис Фелловой: — Здесь имя и адрес одного из лучших врачей города. Обратитесь к нему ради вашего сына, скажите, что рекомендую вас я. Уверен, он сможет помочь.

Женщина с благодарностью взяла листок из рук Вэнса и спрятала в карман юбки.

Раскланявшись с миссис Фелловой и пожелав ей спокойной ночи, мы вернулись в гостиную, где обнаружили всех на своих местах. Флил и Кеньон Кентинг напряженно застыли в креслах у окна, Квэгги курил сигарету, Хитт стоял в углу, посматривая по сторонам, на диване, склонив голову набок и слегка приоткрыв рот, сидел Фрейм Фелловой. Вид у него был отрешенный и несколько глуповатый. Вэнс прошел к своему креслу, расположился в нем и закурил, а мы с Маркемом остались стоять в дверях.

— Нам есть что обсудить, джентльмены, — начал Вэнс, — но мне кажется, присутствие миссис Кентинг не будет лишним.

Кеньон встал и, энергично закивав головой, произнес:

— Да, вы правы, мистер Вэнс, я приглашу сюда Маделайн. Обычно она ложится поздно, и я надеюсь, что присоединится к нам.

Он поспешно вышел из гостиной и отсутствовал минут пять. А когда вернулся, на него страшно было смотреть — бледный, испуганный, с вытаращенными глазами.

— Ее нигде нет! — воскликнул он дрожащим голосом. — Я постучал несколько раз и, не получив ответа, рискнул войти. Дверь была заперта, и я прошел в спальню Маделайн через комнату Каспера. Свет в спальне горит, но ее там нет. — Кентинг шумно вздохнул и, заикаясь, закончил: — Окно... во двор... раскрыто настежь... и... там лестница...

Глава 8

Сообщение Кентинга об исчезновении его невестки и приставленной к окну лестнице ошеломило всех присутствовавших. Даже Фрейм Фелловой не остался равнодушным, зло взглянул на Кеньона и заверещал:

— Что вы думаете? Еще одна подлость Каспара! Это он все затеял, это его очередная выходка, чтобы заполнить денежки! Не верю я, что его похитили, кому он нужен, этот кутила?!

— Полегче, приятель, — урезонил его Хитт. — Криками делу не поможешь, лучше помолчи.

— Что, если мы осмотрим спальню миссис Кентинг? — храня олимпийское спокойствие, предложил Вэнс. — Хитт, приглашайте своих парней из отдела убийств, а мы пока обойдемся своими силами. — Он направился наверх, сержант и я послушно последовали за ним.

Как и говорил Кентинг, окно спальни было распахнуто, жалюзи подняты до самого верха, шторы раздвинуты. Хитт осторожно выглянул из окна и, обернувшись к нам, заключил:

— Да, лестница стоит здесь, та же, что и вчера.

Вэнс, казалось, не слышал его, он изучал туалетный столик миссис Кентинг, на котором стояла открытая пудреница, крышка лежала тут же, а пуховка почему-то валялась на полу. Внимание Вэнса вдруг привлекли духи. Это были духи «Изумруд» фирмы «Куртэ» в аэрозольной упаковке.

— Хм... «Изумруд»? Они же для брюнеток, а миссис Кентинг — блондинка... С чего бы? И щеколда на двери не закрыта, засов не задвинут. Дверь заперта только на ключ, и его в замочной скважине нет... Странно все это... Похоже, леди страшно спешила... — Вэнс повернулся к Хитту: — Скажите, сержант, когда вы уведомили Флила и Кеньона Кентинга о нашей ночной операции?

— Около шести вечера, сэр или чуть позже...

— Ну что ж, пора нам по домам, а сержант со своими ребятами пусть занимаются положенной рутинной.

Мы снова спустились в гостиную, и Фрейм Фелловой первым спросил:

— Что вы выяснили?

— Пока ничего, — ответил Вэнс. — Мы еще не закончили осмотр, и, кроме того, я бы хотел кое о чем вас спросить, джентльмены. Возможно, мои вопросы покажутся вам странными, но, тем не менее, ответы на них помогут в разгадке этого непростого дела. Мистер Флил, какие духи вы стали бы дарить симпатичной вам даме?

— Духи? — удивился Флил. — Честно говоря, я в них ни черта не смыслю... Правда, посылаю своим постоянным клиенткам на Рождество флакончик духов, бывает такое... Но выбирает духи моя секретарша.

— А миссис Кентинг вы причисляете к вашим постоянным клиенткам?

— Естественно.

— Ваша секретарша — блондинка или брюнетка?

— Пожалуй, брюнетка. Волосы у нее довольно темные...

— Спасибо, мистер Флил. А что скажете вы, мистер Фелловей?

— Про духи? Ну, не знаю... Вот эти, что у сестры на столике, «Изумруд», кажется, приятные, с тонким запахом...

— А на ваш вкус, мистер Кентинг?

— По мне, так все духи пахнут одинаково, кроме жасминовых. Если уж дарить духи, то жасминовые.

— Всем подряд?

— Всем подряд.

— На вашем месте я бы так не поступал. А вы что скажете, мистер Квэгги?

— Скажу, что дарить надо цветы, с ними как-то проще. Ну а если уж говорить конкретно о духах, то, по-моему, надо сначала узнать вкусы дамы, а потом дарить.

— Весьма разумная точка зрения. А теперь, сержант, давайте взглянем на лестницу.

Хитт включил карманный фонарик, и мы отправились во двор, где Вэнс снова начал рассматривать следы, оставленные ножками лестницы. Затем, немного переставив лестницу, он попросил Хитта подняться на несколько перекладин, после чего снова изучил отпечатки на земле.

— Видите, лестница оставляет на земле очень слабый след. Ну, теперь все, — заключил он. — Идемте в дом, прощаемся с хозяевами.

Вернувшись в холл, Вэнс объявил, что мы уходим, а в доме скоро появятся люди Хитта, которые должны осмотреть место происшествия. Кентинг и Квэгги тоже предпочли откланяться под предлогом того, что очень устали, а завтра предстоит не менее тяжелый день. Когда дверь за ними закрылась, Флил извиняющимся тоном сказал:

— Надеюсь, джентльмены, вы правильно поймете мое мнение об участии в деле полиции. Вначале я вполне искренне полагал, что дело о похищении и вымогательстве должно полно-

стью находиться в ведении властей. Однако, поговорив с Кеньоном, понял, что он намерен сделать все сам, и решил согласиться с ним. Теперь я понимаю, насколько заблуждался...

— Не будем об этом, мистер Флил, — прервал его Вэнс. — Мы понимаем сложность вашего положения. Вы — адвокат семьи, доверенное лицо.

— Спасибо за сочувствие, — поблагодарил Флил. — С вашего позволения, я тоже пойду. — Сняв с вешалки шляпу, он направился к выходу.

Неожиданно в холле зазвонил телефон, и тут же раздался голос Уима:

— Спрашивают сержанта Хитта.

— Слушаю, Хитт, — отчеканил сержант, взяв трубку. — Да... Так... Ясно, понял... Мы будем в квартире мистера Вэнса на Восточной 38-й стрит. Поторопись! — Повесив трубку, он обратился к нам: — Идемте, господа, я расскажу вам все по дороге.

Мы двинулись к выходу, но вдруг с улицы раздался какой-то сухой треск, напоминающий звук автоматной очереди.

— Что происходит? — воскликнул шедший рядом со мной сержант, резко остановился, а потом внезапно ринулся вперед, не говоря ни слова, и, распахнув парадную дверь, выбежал в ночь. Мы бросились следом за ним. Выскочив на улицу, сержант замер на краю тротуара, оглядываясь и пытаясь понять, в какую сторону бежать.

— Кажется, стреляли там, — наконец определил он, показывая рукой в сторону Централ-Парк. — Бежим скорее! — И помчался в указанном направлении.

Мы припустились за ним. На углу в конце улицы под фонарем уже собралась группа взволнованных людей. Подбежав к фонарю, мы увидели, что возле столба, бессильно прислонившись к нему, стоит адвокат Флил. Лицо его было мертвенно бледным, руки тряслись. Хитт попросил зевак разойтись, а Вэнс, поддерживая Флила под руку, усадил его на край тротуара.

— Вы видели, джентльмены? Я чудом спасся, в меня стреляли... — заикаясь, заговорил Флил.

— Мы ничего не видели, мистер Флил, — сказал Вэнс, — но выстрелы слышали. Соберитесь с силами и расскажите, что с вами произошло?

— Я вышел от Кентингов, и, дойдя до угла, решил взять такси. Неожиданно меня догнал автомобиль. Сначала я не обратил на него внимания, но автомобиль вдруг с визгом затормозил и оказался недалеко от меня. Я успел заметить, как из окна автомобиля высунулось дуло автомата, и тут же услышал выстрелы. Машинально схватившись за столб, пригнулся, а налетчики, выстрелив еще один раз, быстро исчезли. Я так испугался, что даже не понял, в какую сторону они уехали.

— Но вас-то они не задели? — участливо спросил Вэнс.

— Кажется, нет, слава богу.

— Что ж, стрелки попались начинающие, так что вам крупно повезло.

В этот момент к нам подбежал взволнованный мистер Квэгги:

— Что с мистером Флилом? Он не ранен?

— А вы откуда? — удивился Вэнс.

— Как откуда, из дома, конечно, вон мои окна. — Квэгги указал на освещенные окна в доме напротив. — Я расскажу вам, что здесь произошло. Вернувшись домой, я решил немного подышать свежим воздухом, открыл окно и увидел, как по улице идет мистер Флил, а за ним едет автомобиль. Я стал наблюдать за ними. Когда мистер Флил оказался в свете фонаря, автомобиль быстро догнал его, затормозил, и раздались выстрелы. Потом мистер Флил резко присел, схватившись за фонарь, а машина уехала. Я сразу же бросился вниз, решив, что мистер Флил ранен.

— Вам, случайно, не удалось рассмотреть, что это был за автомобиль? — спросил Вэнс.

— Честно говоря, я его не рассматривал. Кажется, двухместный автомобиль, небольшой и явно не последней модели.

— Какого цвета?

— В темноте понять было трудно, но... пожалуй, зеленого или, скорее, хаки...

— А в какую сторону он уехал?

— В сторону Централ-Парка.

— Отлично, я займусь этим, — сказал Хитт и быстро зашагал в сторону парка.

— Как вы себя чувствуете? — участливо обратился к Флилу Вэнс.

— Все в порядке, — ответил адвокат, медленно поднимаясь на ноги. — Поплечусь домой или возьму лучше такси.

— Ох, и странно все это, — заговорил Вэнс, когда адвокат отошел на приличное расстоя-

ние, а Квэгги, простившись, удалился домой. — Знаете, Маркем, адвокату действительно крупно повезло. Не попасть в человека с такого близкого расстояния, стреляя из автомата... очень сложно, знаете ли. Я бы не промахнулся. Что ж, будем ждать нашего вездесущего сержанта.

Некоторое время мы молча стояли в свете фонаря. Вскоре раздался шум приближающегося автомобиля, и из подъехавшего такси выскочили сержант Хитт и Маклоклин.

— Нам удалось обнаружить этот зеленый автомобиль, — на ходу объявил Хитт, — тот же грязно-зеленый, двухместный, который Маклоклин видел в то утро у дома Кентингов. Он стоит на дороге, пересекающей парк. Явно брошен. Парни, разбив машину, побежали на стоянку такси. Наш водитель тоже с той стоянки, он кое-что видел. — Сержант подозвал водителя такси, невысокого роста толстяка с добродушным лицом, и попросил: — Расскажи нам, друг, что ты видел.

— Я как раз стоял возле своей машины, ожидая пассажиров, а впереди меня стояло такси Эйба, мы с ним приятели. Потом смотрю, подбегают к нему два парня, садятся в машину, и он отъезжает.

— А где живет твой приятель?

— В Бронксе, на Келли-стрит. У него жена и двое детей.

— Прекрасно. Найди его и передай, чтобы он немедленно явился в отдел расследования убийств. Мне срочно нужно знать, куда он отвез тех парней.

— Так это и я вам скажу. Когда они к нему подбежали, один сразу крикнул: «На 86-ю стрит, к станции метро «Лексингтон-авеню», и поскорее!»

— Вот оно что! Любопытно... — заметил Вэнс.

— Тем не менее, мне надо увидеть твоего приятеля, — настаивал Хитт.

— Как скажете, сэр. Эйб вернется на стоянку через полчаса, и я все ему передам.

— Хорошо, — согласился Хитт и повернулся к Маркему: — Мне нужно срочно позвонить и направить моих парней на розыск тех типов.

— К чему такая спешка, сержант? — спокойно произнес Вэнс. — Если помните, в моей квартире нас ждут некие новости. Такси ждет, через несколько минут мы будем у меня дома, а там есть телефон. Таксист успеет вернуться на стоянку и сообщить своему другу о том, что вы его ждете.

По пути к дому Вэнса Маркем, обращаясь к Хитту, спросил:

— Что за новости ждут нас в квартире Вэнса?

— В Ист-Ривер, в районе 150-й стрит, обнаружено тело Каспара Кентинга, — мрачно ответил Хитт. — Сообщение поступило, когда мой помощник вернулся в Управление полиции. Он в курсе всех подробностей и

ждет нас. Я решил, что в доме Кентингов этот вопрос обсуждать не стоит.

— Выкладывай, Сниткинс, — едва переступив порог, приказал Хитт своему помощнику, терпеливо дожидавшемуся нашего появления в квартире Вэнса.

Сниткинс поведал нам, что в верховье реки Ист-Ривер есть небольшая бухточка глубиной около трех футов. Именно там сегодня около девяти часов вечера дежурный полицейский, совершавший обход, обнаружил тело человека. Он заметил, что из воды торчат ноги, и сообщил куда следует. Патологоанатом осмотрел извлеченное из воды тело и заключил, что человек не утонул, а был сброшен в воду уже мертвым. Его сперва ударили тяжелым предметом по голове, после чего утопили. По предположению патологоанатома, человек был мертв уже двенадцать часов. Сколько времени он пролежал в воде, сказать трудно, поскольку в это место на реке никто не заглядывает. Полицейский наткнулся на тело по чистой случайности.

— А что насчет опознания? — спросил Хитт.

— С этим все просто, сэр, — ответил Сниткинс. — Человек точно соответствует описанию Каспара Кентинга, кроме того, на одежде есть бирки с его именем, а содержимое карманов, в частности, портмоне с инициалами, подтверждает, что он — Каспар Кентинг. Даже расческа, которая лежала в его кармане, и та — с инициалами. Да практически на всем, что было при нем и на нем, вплоть до нижнего белья, стояли инициалы или монограммы.

— А пижамы и зубной щетки при нем не было? — спросил Вэнс.

— Про это ничего не сказано, сэр. А что, они тоже нужны для опознания?

— О, нет, не беспокойтесь, — улыбнулся Вэнс. — Я просто любопытно ствовал. В сущности, с опознанием все ясно.

— Отлично, Сниткинс, — удовлетворенно произнес Хитт. — Отправляйся домой и отдыхай, ты славно поработал. Завтра жду тебя в отделе, я привезу кого-нибудь из Кентингов для официального опознания, и ты мне понадобишься.

Сниткинс незаметно исчез из комнаты, за ним последовал и Хитт.

— Что вы думаете об этом, Вэнс? Ведь ваше предсказание о том, что Кентинг мертв, сбылось, — заговорил Маркем, когда мы остались втроем.

— Предсказание? — усмехнулся Вэнс. — Вот уж не претендую на роль деда-всеведа... Я лишь высказал предположение, основанное на увиденном и услышанном. Но в целом, Маркем, ситуация очень серьезная. Она усугубляется еще тем, что мы не можем ничего предпринять и вынуждены лишь наблюдать за происходящим. Подоплека дела — не в похищении, это — хладнокровное убийство с целью... Впрочем, не буду прорицать до поры до времени. — Вэнс подавил зевок, и Маркем, приняв это за намек, вежливо откланялся.

Глава 9

То, что произошло с нами на следующий день, запечатлелось в моей памяти навсегда. В тот день Хитт и мы с Вэнсом были буквально на волосок от гибели. Впрочем, обо всем по порядку.

День начался вполне обычно, если не считать, что Вэнс против обыкновения поднялся рано. В половине девятого мы сели завтракать, и Вэнс, потягивая кофе, заговорил:

— Все-таки, это удивительный и сложный случай, Ван. Честно говоря, у меня вызывает подозрение подлинность вчерашнего покушения на Флила. Промаяхнуться с такого близкого расстояния можно только преднамеренно. Впрочем, Флил здорово струхнул, у него был настоящий шок. Не нравится мне и то, что совершенно случайно поблизости оказался Квэggi ... — Он на некоторое время задумался, затем предложил: — Думаю, нам следует поехать в офис Маркема.

К Маркему мы прибыли в десять часов.

— Что нового? — спросил Вэнс, поздоровавшись с окружным прокурором.

— Да в общем, ничего, — уныло произнес тот. — Сегодня утром произведено опознание тела Каспара Кентинга. На опознание я пригласил его брата, не решившись беспокоить других членов семьи. Детективы, работавшие вечером в спальне миссис Кентинг, никаких посторонних отпечатков не обнаружили. Очевидно, преступники снова были в перчатках.

— Известно что-нибудь о зеленом автомобиле?

— Автомобиль оказался краденым. Он принадлежит одной весьма уважаемой даме. Его угнали, сменили номера и после преступления бросили. Под сиденьем мы обнаружили автомат, из которого стреляли по Флилу. Шофер, подвозивший преступников, тоже ничего нового не сообщил. Он высадил их у входа в подземку на станции «Лексингтон-авеню», причем негодяи, не дожидаясь сдачи, умчались — видимо, спешили на последний поезд.

— Ну что ж, ваша информация исчерпывающая. Кстати, никто не навел справки о преступных сделках с драгоценными камнями?

— Нет, но простите, какая связь между камнями и делом о похищении?

— Дорогой Маркем, — снисходительно произнес Вэнс, — я был уверен, что убедил вас. Это дело не о похищении, и коллекция самоцветов Карла Кентинга имеет к этому самое прямое отношение. Мне думается, что... — Он замолчал при виде секретаря Маркема, зашедшего в кабинет.

Тот вежливо извинился и сказал:

— Некий молодой человек, представившийся как Фелловей, очень просит его принять.

— Пригласите его, — приказал Маркем, и через минуту в кабинет вошел молодой Фелловей. Он был бледнее, чем обычно, казалось, что его глаза выражают ужас.

— Что стряслось? — спокойно спросил его Вэнс.

— Я сейчас все расскажу, — забормотал молодой человек. — Хорошо, что все вы тут. Дело в том, что из нашей коллекции исчез александрит. Помните, тот красивый, крупный камень? Я уверен, что его украли. Два дня назад он был на месте, а сейчас его нет... Вернее, есть, но не он... Понимаете, я хоть и плохо разбираюсь в камнях, но уверен, что этот камень — ценный, дорогой. Знаете, он так интересно менял цвет... Днем был зеленый, а ночью становился красным. Я очень любил смотреть на него, он меня как-то успокаивал. Вот и сегодня утром я спустился по лестнице в нашу «Комнату самоцветов», чтобы посмотреть на него. Так вот, камень, который лежит на его месте, ярко-красного цвета. Я очень удивился, ведь на дворе — утро, и стал внимательно рассматривать его. По форме и размерам он такой же, но огранка совсем другая. Я уверен — сейчас это не александрит. Настоящий камень украли, а вместо него подсунули искусственный, подделку. Вот, посмотрите сами, — и Фелловей протянул Вэнсу камень — большой самоцвет густого красного цвета.

— Вы правы, молодой человек, — осмотрев камень, кивнул Вэнс. — Это действительно подделка, страз. Вы можете определить, когда именно камень подменили?

— Нет. При естественном освещении я видел камень два дня назад, он был зеленый, значит, настоящий. Прошлым вечером я взглянул на него мельком и не могу сказать, был ли это александрит. Только сегодня утром я понял, что камень подменили.

— Как только вернетесь домой, положите камень на место, и никому ничего не рассказывайте без моего ведома. Кстати, у вас есть соображения по поводу того, кто мог бы произвести подмену? — поинтересовался Вэнс.

— Ну, как вам сказать... Есть, конечно. Я считаю, что его подменил Каспар, кто же еще?

— Но ведь Каспар мертв, его тело обнаружено прошлой ночью.

— Вот и, слава богу, наконец-то мы от него избавились, — нисколько не опечалился Фелловей. — Как вы думаете, камень удастся найти?

— Мы постараемся вернуть его, — заверил его Вэнс, и молодой человек походкой старика двинулся к выходу. В дверях он неожиданно столкнулся с Кеньоном Кентингом, сопровождаемым секретарем Маркема, и, враждебно взглянув на Кеньона, молча вышел.

Кеньон Кентинг находился в крайне возбужденном состоянии. Слегка кивнув в знак приветствия, он молча подошел к столу окружного прокурора и выложил перед ним конверт:

— Вот, пришло сегодня утром в офис, еще одно из той же серии. Такое же получил Флил на адрес своего офиса.

Маркем открыл конверт и, вынув из него сложенный лист бумаги, развернул его на столе. Послание гласило:

«ВЫ НЕ ВЫПОЛНИЛИ ИНСТРУКЦИЙ И ОБРАТИЛИСЬ В ПОЛИЦИЮ. В НАКАЗАНИЕ МЫ ПОХИТИЛИ ЕГО ЖЕНУ. ЕСЛИ ВЫ СНОВА ПОПЫТАЕТЕСЬ ОБМАНУТЬ НАС, НАЙДЕТЕ ЕЕ ТАМ ЖЕ, ГДЕ ЕГО. ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ГОТОВЬТЕ 50 000 ДОЛЛАРОВ СЕГОДНЯ, В ПЯТНИЦУ. ВЕЧЕРОМ В ПЯТЬ ПОЛУЧИТЕ ДАЛЬНЕЙШИЕ УКАЗАНИЯ. ЕСЛИ ОПЯТЬ ПОЛИЦИЯ — ОПЯТЬ СМЕРТЬ. БЕРЕГИТЕСЬ».

Бумага была точно такой же, как и у предыдущего письма, и написано оно было таким же простым карандашом и печатными буквами. Вместо подписи — все те же пересекающиеся квадраты.

Некоторое время Вэнс молчал, закрыв глаза, потом потряхнул головой и, обращаясь к Кентингу, спросил:

— Вчера поздно вечером, после того, как мы все ушли из дома вашего брата, стреляли в мистера Флила. Вы ничего не слышали?

— Я был в шоке, когда узнал об этом сегодня утром. Вчера ничего не слышал. Я ведь взял такси и поехал домой. Мистер Флил ушел сразу после меня?

— Ну, минут через десять. За это время вы, наверное, уже далеко отъехали.

В этот момент на столе Маркема затрещал зуммер внутренней связи, и голос секретаря объявил, что в приемной находится мистер Флил, который просит его принять. Через минуту адвокат стремительно вошел в дверь. Он выглядел усталым и опустошенным, явно провел бессонную ночь. Решительно подойдя к столу окружного прокурора, Флил выложил на него конверт и сказал:

— Вот, получено сегодня утром по почте. Почему они прислали его мне? Они считают, что деньги Кентингов лежат у меня под подушкой. Я решил сразу показать его вам, поскольку ума не приложу, что мне предпринять.

Маркем взял конверт, вынул из него лист бумаги, развернул и начал читать.

«ВЫ ВЕДЕТЕ ДВОЙНУЮ ИГРУ. ВЫ ХОРОШИЙ АДВОКАТ, ВЫ КОНТРОЛИРУЕТЕ ДЕНЬГИ И, ЕСЛИ ЗАХОТИТЕ, СМОЖЕТЕ ВСЕ УЛАДИТЬ. ХОТИМ ВИДЕТЬ ВАС СЕГОДНЯ, ГОДА 1936 ОТ РОЖДЕСТВА ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА. ГДЕ И КАК — ЖДИТЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСТРУКЦИЙ. ХИТРИТЬ НЕ СОВЕТУЕМ, МЫ ЛЮДИ СЕРЬЕЗНЫЕ».

Черные квадраты внизу завершали послание.

Маркем передал письмо Вэнсу, тот быстро пробежал глазами текст, убрав листок в конверт, положил его рядом с тем, что принес Кентинг:

— Я бы посоветовал вам, господа, отправиться по своим офисам и сидеть там безвылазно до получения новых известий. Кстати, мистер Кентинг, вам вернули деньги?

— О да, конечно, мистер Вэнс, — ответил за него Маркем, — утром два сотрудника из отдела убийств передали пакет мистери Кентингу.

Как только Кеньон и Флил ушли, Вэнс, подойдя к столу Маркема, вновь взял письмо, адресованное Флилу, и, усевшись в кресло, произнес:

— Удивительное дело — письмо Флилу. Любопытно состряпано... И слог какой-то высокопарный... Между прочим, вы заметили, господа, что оба письма были отправлены из одного и того же почтового отделения в Уэстчестере?

— Я тоже это заметил, — отозвался Маркем. — Но разве это важно?

— Возможно, в этом есть смысл, — нахмурился Вэнс, продолжая вчитываться в корявые буквы. — Что-то я не пойму значения этой фразы: «От рождества Господа нашего...». Очень уж высокий штиль... То ли писавший болен графоманией, то ли это какой-то намек, тайный смысл, понятный сведущему человеку... Если позволите, Маркем, я хотел бы подумать над этим письмом в уединении, в какой-нибудь свободной комнате. Ведь здесь должна быть комната для подсудимых?

— Ну, что вы, мистер Вэнс, — смутился Маркем. — Можете воспользоваться моей комнатой отдыха, там вам никто не помешает.

Вэнс с благодарностью удалился. Маркем начал перебирать бумаги на своем столе, а я маялся от безделья и отсутствия собеседника. Вскоре появился сержант Хитт, которому Маркем предложил расположиться в одном из кресел и подождать, пока наша «мыслительная лаборатория», как он охарактеризовал Вэнса, закончит изучение письма. Прошло минут

пятнадцать, когда, наконец, узкая дверь комнаты отдыха отворилась, и Вэнс вновь присоединился к нам. Он дружески приветствовал Хитта и обратился к Маркему с вопросом:

— У вас есть подробная карта Нью-Йорка?

— Карта висит вон там, — указал Маркем на стену, — можете изучить.

Вэнс некоторое время старательно разглядывал ее, потом снова спросил:

— А справочник границ почтовых отделений можно посмотреть?

Терпеливо молчавший Маркем подошел к Вэнсу и протянул ему справочник. Вэнс, попеременно глядя то на карту, то в справочник, провел пальцем по карте, как бы обводя некую границу и бормоча: «Пелхем... Кингленд... Мейс... Гинхилл... Хетчисон...». — Вдруг его палец замер, и он с торжествующим видом обернулся к нам: — Есть! Вот оно! Я понял смысл высокой фразы!

— О чем это вы? — изумленно спросил Маркем.

— А вот о чем. Год 1936 от рождества Господа нашего, Иисуса Христа, — это шифр. В очерченном мной секторе есть Лорд-стрит. Это район пустырей и недостроенных автострад. 1936 — номер дома, ближе к водоему, где расположены дома с номерами 1900 и выше. Кроме того, я выяснил, что самый удобный способ добраться туда — подземкой, со станции «Лексингтон-авеню».

— Понимаю, что вы хотите сказать, — произнес Маркем. — Однако ваша догадка несколько странная, туманная и беспочвенная... Может быть, это вовсе не адрес? Вы считаете, что мы должны на всякий случай послать туда детективов?

— Совсем не считаю! — отозвался Вэнс. — Ваши доблестные копы могут спугнуть преступников и испортить все дело. Тут надо дей-

ствовать хитростью. Я пойду туда сам. Возможно, это погоня за призраками, но проверить мою версию необходимо. Готовится что-то ужасное, зловещее...

— Ну, уж нет, Вэнс, — возразил Маркем. — Вас надо подстраховать.

— Я иду с вами, сэр. Уверен, что буду вам полезен, — поднявшись с кресла, решительно заявил Хитт.

— Хорошо, — согласился Вэнс. — Вы действительно можете пригодиться. Кстати, постарайтесь организовать незаметное наблюдение за указанным местом.— Он вырвал лист бумаги из лежавшего на столе Маркема блокнота и стал быстро что-то чертить на нем, после чего сложил листок и передал Хитту.

— Я позабочусь об этом, — отчеканил сержант. — Когда выезжаем?

— Как только стемнеет. Жду вас у себя в восемь тридцать вечера. Отправляемся на моей машине.

— Буду ровно в восемь тридцать, сэр, с оружием.

— Пожалуй, действительно, с оружием...

После разговора с Хиттом Вэнс недолго оставался у окружного прокурора. Маркем всячески пытался вытянуть из него подробности плана, а также выяснить, почему мой друг придает значение подмене камня в коллекции Кентинга, и что же такого информативного он обнаружил в письмах Кентингу и Флилу. Но Вэнс был непреклонен и рассказывать явно ничего не желал. В конце концов Маркем даже немного обиделся.

— Надеюсь, — заговорил он, — что как шеф Управления полиции, я могу приказать сержанту Хитту показать мне, что написано на листке, который вы ему передали?

— Разумеется, можете, — кивнул Вэнс, — однако я уверен, что вы, как человек благородный, этого не сделаете. Более того, искренне прошу вас этого не делать и довериться мне буквально до сегодняшнего вечера. Уверяю вас, у меня есть очень веские основания для моего упрямства. Кроме того, я ни на минуту не забываю, что вы — окружной прокурор Нью-Йорка. — С этими словами он подошел к Маркему и протянул ему руку. Тот крепко пожал ее, после чего Вэнс, ни слова не говоря, вышел из офиса.

Было время ланча, и мы с Вэнсом отправились в ресторан «Кевье», где подавали его любимый бренди. За трапезой говорили мало и, в основном, на темы, далекие от дела Кентинга. После того, как Вэнс закончил наслаждаться любимым бренди, мы отправились домой, и до вечера Вэнс провел в одиночестве, в библиотеке.

Около шести часов появился Маркем.

— Какие новости? — спросил он.

— Пока никаких, — ответил Вэнс. — Ни Флил, ни Кентинг не давали о себе знать.

— Я почему-то жду неприятностей, — заявил Маркем. — Час назад позвонил в офис Кентинга, и мне сказали, что он уехал домой. Дома же дворецкий ответил, что Кентинг появился, но тут же снова уехал, сказав, что к обеду не вернется.

— Странно... Как будто он от нас прячется. В «Пурпурном доме» его тоже нет?

— Нет, и его там не ждут.

— Любопытно... А что Флил?

— Аналогичная ситуация. Из офиса уехал рано, дома его нет...

— Два неуловимых страдальца... Что ж, пусть пострадают в одиночестве.

Маркем вскоре уехал, и мы с Вэнсом снова остались одни. Вэнс углубился в чтение, я вздремнул. Ровно в половине девятого прибыл сержант Хитт, и мы начали собираться. Вэнс достал из ящика стола пистолет, а я получил второй экземпляр с комментарием:

— На сей раз, Ван, советую положить его в наружный карман. Трудно представить, что нас ожидает, и если игрушка понадобится, пусть будет поближе. — Он повернулся к Хитту и командовал: — Идемте, сержант, пора. Труба зовет, пора в поход.

Погрузившись в автомобиль Вэнса, мы поехали вверх по Пятой авеню, пересекли реку Гарлем по направлению к Бронксу, свернули на юг и вскоре припарковались как раз за углом Лорд-стрит.

— Ну вот, нужный номер дома находится где-то рядом, — проговорил Вэнс, и мы двинулись пешком по узкой, пустынной, словно незастроенной улочке. Там и сям из темноты выступали старые деревянные лачуги, словно заплатки на одежке нищего.

— Нужный нам дом находится на этой стороне улицы, — шепотом сообщил Вэнс, — по-моему, это вон то двухэтажное нечто сразу за пустырем.

— Вы правы, сэр, — согласился Хитт.

Вскоре мы остановились перед небольшим ветхим строением, каким-то особенно мрачным и темным. Оказалось, что постройка вообще не имела окон. Хитт осторожно поднялся на крыльцо и осветил стену фонариком. На углу строения мы разглядели табличку с нужным номером дома. Сержант взмахом руки подозвал нас, мы поднялись на крыльцо и остановились возле двери. Вместо звонка висел шнурок с кисточкой на конце, и Вэнс решительно дернул за нее. После довольно долгого ожидания раздался звук неспешно отодвигаемого засова. Дверь приоткрылась, и сквозь щель на нас уставилось маленькое желтоватое личико китайца. Вэнс просунул ногу в образовавшуюся щель, приналег плечом, и дверь распахнулась. Перед нами в тусклом свете газового рожка, свисавшего с потолка в углу прихожей, предстал китаец, одетый в черную пижаму и сандалии.

— Сито васа хосита? — враждебным тоном спросил он, пятясь к стене.

— Нам нужно увидеть миссис Кентинг, — тихо проговорил Вэнс.

— Моя ни снаета никакая Кенитина. Ситесь никакво нета. Васа осибася домом. Ухадите! — на одном дыхании выпалил китаец, продолжая пятиться.

Вэнс неожиданно выхватил носовой платок и, схватив китайца за шею, заткнул ему рот, одновременно прижав человечка к стене. Тут-то я и заметил примерно в футах от нас кнопочку звонка на стене, к которой так старательно пятился китаец. Прижатый к стене тренированной рукой Вэнса, он не шевелился, очевидно, понимая, что любая попытка освободиться будет напрасной. Потом, совершенно неожиданно, резко поднял голову и с необычайной ловкостью бросился на Вэнса. Ноги его обхватили талию Вэнса, а руки сжались на горле моего друга. Но Хитт не зря был рядом. Не долго думая, он со всей силы обрушил на голову китайца рукоять своего полицейского револьвера, и тот, словно кукла, свалился к ногам Вэнса.

— Будет отдыхать примерно час, — осмотрев лежавшего на полу китайца, сказал Вэнс. — Думаю, остальная компания — наверху. — Он осторожно шагнул к лестнице, покрытой ковром, мы с Хиттом последовали за ним.

Поднявшись, мы оказались в узком и длинном коридоре, освещаемом таким же тусклым газовым рожком. На наше счастье, пол был покрыт вытертой ковровой дорожкой, приглушавшей шаги. В коридор выходила

единственная дверь, из-под которой выбивалась слабая полоска света и раздавались приглушенные голоса. Вэнс осторожно повернул дверную ручку, дверь открылась, и мы увидели убогую комнату с большим, грубо сколоченным столом, за которым двое мужчин играли в карты. В одном из игроков я сразу же узнал оборванца, сидевшего на скамейке в парке и следившего за Флилом. Мужчины обернулись на дверь, и Вэнс едва успел крикнуть: «Ложись, Ван!», — как раздались два оглушительных выстрела. Пули просвистели выше наших голов, и мы с Хиттом мгновенно упали на пол. Вэнс выстрелил в ответ, и я заметил, что один из мужчин упал лицом на стол. Второй же ударил по газовой лампе, послышался звон битого стекла, и комната погрузилась во мрак. Послышались новые выстрелы, но я продолжал лежать на полу, понимая, что помощи от меня нет никакой. Наконец выстрелы прекратились, наступила тишина, которая была нарушена звуком опрокинутого стула и глухим ударом падающего тела. Я боялся пошевелиться, но тут, к своему большому облегчению, услышал милый моему сердцу голос Вэнса:

— Какого черта здесь так темно? Когда мы входили в дом, я заметил электропроводку.

Я слышал, как мой друг шарит в темноте. Хитт, наконец, включил свой фонарик и, осветив комнату, помог Вэнсу найти выключатель.

— С тобой все в порядке, Ван? — заботливо спросил Вэнс.

Я заверил, что со мной все отлично, что у меня ни единой царапины, но не стрелял я потому, что в темноте боялся попасть в него.

Вэнс подошел к столу и, осмотрев тела двух мужчин, усмехнулся:

— Оба мертвы, сержант. Метко я стрелял, однако!

— Еще как метко, мистер Вэнс, сэр, — с восторгом произнес Хитт. — Мы с вашим другом были вам не помощью, а обузой.

— Вы поддерживали меня морально и не давали расслабляться, — парировал Вэнс. — А теперь хватит обмениваться комплиментами, давайте все здесь осмотрим.

В широком алькове в дальнем углу комнаты белела крашенная железная кровать, отделенная от остального помещения засаленными репсовыми занавесками. Вэнс шагнул к кровати, отдернул занавески, и мы увидели полуоткрытую дверь. Напротив нее стояло бюро с большим зеркалом над ним. Вэнс, поглядывая в зеркало, выдвигал поочередно ящики бюро, рассматривая разбросанные в них туалетные принадлежности. В одном из ящиков он обнаружил новую летнюю пижаму из чесучи, в другом обнаружилась пропавшая зубная щетка, причем совершенно сухая.

Вдруг Вэнс отчаянно крикнул: «Берегись, ребята!» — и со стороны черного хода почти одновременно с его криком грянули два выстрела. Он моментально развернулся и несколько раз выстрелил в ответ. Стрелявший, элегантно одетый, худой господин, так внезапно возникший у черного хода, выронил револьвер и, прижав обе руки к животу, стал медленно оседать на пол.

Хитт, схватившись за предплечье и пошатываясь, опустился на кровать. Оказалось, что пуля задела его руку.

— Похоже, этот малый не промахнулся, — невесело усмехнулся сержант.

Вэнс осмотрел руку сержанта и, достав носовой платок, ловко перевязал рану.

Неожиданно раздался телефонный звонок, и, оглядевшись, мы заметили, что на каминной доске стоит допотопного вида аппарат. Вэнс хотел было ответить, но Хитт жестом здоровой руки остановил его и, сняв трубку, грубо рявкнул:

— Ну?! ... И чего? ...Знать ничего не знаю, вы, верно, ошиблись номером, — после чего сердито бросил трубку на рычаг.

— Мне кажется, вы узнали голос, — вкрадчиво заметил Вэнс.

— Само собой, узнал. Этот голосок ни с кем не перепутаешь. А вы-то, хитрый лис, небось, еще утром знали, кто позвонит сюда ночью.

— Не то, чтобы знал, но догадывался, и очень хотел бы ошибиться... Давайте лучше продолжать осмотр.

С этими словами мой друг подошел к двери черного хода и, перешагнув через труп, оказался в крохотной комнатке. Мы неотступно следовали за ним. В комнате было совсем темно, и Хитт снова включил свой фонарь,

при помощи которого мы в очередной раз нашли выключатель. Это оказалась комната без окон, скорее, кладовка, в которую явно не без труда была втиснута узкая кровать. На кровати неподвижно лежала женщина. Руки ее были привязаны к прутьям кровати, а рот заклеен пластырем. Вэнс резким движением сорвал пластырь, женщина вздрогнула и глубоко вздохнула. Мы с Хиттом поторопились развязать веревки, а Вэнс тем временем, приподняв голову женщины, влил ей в рот немного бренди из своей походной фляжки. Миссис Кентинг, а это была она, сделала глоток и закашлялась. Вэнс поднял ее на руки и понес к выходу.

— Надо немедленно доставить ее в больницу, Ван.

Мы молча спустились вниз. Китаец неподвижно лежал там, где мы его оставили.

— Надо бы подтащить его к трубе, мистер Ван Дайн, — заговорил сержант, — но без вашей помощи мне не обойтись. У меня занемела рука.

Я заметил ржавую водопроводную трубу, идущую по стене недалеко от того места, где лежал китаец, и поволок к ней беспомощное тело. Хитт одной рукой вытащил наручники и пристегнул руки китайца к трубе, после чего, достав из кармана кусок веревки, приказал мне связать китаюцу ноги. Я выполнил приказ, и мы покинули дом. Вэнс был уже в машине, размещая миссис Кентинг на заднем сиденье. Мы с Хиттом вдвоем устроились на переднем, и Вэнс тронулся в путь. Проехав два квартала, мы приблизились к полицейскому посту, и Хитт, попросив остановить машину, обратился к полицейскому со словами:

— Срочно отправляйся на Лорд-стрит, второй дом от пересечения с Уорринг-авеню. Подежурь там, а я сейчас позвоню своим ребятам в 47-й участок, и в отдел по расследованию

убийств, так что подкрепление прибудет скоро. Сам я вернусь примерно через час. Учти, там притон, в нем три трупа и один живой китаец, прикованный к трубе в прихожей. Кстати, вызови «скорую» на всякий случай.

— Слушаю, сэр! — отчеканил полицейский и широко зашагал в сторону Уорринг-авеню.

— В этой части города, возле Бронкс-Парк, есть больница «Доран», я еду туда, — сообщил Вэнс, трогаясь с места. — Мы должны убедиться, что состояние миссис Кентинг вне опасности.

Через минут пятнадцать мы были уже у входа в больницу, Вэнс вынес миссис Кентинг на руках и зашагал в приемный покой. Вскоре он вернулся и сообщил, что с миссис Кентинг ничего серьезного, но некоторое время она пробудет под наблюдением врачей, и, обращаясь к Хитту, заметил:

— А вы чего ждете? Марш в перевязочную!

Хитт начал было возражать, но Вэнс решительно схватил его за рукав и поволок в приемный покой. Вскоре он вернулся один.

— С нашим доблестным сержантом все в порядке, но его немного подержат, так что мы возвращаемся без него, — подытожил Вэнс и завел мотор.

Когда мы добрались до квартиры Вэнса, дверь нам открыл обеспокоенный Карри, явно не сомкнувший глаз в ожидании нашего прибытия.

— Вас ожидает мистер Маркем, сэр, он в библиотеке, — доложил старик-дворецкий тоном верного солдата.

— Спасибо, Карри, иди отдыхать, я теперь сам обо всем позабочусь, — сказал Вэнс, и мы прошли в библиотеку.

Маркем расхаживал по библиотеке взад-вперед с сигарой в зубах. Увидев нас, он улыбнулся:

— Ну, наконец-то! Рассказывайте скорее, что вы там обнаружили? Большой рекламный щит с надписью «Место для застройки»?

— Вы не угадали, — ехидно ответил Вэнс. — Думаю, что доставил вам некоторые неприятности. Там три трупа моего производства.

Маркем молча уставился на моего друга, не понимая, шутит он или говорит правду.

— Вы это серьезно? — спросил он наконец.

— Уж куда серьезнее. Вам предстоит спасти меня от неприятных последствий. Дело в том, что мне случайно удалось разыскать миссис Кентинг. Я отвез ее в больницу «Доран», где она пробудет некоторое время. Ее освобождение стоило кое-кому жизни.

— Вы знаете, кто эти трое?

— Понятия не имею. Один из них, со слов Вана, следил за Флилом той ночью в парке, сидя на скамейке. Двое других, мне кажется, из зеленого автомобиля, про который нам рассказывали Маклоклан и Флил. Там есть еще четвертый, но он, надеюсь, жив. В любом случае, мой дорогой Маркем, не стоит печалиться об этих сомнительных личностях. Все они не относятся к категории добропорядочных граждан, и светлые умы Управления полиции быстро это установят.

Высказывания Вэнса были прерваны звонком в дверь, и через минуту в библиотеку вошел сержант Хитт. Лицо его было бледно, рука находилась на перевязи, но настрой явно бодрый. Повернувшись к Вэнсу, он с сожалением произнес:

— Врач не позволил мне возвращаться на место происшествия, сэр, но я получил рапорт из тамошнего полицейского участка. Три трупа отправлены в морг, а китаец жив, так что нам, возможно, удастся...

— Из китайца вы ничего не вытянете, — перебил его Вэнс, — даже ваши методы давления ничего не дадут. Я хорошо знаю китайцев. Скорее уж миссис Кентинг расскажет нам историю своего похищения. А сейчас, господа, всем нам надо отдохнуть, с тем, чтобы завтра, примерно в полдень, всем собраться в «Пурпурном доме» и пролить свет на это грязное дело. Под «всеми» я подразумеваю Флила, Кеньона Кентинга и Квэгги. Миссис Фелловей и ее сын, надеюсь, будут там в любом случае.

Не волнуйтесь, мистер Вэнс, — понимающе усмехнулся Хитт. — Я всех соберу ровно в полдень, сэр.

Пожелав нам спокойной ночи, Хитт и Маркем отбыли по домам.

Глава 10

На следующее утро Вэнс был, как ни странно, весел. Перед завтраком он позвонил Хитту и долго о чем-то толковал с ним.

Ближе к полудню к нам присоединился осунувшийся Маркем.

— Думаю, вы получите медаль, Вэнс, — заговорил он, облокочиваясь на каминную полку и закуривая сигару. — Все три трупа опознаны. Они много лет в картотеке полиции, и охота за ними велась давно. Двое из них отбывали срок, один — за вымогательство, второй — за убийство. Третий дружок — давно известный нам Гилт Ламарн, мошенник с дюжиной разных имен. Его арестовывали девять раз, но ни разу не смогли осудить. Восемь месяцев назад мы получили на него серьезный компромат, но изловить никак не могли. Так что тревожиться вам не о чем, более того, вы станете своего рода национальным героем, и при выходе на Бродвей вас будут осыпать серпантином благодарные граждане.

— О серпантине и медалях поговорим позже, — прервал его Вэнс. — А сейчас едем в «Пурпурный дом» и завершим расследование.

Без четверти двенадцать он доставил нас на своем автомобиле в дом Кентингов. Хитт с помощником были уже там, а чуть позднее прибыли Флил и Кеньон Кентинг. Вслед за ними появился Квэгги. Как только мы заняли места в креслах, к нам спустилась миссис Фелловой, поддерживаемая под руку Фреймом.

Вэнс расположился в кресле у окна и, закурив сигарету, заговорил:

— Позвольте, господа, изложить вам суть этой истории, как она видится мне. Прежде всего, я утверждаю, что это дело — не о похищении. Просто кому-то очень нужны были деньги, и раздобыть их казалось ему делом не слишком сложным. Этот «кто-то» разработал хитрый и коварный план, в котором, к сожалению, для него, оказался ряд просчетов.

Итак, у Каспара Кентинга после его возвращения из казино вместе с мистером Квэгги было назначено свидание рано утром. Он приехал домой, переоделся и отправился на встречу. Полагаю, что она связана с финансовыми проблемами Каспара. Те два джентльмена, о которых говорила нам его супруга, были людьми совершенно безобидными, желавшими лишь взыскать долг с ее мужа. Один из них — знакомый мне букмекер, а другой — владелец подпольного игорного дома, который Каспар наверняка ка посещал.

Так вот, уехав утром из дома, Каспар встретился не с тем, с кем должен был встретиться, а с двумя другими, неизвестными ему личностями. Прежде чем он успел заподозрить недоброе, его ударили по голове, сунули в зеленый автомобиль и отвезли к Ист-Ривер, куда и сбросили в надежде,

что тело найдут не скоро. Это было предумышленное убийство, совершенное профессионалами, специально нанятыми для этой цели. Человек, «заказавший» Каспара Кентинга, понимал, что, останься тот жив, над заказчиком нависает серьезная опасность и угроза разоблачения. Китаец, лежащий сейчас в тюремной больнице, тоже член банды убийц. Он влез в окно по приставной лестнице, взял зубную щетку, расческу, пижаму, приколот записку, одним словом, создал видимость «самопохищения» Кентинга, якобы устроенного им с целью выманить из семьи деньги для покрытия карточных долгов.

Первый прокол в плане произошел в связи с письмом о выкупе, который надо было положить в дупло. Карты спутала миссис Фелловой. Далее миссис Кентинг, очевидно, хитростью выманенная из дома, в надежде получить весточку от мужа, отправилась в десять часов вечера на встречу с человеком, которому явно доверяла.

Ее, впрочем, не убили, а действительно похитили, спрятав в заброшенном притоне, и держали в качестве заложницы. У меня сложилось впечатление, что «кто-то», преступник, разработавший этот коварный план, не смог сразу расплатиться с убийцами Кентинга, а в их услугах он все еще нуждался — ведь миссис Кентинг представляла для него угрозу, поскольку могла рассказать, кто назначил ей встречу. Следовательно, ее надо было изолировать. Кстати, в тот вечер миссис Кентинг пользовалась духами «Изумруд», что, как я уже отмечал, несвойственно блондинкам. Возможно, она хотела сделать приятное человеку, подарившему ей эти духи. Мне удалось узнать имя дарителя...

Теперь о коллекции самоцветов Кентинга-отца. Каспар опустошал ее, ловко подстрекая-

мый человеком, скупавшим камни за бесценок, в надежде выгодно их продать. Однако сделать это не так просто, поскольку истинные коллекционеры, способные дать реальную цену, интересуются происхождением камня и относятся к этому вопросу серьезно. Подлинно ценные камни уже отсутствовали в коллекции, когда в то утро я бегло осмотрел ее. Там нет черных опалов, нет образцов нефрита, а вчера утром исчез крупный александрит. Похищение самоцветов, между прочим, прямо указывает нам на преступника.

— Уж не на меня ли? — подал голос Квэгги. — Раз вы видели опалы у меня, так я...

— Или на меня? — перебил его Флил, напустив на себя напыщенный вид.

— Поговорим теперь о письмах с требованием выкупа, — не обращая внимания на их слова, продолжил Вэнс. — Все они, кроме одного, последнего, полученного вчера мистером Флилом, сочинены человеком, задумавшим убийство Каспара Кентинга, и направлены на то, чтобы отвести подозрения от себя и убедить мистера Кеньона Кентинга собрать сумму выкупа как можно скорее. Я располагаю показаниями двух человек относительно суммы выкупа. Один говорил о пятидесяти тысячах, другой, с целью отвести подозрение, о тридцати. — Он взглянул на Флила: — Возможно, Каспар действительно просил у вас тридцать тысяч, а у брата — пятьдесят. Кеньон Кентинг вряд ли врал относительно суммы — ему ведь предстояло собирать деньги и платить, а вот вам был прямой смысл соврать. — Вэнс молча обвел взглядом притихших слушателей: — Второе письмо, адресованное мистеру Флилу, предназначалось не только для получения выкупа, но и для отведения от себя подозрений. Негодяю не пришло в голову, что зашифрованный в письме адрес, предназначенный только адресату, может расшифровать кто-то еще. Таким образом, — повернулся он к Флилу, — у меня возникли подозрения относительно вас, мистер Флил. Понимая, что часть вашего плана не сработала, вы вызвались помогать нам, чтобы отвести от себя подозрение, в частности, понесли деньги в парк. Один из нанятых вами же сообщников следил за вами, чтобы забрать деньги в случае удачного исхода операции. Поняв, что операция провалилась, он сообщил остальным, и в качестве гаранта оплаты была использована миссис Кентинг.

— Очень хорошая версия, мистер Вэнс, — бесстрастно заметил Флил. — Она показывает незаурядность вашего ума, но абсолютно не соответствует действительности. Вы забыли, что в день похищения миссис Кентинг на меня тоже было совершено покушение?

— Что вы, я ничего не забыл, — улыбнулся Вэнс. — Вы ведь были так напуганы нападением! Вы спаслись чудом! Вам просто повезло! А на самом деле? На самом деле, джентльмены с автоматом не имели цели изрешетить вас, ибо, имея они такую цель, от вас бы осталось мокрое место, уж простите мою грубость. Они должны были лишь хорошенько припугнуть вас и дать понять, что вас ждет, если вы будете тянуть с оплатой их услуг.

— Ваша версия просто смешна, — вставая с кресла, зло заметил Флил. — В своих предположениях вы зашли слишком далеко и буквально оскорбили меня.

— Полагаю, — с холодной улыбкой продолжал Вэнс, — что аудиторы, работающие сейчас с вашими финансовыми документами, оскорбят вас куда сильнее, я уж не говорю о полиции, которая тщательно исследует содержимое вашего сейфа.

Несколько мгновений Флил, нахмурившись, молча смотрел на Вэнса и вдруг, отступив назад, выхватил из кармана пистолет, приставив к виску, нажал на курок и замертво рухнул на пол.

— Мертв, — осмотрев распростертое на полу тело, констатировал Вэнс. — Предусмотрительный, мерзавец. Избавил нас от юридических тонкостей. Что ж, он свое заслужил. А теперь, мистер Кентинг, скажите нам, передали ли вы вчера Флилу пятьдесят тысяч долларов?

— Да, господа! — воскликнул Кеньон Кентинг, взволнованно вскочив на ноги. — Я передал ему деньги вчера вечером, вскоре после девяти. Флил получил последние инструкции и, позвонив мне, сказал, что деньги надо доставить куда-то на окраину Бронкса к десяти вечера. Честно говоря, я побоялся сообщать в полицию, да и Флил меня всячески отговаривал, а я верил ему. Поэтому и не позвонил мистеру Маркему, и не отвечал на его звонки. Я желал только одно-

го — чтобы Маделайн осталась цела и невредима, и надеялся, что Флил все устроит.

— Я понимаю вас, мистер Кентинг, — успокоил его Вэнс. — Я был уверен, что вы передали ему деньги прошлым вечером. Кстати, когда мы находились в том притоне, он звонил туда, очевидно, желая договориться о выплате гонорара убийцам, и Хитт узнал его голос по телефону. Он, конечно же, не получал никаких инструкций, а просто морочил вас. Ему срочно нужны были деньги, и он потерял голову. Наверняка он истратил вверенные ему деньги Кентингов на всякие финансовые авантюры. Окончательный ответ мы получим в отчете аудиторов фирмы «Ститт и Маккой», проверяющих состояние финансов семьи Кентингов и бухгалтерию Флила. Впрочем, сейчас это уже неважно.

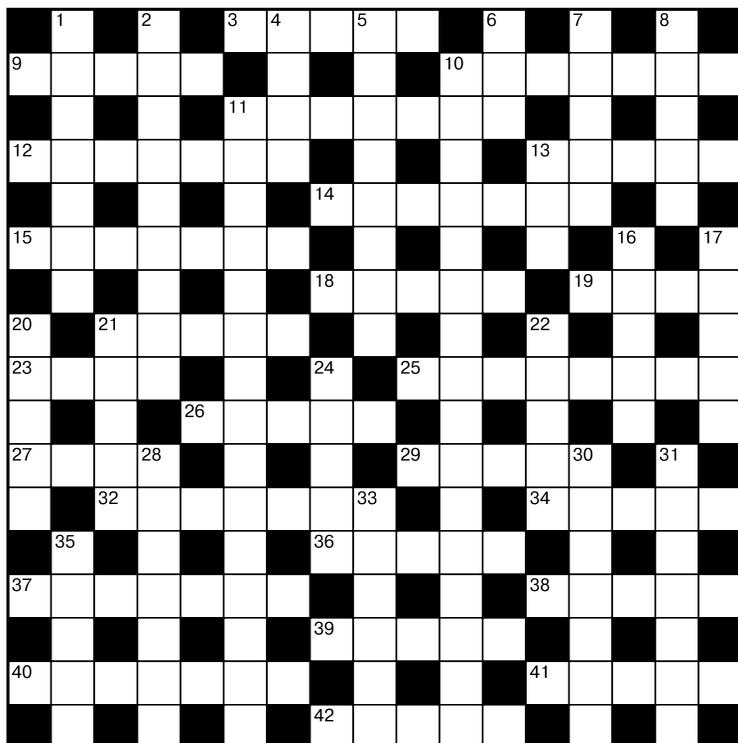
В конце дня нам представилась возможность познакомиться с отчетом аудиторов. Версия Вэнса подтвердилась: в своих крупных спекулятивных сделках Флил не раз пользовался деньгами Кентингов. Банк требовал возврата предоставляемых ссуд, которые адвокат брал на правах распорядителя состояния. Растрата составила около пятидесяти тысяч долларов, собственные деньги он давно потерял в различных сомнительных предприятиях, возратить долг не мог, а недостачу должны были выявить со дня на день. В его сейфе обнаружили почти все исчезнувшие из коллекции самоцветы, в том числе и александрит.

Кеньон Кентинг женился на Маделайн, а миссис Фелловой воспользовалась рекомендацией Вэнса и отправила сына к эндокринологу. Результат довольно длительного лечения превзошел все ожидания. Юноша буквально расцвел: кожа его приобрела здоровый цвет, глаза горели энергией, движения стали решительными и быстрыми, и вся его манера поведения решительным образом поменялась. Как-то раз, встретив юношу во время прогулки, Вэнс небрежно поинтересовался, как поживает его коллекция марок. Фрейм любезно улыбнулся в ответ и сказал, что филателией он больше не увлекается, и на всякие пустяки у него нет времени, поскольку он получил место в Музее естественных наук и старается продвигаться по службе.

Между прочим, женившись на Маделайн, Кеньон Кентинг тщательно счистил со стен дома остатки пурпурной краски, собственноручно орудуя скребком, и вернул камню первоизданный, естественный цвет. С тех пор особняк Кентингов приобрел весьма уютный и неброский вид, и его перестали называть «Пурпурным домом». □

Перевод с английского **Марины Жалинской**

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Главный академик» из песни «Утренняя гимнастика» от Владимира Высоцкого. **9.** Инструмент для партии Дедушки из симфонической сказки «Петя и Волк» Сергея Прокофьева. **10.** Соедините слова «раскачивать» и «сани», чтобы у вас получилась спортивная дисциплина. **11.** Веселый пустомеля. **12.** Какую фамилию носила до замужества леди Диана? **13.** Однажды, глядя на эту птицу, великая Фаина Раневская

заметила: «МХАТ полетел». **14.** Что придумал Альфред Нобель, создавая «нечто менее опасное, чем нитроглицерин»? **15.** Какое ведомство установило шефство над могилой знаменитого артиста Павла Луспекаева? **18.** За какой роман принялся Федор Достоевский, прося все деньги в казино Баден-Бадена? **19.** «Но мы построили с тобой последний хрупкий ..., за возвращение любви я поднимаю тост». **21.** Чем, кроме револь-

вера, был вооружен городской в до-революционной России? **23.** Замена десятку зонтиков. **25.** Главный цветок Дня Матери, отмечаемого в Соединенных Штатах и Канаде. **26.** Претензия на новизну. **27.** Бульдожка с кошку. **29.** Какой музей гордится лучшей в мире коллекцией полотен Франсиско Гойи? **32.** Что устроили супруги Мак-Каски из новеллы «В антракте» О. Генри? **34.** Ликвидатор вопроса. **36.** «Можно дать ..., но нельзя заставить ему следовать». **37.** Родная планета для знаменитого Супермена. **38.** Шекспировские строки: «Украдкой ... с тонким мастерством волшебный праздник создает для глаз. И то же ... в беге круговом уносит все, что радовало нас». **39.** Она призывает из двух блюв выбрать меньшее. **40.** Что символизирует голубой цвет в наряде израильской невесты? **41.** Дерево, мистически восстанавливающее память и усиливающее интуицию. **42.** Самый тяжелый из благородных газов.

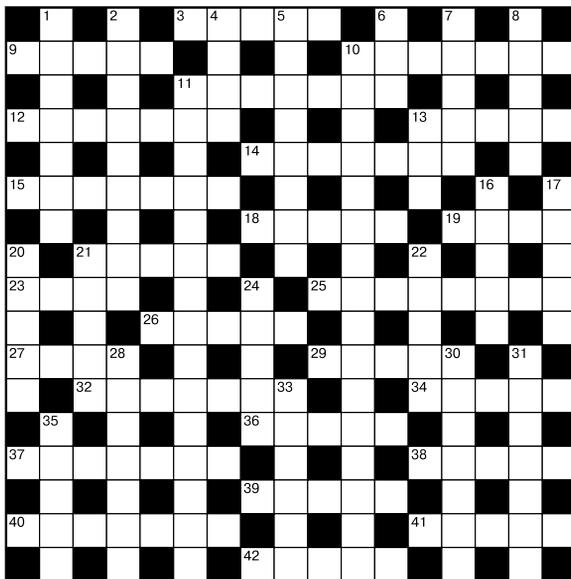
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Американец, семь раз выигрывавший Уимблдон. **2.** Откуда «пригласительные билеты» в армию приходят? **4.** Чтобы ... весил

один фунт, ему надо расти приблизительно семь лет. **5.** Птица, которая питается креветками, от того и становится розовой. **6.** «При попытке ограбления Билла Гейтса ... просто умер от зависти». **7.** Редчайший из галогенов. **8.** Единственный участник шахматной баталии, что не может ходить назад. **10.** «Изящная словесность» среди бюрократов. **11.** «Овация для преступника». **13.** Кто вместе с Дейлом спешил на помощь в популярном мультике? **16.** Говорят, что Россию охраняют три сестры — Вера, Надежда, Любовь. Как зовут их мать? **17.** «В битве побеждает тот, кто перед битвой испытал ...» (китайская мудрость). **20.** «Новобрачная печать» в паспорте. **21.** Самая подходящая водка, чтобы закусывать баварскими колбасками. **22.** Какой борьбой в детстве занимался Михаэль Шумахер? **24.** Подпись Штирлица. **28.** Что похитил у Зевса бог торговли Гермес? **30.** Более изощренный сын. **31.** Американский штат из жизни писателя Александра Солженицына. **33.** Арсенал, доставляющий разуму всякого рода оружие, наступательное и оборонительное. **35.** Отпуск пополам с морской болезнью.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Свист. **9.** Лопух. **10.** Морозко. **11.** Желатин. **12.** Боливар. **13.** Тетка. **14.** Дуремар. **17.** Волан. **20.** Ирак. **23.** Палица. **24.** Новосибирск. **25.** Клон. **26.** Бред. **27.** Эфиоп. **29.** Пасха. **31.** Кулон. **32.** Борн. **33.** Чипсы. **34.** Шаман. **35.** Вождь. **37.** Буран. **38.** Заговор. **39.** Литва. **40.** Акрил. **41.** Диккенс. **42.** Шарик.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Сокол. **2.** Рубин. **4.** Веер. **5.** Скакун. **6.** Дон. **7.** Ковер. **8.** Скука. **10.** Мизер. **11.** Жаворонок. **13.** Табак. **14.** Давид. **15.** Вилка. **16.** Канон. **18.** Вибрион. **19.** Сардина. **21.** Конфискация. **22.** Диван. **23.** Психоанализ. **28.** Пуговица. **29.** Поддавки. **30.** Шипучка. **32.** Бабочка. **36.** Война.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Из какой стали сделан стилет внутри булавы президента Украины? **9.** Какая аквариумная рыбка первой побывала в космосе? **10.** Рогатый бог кельтов. **11.** Наш первый в мире чемпион мира по летнему биатлону. **12.** Гриб, чья настойка не дает хрусталику мутнеть. **13.** Железнодорожная станция, связанная с крушением поезда, в котором ехал Александр III. **14.** Французский художник Жак Луи Давид, создавая свою картину «Переход Бонапарта через перевал Сен-Бернар», использовал подлинные вещи Наполеона — шпагу, сапоги и треуголку. «Кто» ему при этом позировал? **15.** Какой класс яхт «принес» нашему легендарному яхтсмену Ва-

лентину Манкину вторую золотую олимпийскую медаль? **18.** Государственный флаг Великобритании иначе называют «... джек». **19.** Осадная башня у древних римлян. **21.** «Танец первого свидания» у адыгейцев. **23.** На какого бога Нефертити молилась? **25.** «Самый неумелый волшебник на свете» из романов Терри Пратчетта. **26.** Какой продюсер зажег звезду Мирей Матье? **27.** Великий итальянский гуманист Леон Альберти избрал своей эмблемой «крылатый ...», объяснив, что «нет ничего более могущественного и достойного». **29.** «И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и ... жизни в том же». **32.** Мать Ярослава Мудрого. **34.** Спе-

циальные щипцы для откупоривания особо выдержанного портвейна. **36.** Рыцарь со львом за «круглым столом». **37.** В честь какой реки русские кулинары назвали популярный в начале XX века пивной суп? **38.** Турецкие голубцы с виноградными листьями. **39.** Имя столицы Исландии с кельтского переводят как «Дымящаяся ...». **40.** Первый опубликованный роман Валентина Пикуля «Океанский ...». **41.** Какую деталь Ники имитирует логотип «Найка»? **42.** «Майкрософт» советует начать работу с нажатия этой кнопки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Знахарь, на месте особняка которого сожгли гроб с Григорием Распутиным. **2.** Самолет, погубивший норвежского путешественника Руаля Амундсена. **4.** «Основной ... всех революций — твоя же власть тебя же сожрет, если не сумеешь ее оседлать». **5.** Германские племена, после победы над которыми легендарный Хлодвиг принял христианство. **6.** «Символ мужества» с гравюры «Святой Иероним» великого Альбрехта Дюрера. **7.** Копье франков. **8.** Один из афинских хол-

мов. **10.** Хранитель дворцового этикета. **11.** Где Екатерина Десницкая обвенчалась с сиамским принцем Чакрабонмом? **13.** Первая профессиональная писательница Англии. **16.** Какое изобретение американские экспортеры посчитали в свое время «лучшим средством избежать переполненности церквей по воскресеньям»? **17.** Индийская садовая конопля. **20.** Ясновидящая, выгнавшая из дома и Алана Чумака, и Анатолия Кашпировского. **21.** Главная книга каббалы. **22.** Клей, чтобы крепить золото к иконам. **24.** Владелец фирмы рыболовных сетей из Ливерпуля, первым предложивший использовать свою продукцию как сетку для футбольных ворот. **28.** Где «День открытых дверей» превращается в экстремальное шоу? **30.** Прозвище князя Фабрицио Салина с лицом Берта Ланкастера в исторической киноэпопее от итальянца Лукино Висконти. **31.** Кто придумал те самые костюмы, в которых ходят швейцарские гвардейцы, обещающие мир и покой Ватикана? **33.** Единственный месяц, когда можно кататься на лыжах с австралийских гор. **35.** Священная метка индуизма.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Фауст. **9.** Щипцы. **10.** Буцефал. **11.** Эндивий. **12.** Гергеры. **13.** Ленин. **14.** Николай. **17.** Астат. **20.** Обух. **23.** Аукуба. **24.** Борхгревинк. **25.** Меир. **26.** Пеле. **27.** Терон. **29.** Виски. **31.** Нимат. **32.** Бобр. **33.** «Хьюго». **34.** Лафит. **35.** Лилия. **37.** Страх. **38.** Михутао. **39.** Тифия. **40.** Рафия. **41.** Герусия. **42.** Штука.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Писец. **2.** Яциги. **4.** Айны. **5.** Спирит. **6.** Туй. **7.** Пеней. **8.** Вагиу. **10.** Бикок. **11.** Эрисихтон. **13.** Латук. **14.** Науру. **15.** Догма. **16.** Кубит. **18.** Гугенот. **19.** Вакейро. **21.** Хореография. **22.** Иврит. **23.** Анаксаридес. **28.** Нигилист. **29.** Василиск. **30.** Вьетнам. **32.** Бисутун. **36.** Фагин.

Уважаемые читатели!

ОТКРЫТА подписка на 1-е полугодие 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на 1 месяц с учетом доставки стоит 77 руб. 00 коп.

Подписка на 3 месяца с учетом доставки стоит 231 руб. 00 коп.

Подписка на 6 месяцев с учетом доставки стоит 462 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>кредитная организация</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714028110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11398455 (для юр.лиц)	
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>кредитная организация</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714028110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11398455 (для юр.лиц)	
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир			

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «Смена» на 1-е полугодие 2013 года по каталогам через любое отделение связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Вся пресса в одном месте!

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« В судьбе царя Михаила Федоровича, вступившего на престол шестнадцатилетним отроком, было много интересного, хотя о его жизни вообще почти не говорят: считается, что он женился через пару лет после коронавания и мирно прожил в счастливом браке до конца жизни, произведя на свет полдюжины детей. В истории он остался как спокойный миролюбивый монарх, легко поддающийся влиянию, за что и получил прозвище — Кроткий. Но все это не совсем так, драматизма и даже трагичности в жизни первого Романова было более чем достаточно.

Светлана **Бестужева-Лада** «Основатель династии Романовых»

« Воронежская ласточка » — так любовно называли друзья Евдокию Петровну Расстопчину, русскую поэтессу, современницу Пушкина, Жуковского, Вяземского, Лермонтова. Принято считать, что женская русская поэзия началась с Серебряного века. Ничего подобного! Почти за сто лет до него в поэзии зазвучал женский голос, ничем не уступающий мужским по уровню таланта. Евдокия Расстопчина — одна из самых ярких звезд на поэтическом небе России XIX века.

Денис **Логинов** «Воронежская ласточка»

« Историю человечества легко представить как череду самых разных сражений. Об одних люди давно уже забыли, другие вошли в исторические хроники. Но, наверное, только одно сражение — при Сан-Романо, случившееся в 1432 году в долине реки Арно, — осталось в памяти людей и в мировой культуре благодаря художнику Паоло Уччелло, посвятившему этому событию свою картину.

Ирина **Опимах** «Битва при Сан-Романо»

« Это рассказ о любви, об одной встрече на острове и человеке, который изменил мою жизнь. А самое главное — о том, как важна любовь, и как непросто бывает людям понять друг друга », — так писала известная норвежская актриса Лив Ульман в своем дневнике о своих сложных, но прекрасных отношениях с режиссером Ингмаром Бергманом. Странная любовь! Они пытались соединить свои, такие разные, жизни, но судьба распорядилась иначе... Странная потому, что намного ближе они стали друг к другу лишь тогда, когда расстались, и, расставшись, увидели все совершенные ими ошибки...

Наталья **Дроботько** «Сцены из супружеской жизни»

« Детективная повесть **Варвары Клюевой** «Первый мотив»